ИОГАНН ФОСС

«ЧЕРНЫЕ ЭДЕЛЬВЕЙСЫ» СС

ГОРНЫЕ СТРЕЛКИ В БОЮ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

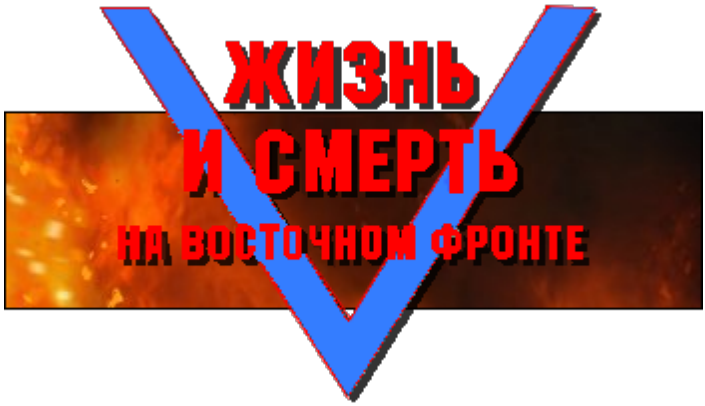
Хотя горнострелковые части Вермахта и СС, больше известные у нас под прозвищем «черный эдельвейс» (Schwarz Edelweiss), применялись по прямому назначению нечасто, первоклассная подготовка, боевой дух и готовность сражаться в любых, самых сложных условиях делали их крайне опасным противником.

Автор этой книги, ветеран горнострелковой дивизии СС «Норд» (6 SS-Gebirgs-Division «Nord»), не понаслышке знал, что такое война на Восточном фронте: лютые морозы зимой, грязь и комары летом, бесконечные бои, жесточайшие потери. Это — горькая исповедь Gebirgsäger'a (горного стрелка), который добровольно вступил в войска СС юным романтиком-идеалистом, верящим в «великую миссию Рейха», но очень скоро на собственной шкуре ощутил, что на войне нет никакой «романтики» — лишь тяжелая боевая работа, боль, кровь и смерть…

- Иоганн Фосс
  - Ромильи
  - Домик в горах
  - Брауншвейг
  - Выбор
  - Откровения
  - Дикие гуси
  - Обучение горных пехотинцев
  - Взгляд в бездну
  - Ничейная земля
  - Шестьдесят шестая параллель
  - День святого Николая
  - Дозор на северном фланге
  - Боевой дозор
  - Летние дни
  - Сеннозеро
  - В плену в Германии
  - Финляндия выходит из войны
  - Из Тухкаллы в Куусамо
  - Киттилэ
  - Муонио
  - Долгий марш в полярной ночи
  - Интерлюдия в Дании
  - Рейпертсвейлер

- Лампаден
- Оболганные
- Эпилог

Иоганн Фосс
«Черные эдельвейсы» СС. Горные стрелки в бою



Ромильи

Последние две недели постоянно, лишь с несколькими короткими перерывами, идет дождь. Главная дорога, покрытая битумом, которая ведет к огромному лагерю, блестит от капель влаги. Внутри нашей лагерной клетки протоптаны тропки. Повсюду большие лужи. Ветер гуляет по открытым просторам Шампани. Под его порывами громко хлопают крылья наших холщовых походных палаток. Редкие солнечные лучи нисколько не согревают наших сердец. Они скудно освещают ряды палаток и сторожевых вышек, вонзающихся в хмурое небо, затянутое серыми облаками. Этой осенью военнопленные пребывают в безрадостном настроении. Дело даже не в скверной погоде, а скорее в оторванности этого лагеря для военнопленных, стоящего на берегу Сены, от окружающей природы. Поблизости от этого заброшенного места нет никаких лесов. В воздухе не кружатся листья и не устилают землю пышным красно-желтым ковром. Никто не жжет кучи листьев, и в воздухе не чувствуется сладковатого дыма таких костров. И, разумеется, нет дома с зажженным очагом, у которого можно в тепле и уюте скоротать зиму.

Поздним октябрьским днем 1945 года по пути в свою палатку я заметил на доске объявлений административного корпуса сообщение о том, что 20 ноября в Нюрнберге начнет свою работу международный военный трибунал, учрежденный четырьмя державами-победительницами. Перед судом предстанут те, кто признан военными преступниками.

Петер и Вальтер, мои друзья, с которыми я особенно близко сошелся за последние полгода, лежат на койках в тесной и темной палатке. Петер — врач из Гамбурга, Вальтер — студент из Вены. Петер пересказывает Вальтеру то, что прочитал в «Старз энд страйпс». У меня сейчас не то настроение, чтобы присоединиться к их разговору. Хочу поразмышлять о только что прочитанном объявлении и о том, что оно значит для моих товарищей — живых и мертвых. Мне нужно лучше разобраться в этом и сделать собственные выводы.

Я один из многих тысяч солдат, которые стали прибывать в этот лагерь, начиная с мая. Нас привозили на грузовиках и в железнодорожных вагонах. Мы воевали во Франции, Греции и Норвегии, в Северной Африке и на Сицилии, и конечно же в болотах и бескрайних степях России. Среди нас есть те, кто помоложе — вроде меня, — и ветераны, то есть солдаты, успевшие повоевать несколько лет. Среди нас имеются те, кому

удалось остаться на оккупированных территориях или в тылу, вдали от фронта; есть и менее удачливые, такие, как я; им в этом отношении повезло меньше. Попали в наши ряды также и те, кто вообще не успел понюхать пороха. Среди них — пятнадцати-шестнадцатилетние мальчишки в военной форме. Затесались в нашу массу и партийные функционеры, некоторые из них по-прежнему щеголяют в коричневой нацистской форме. Они никогда не пользовались любовью простого народа. Оказались в нашем лагере также и женщины, и совсем юные девушки, занесенные сюда, как щепки, бурей войны, закончившейся майским поражением.

Когда меня спрашивают о моем послужном списке, я отвечаю, что был пулеметчиком в горно-пехотном полку. Но это далеко не вся правда. Необходимо уточнить, что мой полк сражался под эмблемой эдельвейса, альпийского цветка, символа горно-пехотных войск СС, но нашу форму также украшали серебряные руны, из чего следует, что и мы теперь отвечаем за ужасные военные преступления, о которых стало известно по окончании войны. После того как мы попали сюда в мае, угодив в госпитальный барак, расположенный в углу лагеря, нам стало известно о широкомасштабных зверствах и массовых убийствах, совершенных немцами. Сначала это были обычные слухи, затем нам в руки стали попадать все новые и новые газетные статьи и особенно фотоснимки концентрационных лагерей, освобожденных англо-американцами. Это были жуткие фотографии, изображавшие военнопленных: сотни и тысячи человеческих существ, находившихся на грани смерти от хронического голода. Это были даже не люди, а, скорее, похожие на призраков скелеты, обтянутые кожей. В их ввалившихся глазах навеки застыло молчаливое осуждение. Были и снимки таких же существ, но уже мертвых. Из их распяленных ртов как будто рвался наружу неумолчный вопль страдания и нескончаемого горя. В мучительные ночные часы, преследуемый подобными видениями, я думал о том, что эти несчастные находились во власти тех, кто, так же как я, носил форму с серебряными рунами, олицетворявшими теперь вину за причиненные людям страдания.

Сегодня, в данный момент, я более четко представляю себе то, как все происходило. Помимо политического и военного руководства Третьего рейха вся система СС, включая и войска СС, признана организацией, ответственной за военные преступления. Я не полностью понимаю все эти обвинения, но полагаю, что нас будут считать виновными за ужасные злодеяния военных лет, ставшие известными во всем мире. Члены этих организаций будут осуждены в соответствии с приговором международного

трибунала. Теперь все приобрело строго официальный характер — мы признаны шайкой преступников.

* * *

Эта новость, напечатанная черным по белому, сродни удару, усиливающему вдвое то потрясение, которое вызвано фактами самих преступлений. Солдаты моей части были фронтовиками, добровольцами, верившими в правое дело и воинский долг, самоотверженно защищавшими свою родную страну. Разве можно представить себе большее оскорбление, чем посягательство на честь воинов, названных шайкой преступников? Разве можно приравнивать идеализм к звериной жестокости?

Это было в марте, на третий день нашего пленения, когда мы впервые испытали на себе презрение победителей. В течение двух дней мы находились в плену у одной из фронтовых частей армии США. (Много лет спустя я узнал, что это было подразделение американской 94-й пехотной дивизии. — Прим. автора.) Окруженные моим собственным полком, американцы и несколько наших солдат, которым посчастливилось остаться в живых, прятались от артиллерийского обстрела немецких войск, сидя в погребе какой-то фермы, делясь с американскими военными нашими скудными пайками, не уверенные в том, кто к кому попадет в плен на следующий день. Как только американцы прорвали нашу линию обороны, они с головокружительной скоростью переправили нас в тыл, где сразу же подвергли допросам. Прежде всего мы лишились внешних атрибутов нашей гордости: эмблем «эдельвейса», петличек и нарукавных нашивок с названием нашего полка. (Название нашего полка — «Рейнхард Гейдрих» — было присвоено нам в 1942 году, после того как Гейдрих был убит в Праге чешскими диверсантами. Гейдрих стал рейхспротектором Чехии и Богемии в 1941 году. До этого он возглавлял СД и активно участвовал в подготовке мероприятий по массовому уничтожению еврейского населения различных европейских стран. В свете этого в послевоенные годы название полка вряд ли могло быть источником солдатской гордости. — Прим. автора.) У нас также отобрали часы, а у меня лично — перстень-печатку с нашим семейным гербом. Это сделал американский офицер с бесстрастным, как камень, лицом.

* * *

После этого начались допросы. Меня вызвали в первую палатку. Допрос проводил человек, который говорил по-немецки бегло, с легким австрийским акцентом. Мои ответы записывались: имя, звание и — поскольку мои нарукавные нашивки были спороты, — название полка. Дело приняло крутой оборот, когда я утаил сведения о нашем местонахождении в последние недели и дни войны, наивно уповая на положения Гаагской конвенции, допускающей отказ военнопленного разглашать военную тайну. Это была неслыханная дерзость с моей стороны. Мой дознаватель начал кричать, что наши войска известны всевозможными зверствами и, в частности, расстрелами американских военнопленных. Права, определенные этой конвенцией, нами утрачены и существует много способов заставить нас говорить правду. Я услышал название Мальмеди и понял, что в этом местечке боевая группа 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» расстреляла группу американских военнопленных. Именно по этой причине они хотели знать, где воевал в те дни каждый из нас. На этом допрос закончился, и меня выпроводили из палатки, в которую тут же втолкнули следующего пленного, и та же самая процедура возобновилась.

Нас набралось десять человек. Нашу группу отвели в стойло какого-то сарая и велели построиться в одну шеренгу напротив кирпичной стены. Перед нами появились два охранника с винтовками наперевес. Резко прозвучали две команды: закинуть руки за голову и повернуться лицом к стене. Лязгнули затворы винтовок. Я подумал: «Таким образом нас хотят заставить отвечать на их вопросы. Они застрелят одного из нас и выжмут необходимые сведения из всех остальных. Такие сведения представляют для них большую важность, и поэтому убивать одного человека они не станут, потому что остальные девять превратятся в свидетелей нового военного преступления. Расстреляют ли они всех нас? Нет, вряд ли, это тоже не имеет смысла».

Мы безмолвно ждали дальнейшего хода событий. Вскоре прозвучала еще одна команда, отданная другим голосом, значения которой я не понял. Новый щелчок затворов. Мы повернулись кругом и под пронзительные крики «Пошли! Пошли!» были препровождены в какую-то деревянную хибару, где провели ночь, скорчившись от сильного холода.

Пару недель спустя мы едва не стали жертвами разъяренной толпы гражданских в Люксембурге. Это были неприятные тягостные дни, которые я помню лишь отчасти, потому что в ту пору терзался собственными бедами. Голод, холод, отсутствие

теплой одежды, сон на дощатом полу каких-то заброшенных казарм при температуре ноль градусов по Цельсию. Со мной случилось воспаление мочевого пузыря, результатом которого стало практически абсолютное недержание. Никакого лечения я не получил и постоянный запах мочи и вечно мокрые штаны доставляли мне моральные страдания, не менее острые чем физическая боль, и значительно усугубляли мое и без того тяжелое состояние. После этого нас на открытых грузовиках перевезли в Люксембург. Мы ехали по извилистым дорогам этой всхолмленной страны, и наши безумные водители нажимали одной ногой на акселератор, а другой болтали в воздухе, высунув ее из кабины. Триумфальная процессия с конвоем, охраняющим пленных солдат войск СС, проехала через город, узкие улочки которого были заполнены разъяренными людьми. В нас без конца бросали камни и кирпичи. Мы отвечали тем, что бросали в них консервные банки, наполненные мочой.

На большой площади перед городским вокзалом нас ждет еще одна толпа. Нам приходится въехать туда, чтобы чуть позже сесть в поезд. Охрана прокладывает нам путь. Прибывают новые грузовики, и собравшийся народ еще сильнее выражает свое недовольство. Мы слышим угрозы на французском и немецком языках. Видя наше унижение, местные жители испытывают злорадство и начинают забрасывать нас камнями. Крики усиливаются. Раздаются громкие команды наших охранников — те плотно сомкнулись, отгородив нас от ревущей толпы, которая угрожающе надвигается со всех сторон. Военная полиция вовремя врывается на площадь, и ее шумное появление заставляет людскую массу успокоиться. Мы добираемся до железнодорожной платформы и грузимся в поезд практически целыми и невредимыми.

Я был все еще достаточно наивен, и мне потребовалось немало времени, чтобы понять, что как бы плохо ни обращались американцы с нами, немецкими солдатами, отношение к тем, кто воевал в войсках СС, было еще хуже. Меня как-то предупредил об этом один пожилой фельдфебель вермахта. Это было на территории бывшего форта французской армии в Малли-де-Камп, где нас высадили из вагонов для перевозки скота. Мы прибыли туда из Люксембурга. Это был огромный лагерь, разделенный на многочисленные клетки. Когда нас поместили в одну из них, мы мгновенно рассеялись среди толпы пленных, беспрестанно сновавших из стороны в сторону. Условия жизни в лагере оказались тяжелыми. Рацион в Малли-де-Камп был настолько скудным, что даже самые молодые и сильные из нас понимали, что долго не протянут, если через пару недель снабжение

продовольствием не улучшится.

Один раз в день, в обеденное время, нам привозили в больших котлах молочный суп. Хотя он был жиденьким, в нем изредка попадалось немного крупы. Обитатели палаток собирались вокруг котлов и пристально наблюдали за раздачей порций. Все жадными глазами следили за тем, чтобы никому не досталось больше других. На раздачу назначался человек, считавшийся справедливым и достойным всеобщего доверия. Малейшие отклонения от нормы сопровождались недовольным ропотом окружающих.

Я стоял рядом с упомянутым выше фельдфебелем. Мне нравился его опрятный вид, спокойные приятные манеры и явное презрение к суете, окружавшей раздачу пищи.

— Сынок! — неожиданно обратился он ко мне. — На твоем месте я бы постарался избавиться от этой формы. И причем как можно скорее.

— Зачем? — осведомился я с легким раздражением в голосе.

Он выразительно посмотрел на мой левый манжет, затем на воротник и правый рукав, где остался невыцветший след от нашивки с названием моего полка. Это были явные свидетельства моей принадлежности к войскам СС.

— Позволь сказать тебе, — продолжил фельдфебель. — Они уже начали искать по всему лагерю парней вроде тебя и скоро начнут отделять их от остальных солдат. В других клетках поиски уже в самом разгаре. Сделай, как я тебе сказал.

Он заметил мое замешательство и явное неприятие совета.

— Ответь мне, ты хочешь попасть под суд и получить наказание за военные преступления? Угодить в трудовой лагерь? Хочешь провести десять лет за колючей проволокой? Я бы на твоем месте не раздумывал долго над моим советом.

С этими словами он подвел меня к своей палатке.

— Заходи, сынок, я дам тебе другой мундир. Он принадлежал одному парню из нашей палатки. Утром его увели. Вот бедняга, не повезло ему.

С тех пор я стал носить синий мундир парашютиста. Я не очень горжусь этим днем, но готов признать, что получил хорошее предупреждение и рассказал о случившемся Генриху, который все еще оставался со мной. Он последовал моему примеру. Генрих был моим товарищем с самого начала воинской службы. Вскоре мы расстались навсегда, точнее нас разлучили. Однажды утром нам приказали выйти на плац для переклички. Мы выстроились в несколько шеренг — еще не успели отвыкнуть от военной дисциплины. Американский офицер, говоривший по-немецки, стал выкликать названия подразделений бывшего

вермахта. Мы должны были отозваться, если называлась наша военная часть. Когда выкликнули парашютный полк, я быстро присоединился к группе солдат, потащив с собой и Генриха.

Стоял жаркий день, и мы были измотаны долгой процедурой проверки. Все обрадовались, когда поступил приказ снять шинели, мундиры и рубашки и построиться рядами. Началось новое разделение пленных. Два американских сержанта проходили вдоль рядов и приказывали каждому из нас поднять вверх левую руку. Цель была предельно ясна: проверить под левой подмышкой наличие татуировок, обозначающих группу крови. Такие татуировки были у всех солдат из войск СС. Таким образом, американцы выявили немало «грешников». Оказался среди них и Генрих. Всех их отвели в сторону и куда-то отправили под усиленным конвоем. К счастью, такой татуировки у меня не было. В тот день, когда их нам накалывали, — я находился тогда в Альпах, в строевой роте, — неожиданно меня навестил отец, который возвращался с Восточного фронта и направлялся в Италию. Позднее обо мне забыли, и я остался без татуировки.

* * *

В настоящее время я нахожусь в госпитальной клетке и выполняю обязанности переводчика. Они состоят в следующем: я должен сопровождать немецких врачей и их американских начальников во время ежедневных обходов больничного корпуса, который разместился в выстроенных в ряд одиннадцати палатках. Иногда я сажусь в джип вместе с одним из медиков, и мы едем в новую клетку. Сам я так и не попал в клетку, где содержались военные преступники, она расположена в дальнем конце лагеря. Я видел ее лишь с расстояния, в последний раз два месяца назад. Слышим крики, как на плацу, и вскоре видим пробегающих строем военнопленных. Охранник говорит, что такова обычная практика в военных тюрьмах США. Заключенных весь день заставляют бегать. Провинившихся наказывают за самые малые провинности очень строго — законы там драконовские. Говорят, что в этой клетке содержат бывших солдат войск СС, которых ждет суд международного трибунала. Неужели это всего лишь слухи? Этих парней перевели туда две недели назад, но что с ними будет дальше, точно неизвестно.

* * *

Я постоянно повторяю себе, что было бы полной бессмыслицей заявить о себе и признаться в службе в рядах СС и попросить перевода в эту клетку. Что толку? Здесь, в госпитальной клетке, я, по крайней мере, могу хоть как-то помочь нашему брату-солдату, как это было в случае с унтерштурмфюрером из моего полка, который попал в лагерь несколько месяцев назад. Его здоровье было в ужасном состоянии, и я смог в качестве первой помощи хотя бы сунуть ему буханку хлеба. По ночам, лежа на койке, я вспоминаю своего друга Генриха и думаю о постигшей его судьбе.

Через несколько дней после того, как нас с ним разлучили, я заметил его с расстояния — он находился в соседней клетке, отделенной от нас колючей проволокой, возле которой расхаживали охранники-чехи. Я до сих пор помню его фигуру, стоящую на некотором отдалении от остальной толпы пленных. Я махал рукой и кричал, пытаясь привлечь его внимание, но он так и не отозвался. Может, не заметил меня, потому что ему в глаза било яркое солнце? Не знаю. С тех пор мне ничего о нем неизвестно.

В тот октябрьский день темнота рано опустилась над лагерем. Ветер утих. Наша палатка полна людей, это мои коллеги из числа больничного персонала. Судя по всему, к моему желанию побыть в одиночестве и ни с кем не общаться здесь отнеслись с пониманием. Мои мысли перескакивают с тех, кто признан военными преступниками, на погибших немецких солдат, которые похоронены под простыми деревянными крестами на кладбищах в Заполярье, в земле Нижних Вогезов и среди холмов к западу от Рейна. Они тоже воевали в войсках СС и таким образом подпадают под определение «военные преступники». Неужели они погибли бесславной смертью, совершая преступления, о которых стало известно совсем недавно? Откуда мне знать? Получается, что я такой же, как и они.

Я снова возвращаюсь в мыслях к прошлому, которое, как утверждают американцы, омрачено позором содеянного. Они считают, что мы должны терзаться чувством вины и раскаянием. Несмотря ни на что, я вспоминаю свое прошлое с теплотой и не испытываю никакого сожаления. Эти воспоминания — мой последний приют, своеобразное святилище, в котором я чувствую себя в относительной безопасности. Я спасаюсь в нем от моря ненависти и ложных обвинений, мне не грозит в них утрата самоуважения и гордости. В моих воспоминаниях о сражениях в составе моей военной части нет ничего чудовищного, в них отсутствуют преступные или постыдные деяния, равно как и

знание о жестокостях моих товарищей и однополчан. Я слышал лишь честные признания молодых солдат, искренне веривших в то, что большевизм их общий враг и борьба с ним была, по их убеждению, благородным делом, даже более важным, чем защита родной страны, потому что оно объединяло в едином порыве молодых патриотов во многих государствах Европы. Их идеализм не ведал границ и даже смерть не пугала их, поскольку они считали, что от них зависит судьба всего цивилизованного мира.

Наше прошлое — это время, когда началась война, и мы простились с детством и повзрослели. Это было время, когда наша страна находилась в кризисе. Это было время, когда мы вызвались выполнить солдатский долг. Это было время боев в горах и в лесах. Наше прошлое коротко, оно измеряется всего несколькими годами, которые, тем не менее, вместили в себя очень многое. В этих нескольких годах присутствовали жизнь, судьба, гибель горно-стрелкового батальона, который сначала сражался на севере, а затем на Западном фронте. Смерть безжалостно косила наши ряды, и вскоре, несмотря на принесенные нами жертвы, мы поняли, что проиграли в борьбе то, за что честно сражались и умирали.

Признаюсь, за это время меня не раз одолевали сомнения. В моей жизни были минуты, когда я понимал, что существуют мрачные и зловещие стороны бытия. Был в ней и такой эпизод, когда я впервые встретился с русскими военнопленными, оказавшимися на вокзале моего родного города. Были предупреждения, которые я слышал от отца. По пути в Финляндию я столкнулся с группой евреев. Эти сомнения также принадлежат к моему прошлому. Сейчас оно вернулось ко мне в виде тревожного вопроса о том, видел ли я раньше подобные свидетельства. Вопрос неприятен, но для собственного же блага я должен ответить на него.

Домик в горах

Раннее сентябрьское утро 1938 года. Мне тринадцать лет. Первое, что я слышу, это негромкий скрежет гравия, сгребаемого граблями в саду. Комната, которую я делю со своим старшим братом Ником, находится на чердаке. Из нее открывается вид на лес, протянувшийся с противоположной стороны улицы прямо на гору. Мы проводим выходной день во время наших осенних каникул в доме дедушки. Мы — это мои родители, сестра, два брата и я. Дом наполовину сложен из камня, наполовину из дерева. Он огромный и очень красивый, в типично деревенском стиле. Услышав знакомые звуки, я испытываю радость и ожидание чего-то приятного и светлого. Эти чувства во мне пробуждают воспоминания о прошлых приездах сюда в дни летних каникул. Неожиданно вспоминаю и другое — сегодня у Мамочки (моей бабушки по материнской линии) день рождения, ей исполняется шестьдесят пять лет.

Яркие пятнышки солнечного света пляшут на противоположной стене, обещая теплый погожий день. Выпрыгиваю из кровати и с восторгом выглядываю в окно. Вижу старого Бракеля, садовника, который граблями расчищает дорожку, ведущую от ворот к дому. Желая привести в порядок дом и все вокруг него в такой памятный день, как этот, он проводит граблями по желто-коричневому гравию, делая аккуратные параллельные полоски.

Стэна, младшая сестра моей матери, перегибается через парапет лоджии. Она одета в светло-голубое платье с белым передником. Подняв голову, она смотрит на небо, пытаясь угадать, какая сегодня будет погода.

— Эй! — кричит Стэна, заметив меня. — Доброе утро! Спускайся. Поможешь мне накрыть на стол. Пожалуй, завтракать сегодня мы будем в лоджии.

— Иду! — отзываюсь я. Вскоре я оказываюсь на террасе с полом, уложенным как шахматная доска черной и белой плиткой. Здесь же стоит роскошная белая садовая мебель.

Прямо возле дома находятся знаменитые поросшие лесом вершины Гарца. Они заканчиваются далеко на юге, примерно в восьмидесяти километрах от нас. От леса с его мхом, папоротниками, ручьями и речушками исходит сильный запах, удивительно свежий, успокаивающий и одновременно бодрящий. Мы все надолго запоминаем его, когда возвращаемся в Харденбург, в дом Брукманнов.

Дом — настоящее царство, в котором властвует Стэна. Она не

замужем, как и ее старшая сестра Эдда, и живет с матерью. На лоджии мы с ней занимаемся сервировкой стола, стараясь делать это с максимальной аккуратностью — ставим на белую льняную скатерть бело-голубые фарфоровые чашки, столовое серебро и вазы с цветами, которых сегодня особенно много. Еда, которая чуть позже появляется на столе, по сравнению с этим великолепием, довольно скромная: хлеб, булочки, масло, несколько видов варенья и джема домашнего приготовления и, конечно же, горячий кофе со сливками. Обычно еда в доме Брукманнов бывает скромной. При отсутствии мяса, яиц, бекона и сыра на столе обычно стоит серебряная чаша, наполненная маленькими шариками масла, умело приготовленными Стэной. Таковы были типичные завтраки у Брукманнов. Подобные привычки соблюдались достаточно строго даже после того, как в доме больше не стало служанок.

В день рождения бабушки дом полон людей. Отсутствует лишь Эдда. Кроме моей собственной семьи — нас всего было шесть человек — присутствуют довольно необычные гости: Петер, младший брат моего отца, и его жена-шведка, Грета. По пути из Лондона в Стокгольм, их постоянное место жительства, они приехали два дня назад сюда, чтобы повидаться с родственниками. Вскоре все мы собираемся к завтраку. Главная за столом бабушка, спокойная и уравновешенная, как всегда. Она — неоспоримый авторитет нашего семейства. Стэна, похоже, чем-то немного обиженная, следит за тем, чтобы завтрак прошел как следует и всем всего хватило. Моя мать пришла чуть позже обычного и сейчас о чем-то оживленно беседует с Гретой. Мой отец и Петер перемежают разговор шутками и смехом. Бабушка при этом проявляет легкие признаки неудовольствия. Так бывает каждый раз, когда семейство Фосс, то есть семья моего отца, начинает, как ей кажется, посягать на ее главенство за столом.

Между завтраком и тем временем, когда должны прийти гости, мы с Ником гуляем в саду. Это превосходный участок земли, принадлежащий Брукманнам, которым они очень гордятся. Он представляет собой две лужайки с деревьями, аккуратно подстриженными кустарниками и посыпанными гравием дорожками. Его площадь составляет целый гектар. Это даже скорее парк, а не сад. Здесь находится небольшой павильон, окна которого выходят на лужайку. Это просторная ротонда, в которой висит превосходная люстра венецианского стекла, подаренная моему деду известным промышленником господином Симменсом. Нам, детям, этот замечательный сад представляется лучшим местом на земле, мы любим здесь играть. Здесь находится так называемый «ведьмин домик», в котором когда-то

играла наша мать и ее сестры; пасека, сарай, где хранится сено; ныне пустующий свинарник; курятник; бывший теннисный корт, который в те дни использовался для разжигания костров на Пасху. В отдаленном углу сада располагается место, где принимают воздушные ванны. Кроме того, в саду много яблонь, груш и вишневых деревьев, а также огромное дерево, на котором растут грецкие орехи.

— Скажи, — спрашивает меня Ник, когда мы садимся на крыльцо павильона. — Что случилось вчера, когда вы отправились на прогулку в горы? Утром я слышал, как отец обмолвился об этом маме, что-то такое о дяде Петере. Я только не понял, что именно он говорил о нем.

Мне понятно любопытство Ника, которому хочется узнать о случае, который меня позабавил, а остальных сильно смутил. Вчера мы отправились на прогулку в горы. Нас было восемь человек: Петер с Гретой и мы. Ездили мы на нашем автомобиле. С нами также отправились в своей машине друзья нашей семьи — Филипп фон Бургдорф и его сестра Нора. Я ехал вместе с ними. Ник остался дома — он занялся починкой радиоприемника, надеясь услышать по нему вечернюю речь фюрера.

Мне хочется немного подразнить Ника, разжечь в нем любопытство, и поэтому я начинаю рассказ издалека, обильно добавляя лишние подробности.

— Мы замечательно провели время, — начинаю я. — Было довольно тепло, и мы отправились искупаться в речке Боде. Мы пошли втроем: Филипп, Нора и я. Вода была просто ледяная, но все получили большое удовольствие. Потом мы с Филиппом попробовали руками ловить форель. Рыбины проплывали очень близко, но как только мы пробовали ухватить их, они ускользали от нас. Пикник получился замечательный, и потом, чтобы сделать приятное папе, мы пошли собирать грибы.

Ник не отставал от меня, требуя рассказать другое, о чем утром разговаривали его родители.

— Ну тогда, наверно, они имели в виду то, как вел себя дядя Петер во время речи фюрера, — ответил я и поведал о том, что случилось в деревенской гостинице.

Мы зашли в нее, потому что проголодались и решили перекусить. Отец заказал большую сковороду яичницы, по три яйца на каждого из нас. Все присутствующие провожали взглядами официанта, когда тот принес нам огромную сковороду с гигантской дымящейся яичницей. Не успели мы доесть ее, как по радио началась трансляция речи рейхсканцлера. Все в зале сразу же замолчали и стали слушать. Начал Гитлер, как обычно, издалека, заговорив о приходе партии национал-социалистов к

власти. Петеру не понравилось, что речь помешала нашей беседе, и попытался разговаривать дальше. За это он удостоился недовольных взглядов находившихся в зале людей: крестьян, лесорубов и нескольких женщин — людей, в целом, добродушных и миролюбивых. Затем Гитлер, наконец, подошел к вопросу о Судетах. Его голос делался все громче и громче. Казалось, будто он находится совсем рядом, стоит на трибуне и энергично жестикулирует, выступая перед тысячами людей. Именно тогда Петер и отколол шутку. Он намазал верхнюю губу жженой пробкой и косо зачесал челку на лоб. Все произошло очень быстро, и, когда я снова посмотрел на него, он уже изображал Гитлера, сделав гневное лицо и избрав присутствующих в качестве зрителей. Это длилось недолго, однако люди успели заметить данное коротенькое представление и не на шутку рассердились. Моя мать тоже осталась недовольна. Она сидела рядом с Петером и ткнула его локтем в бок.

— Ты с ума сошел? Немедленно прекрати! — прошипела она. — Ты не в Англии и не в Швеции!

Петер немедленно прекратил, но было заметно, что он остался доволен своей шуткой. Мой отец поспешил попросить счет, быстро расплатился, и мы вышли из гостиницы прежде, чем закончилась речь по радио.

Ник недоверчиво покачал головой.

— Невероятно! Такого просто не может быть, верно? Теперь я понимаю папины слова. Он сказал: «Ну и представление вчера закатил Петер!» Мама его тут же оборвала: «Что он себе думает?»

Петер, наш элегантный дядюшка, такой высокий, стройный и неизменно жизнерадостный! Мне всегда нравились встречи с ним. Он был олицетворением другого мира, странного, непонятного и привлекательного. Какими бы разными ни были братья, они всегда легко сходились с людьми независимо от возраста, социального происхождения или должности. Петер родился в Бундаберге, в Австралии, а мой отец — в Сиднее. Он был на десять лет старше Петера и почти всю свою юность провел в другом полушарии, у него даже возникли трудности с немецким языком, когда семья вернулась в Германию. Петер привык путешествовать по всем миру со своим английским паспортом. Подобное было немыслимо для моего отца, который в годы Первой мировой войны служил в немецкой армии в офицерском звании. Окончив Венский университет в самый разгар кризиса 1920-х годов, Петер отказался жить на родине предков и выбрал местом обитания Британские острова. В настоящее время он являлся представителем одной британской фирмы в Стокгольме. Было трудно представить себе большего космополита, чем он.

Кроме того, мой дядюшка был горожанином до мозга костей. В Грете, родившейся в Германии, но позднее удочеренной отчимом, шведским хирургом, он нашел равную себе личность. Это была необычайно привлекательная, спортивная женщина, профессиональная пианистка, которая, что особенно привлекало меня в ней, когда-то играла в хоккей на льду.

Мы с Ником продолжали сидеть на ступеньках крыльца у дверей павильона, или «храма», как его называли в кругу нашей семьи. Росшие полукругом высокие туи как будто стеной закрывали его угол. В этой нише всегда было темно. Здесь находился простой деревянный крест. На нем имелась следующая надпись: «Обер-лейтенант Гюнтер Брукманн, родился 12.4.1895 года, погиб в бою в Волыни 20.7.1917 года».

В этом священном для нас месте всегда можно увидеть свежие цветы. Я знаю единственного сына нашей Мамочки лишь по фотографии, которая всегда стоит на ее письменном столе. На ней он изображен в лейтенантской форме.

В то утро я впервые почувствовал, что мои родственники по-разному относятся к прошлым и нынешним политическим событиям. В отличие от моих родителей дядя Петер никоим образом не был связан с последней войной, закончившейся двадцать лет назад. Он также по-иному понимал послевоенное политическое устройство Германии. Война никак не повлияла на формирование его личности в юные годы, чего нельзя было сказать о семье его брата, моего отца. Поэтому речи Гитлера дядя Петер воспринимал как нечто излишне пафосное и забавное. Однако мои родители смотрели на такие вещи по-другому. Несмотря на ироничное отношение моего отца к политике, для него существовали и очень серьезные понятия вроде деревянного креста в память погибшего на войне Гюнтера Брукманна. Нелюбовь отца к показному пафосу привела к тому, что он воздержался от комментариев относительно поведения брата. Мать, напротив, была более откровенна.

Тем не менее не следовало забывать, что сегодня день рождения бабушки. Утром она принимала поздравления гостей. Она была одета в черное — традиционное одеяние вдовы. Единственная ее уступка традициям в тот день состояла в том, что она надела белый воротничок. Она держалась удивительно прямо. Ее густые, вьющиеся черные волосы с серебристыми нитями седины были коротко острижены и зачесаны назад. Это была прическа, нетипичная для женщин ее возраста. Каждого из гостей она встречала взглядом живых, внимательных глаз. Время от времени бабушка подносила к глазам лорнет, чтобы лучше рассмотреть поздравительную открытку.

Для меня бабушка была олицетворением поколения, которому довелось жить в благословенные предвоенные десятилетия. Активные и предприимчивые люди вроде моего деда смогли обзавестись внушительных размеров собственностью, которой теперь умело распоряжалась бабушка, руководившая нашей семьей с нежной строгостью. Мой покойный дед, человек ученый и смышленый, пользовался уважением в промышленных и коммерческих кругах Брауншвейга, был членом тайного княжеского совета и, так сказать, всегда присутствовал в нашей жизни. Его написанный маслом портрет висел в зале, и дед зорко смотрел на нас смышлеными голубыми глазами.

Между тем родственники и гости перемещаются в сад и общаются, усевшись на белые садовые скамейки и стулья. Среди гостей я вижу Бургдорфов, соседей и друзей Брукманнов. Уже третье поколение обеих семей дружат и хорошо ладят. Знакомство началось еще в ту пору, когда они купили землю по соседству и построили на ней дома. Бургдорфы владели фирмой, занимавшейся строительством мельниц и прессов для выжимки масла в разных странах мира. Сад Бургдорфов был в два раза больше нашего. Хотя я часто бывал там, меня всегда немного пугало благородное внутреннее убранство жилища и величие тех далеких дней, которые, как казалось, впитал в себя дом и сад. Я видел фотографии тех лет, когда моя мама была ребенком. Ее снимали в саду вместе с дочерями Бургдорфов и Брукманнов. Девочки в длинных белых платьях и широкополых шляпках. На заднем плане — лужайка с березками, идеально сочетающаяся с архитектурным стилем дома.

Филипп фон Бургдорф также появился на дне рождения. Он на три года старше меня. Хотя в моем возрасте разница в три года значит очень много и мы живем в разных местах, Филипп — в Брауншвейге, — мы с ним дружим.

Проводя каникулы в Харденбурге, мы вместе катались на лыжах или отправлялись на прогулки в горы. Когда мы были моложе, то тайком обирали вишни с деревьев в саду Бургдорфов. Сестра Филиппа Нора нередко принимала участие в таких «акциях». В прошлом году мы провели две недели в летнем лагере юнгфолька в горах Гарца. (Юнгфольк — подразделение организации «Гитлерюгенд», в которой состояли мальчики в возрасте от 10 до 14 лет. Первоначально членство было добровольным, однако позднее приняло обязательный характер. Мальчики более старшего возраста могли оставаться в рядах юнгфолька в роли руководителей. В основном это были учащиеся немецких гимназий, которые в первой половине дня занимались учебой. — Прим. автора.) Филипп был руководителем фенляйна,

или сотни, а я несколько раз назначался ночным часовым. Однажды ночью, когда я совершил обязательный обход лагеря и далее должен был подбрасывать дрова в костер, чтобы он не погас, Филипп подсел ко мне, и мы стали разговаривать о его семье, о Брауншвейге и о той роли, которую его предки сыграли в истории нашего родного края. Мы также говорили об истории Древнего Рима и Германии, в которых он оказался большим знатоком.

Вспоминая о летнем лагере, я прихожу к выводу, что мы оба были довольны пребыванием в нем, особенно той ответственностью, которая возлагалась на нас, мальчишек, ведь он был руководителем фенляйна, а я часовым. Мне было приятно осознавать, что я получил право охранять сон своих товарищей. Позднее, когда я попал на фронт, обязанности караульного представлялись мне обузой, иногда даже невыносимой. В юные годы они казались мне великой честью и я гордился их выполнением.

Следует немного сказать о внешности Филиппа. У него была спортивная стройная фигура, носившая несомненный отпечаток некой утонченности и имевшая признаки «хорошей породы», как говорила моя мать. Как мне кажется, пребывание в рядах юнгфолька нравилось ему потому, что окружающие всячески старались добиться его благосклонного внимания. К нему тянулись и дети, и взрослые. У него было красивое открытое лицо. Особенно выразительными были складки в уголках рта, которые как будто выдавали некую затаенную печаль Филиппа. Однако об этом сразу же забывалось, когда его губы растягивались в обаятельной улыбке.

Днем, когда гости разошлись, а родственники разбрелись по саду и лужайкам, мы с Филиппом отправились на непродолжительную прогулку в горы. Не обращая внимания на проторенные дорожки, мы шли вперед по кратчайшему, как нам казалось, пути. Примерно через полчаса, запыхавшиеся, покрытые потом, мы поднялись на вершину. Здесь мы передохнули, слыша, как часто стучат наши сердца. На вершине было тихо, лишь ветер шевелил высокую желтоватую траву. Приятно пахло хвоей. Как мне нравятся наши горы! Далеко внизу были видны крошечные крыши домов Харденбурга, крытые красной черепицей, шпиль собора и зеленые лоскуты крестьянских наделов, протянувшихся до самого горизонта.

Разве подозревали мы в те минуты, насколько были счастливы? В следующий раз я увиделся с Филиппом только через два года. На нем была шинель, на которой красовался Железный крест.

Тот славный сентябрьский день 1938 года вспоминается мне в мельчайших подробностях. Семья собралась вокруг пианино, установленного в зале. Моя сестра, самая младшая из нас, первой прикасается к клавишам. Я играю на скрипке пьесу Перголези. Отец на виолончели исполняет ноктюрн Чайковского в ре-миноре, мать подыгрывает ему. Это романтическое произведение, выгодно подчеркивающее прекрасное звучание виолончели. По случаю сегодняшнего торжества Грета надела национальный шведский костюм. На ней белая блузка, черный бархатный жилет, красная юбка и белые шерстяные чулки. Она завершает наш маленький семейный концерт ноктюрном Шопена, играя его без нот, по памяти. Мы не хотим отпускать ее после этого и просим, чтобы она исполнила что-нибудь еще. После наших уговоров Грета запевает народную шведскую песню «Ack Vermeland Du Sköna» (О, прекрасный Вермланд), подыгрывая себе на пианино. (Вермланд — провинция на юго-западе Швеции. — Прим. автора.) Я глубоко тронут красотой этой простой мелодии, так дивно гармонирующей с обликом красивой юной женщины в национальном костюме.

Затем, совершенно неожиданно, в зале появляется Эдда, только что приехавшая из Нюрнберга со съезда НСДАП. Она удивительно хорошо выглядит — стройная, красивая, элегантно одетая. На лацкане пиджачка круглый партийный значок, под которым красуется ромбик «Гитлерюгенда». Она оглядывает зал пронзительными голубыми глазами. У нее темные брови, темные волосы, собранные в узел на затылке, орлиный нос. Из всех членов нашей семьи только у нее единственной такой нос.

Она приветствует нас четко произнесенным «Хайль Гитлер!». В таком обращении к родственникам с ее стороны нет ничего неестественного. Эдду всегда отличала открытость и непосредственность. Ни у кого нет ни малейших сомнений в том, что тем самым она хотела продемонстрировать свою лояльность фюреру, лояльность, которая подкреплена посещением Нюрнберга. Однако, даже зная Эдду, наша семья удивлена непривычным приветствием, принимая во внимание то, что сегодня день рождения бабушки, на котором присутствуют «наши шведы».

Эдда тепло обнимает виновницу торжества и подходит к остальным, чтобы поздороваться. Когда настает очередь Петера, тот на полном серьезе произносит:

— Хайль Гитлер, дорогая! Хорошо, что ты снова с нами, целая и невредимая.

Моя мать, хорошо зная обоих братьев, вовремя останавливает отца, потому что тот может подхватить игру Петера, создав

неловкую ситуацию.

Пока что обед проходит достаточно спокойно и пристойно. Семья, собравшаяся в зале за большим столом, выслушивает рассказ Эдды о том, что она видела в Нюрнберге. Она горда тем, что побывала на партийном съезде и, как ей кажется, стала свидетелем важных политических событий, в том числе поучаствовала в ночном факельном шествии. Семья терпеливо воспринимает ее воодушевление, но под конец политическое противоречие, порожденное напряженной международной обстановкой, портит благодушную атмосферу застолья.

Разумеется, в моем нежном возрасте я был далек от понимания обсуждаемых вопросов. Однако я хорошо помню ощущение тревоги, которое испытал, когда Эдда решительно поддержала предупреждение Гитлера, сделанное в адрес западных держав в отношении Судетских земель, точнее референдум, который он собрался проводить в Германии. И все-таки я понял — и это надолго произвело на меня сильное впечатление, — что скоро может начаться новая война.

— Вам надо было побывать там и увидеть огромное воодушевление народа, когда фюрер сказал, что больше не потерпит того, что у судетских немцев отнимают право на самоопределение, — заявила Эдда. — Вся нация в этом вопросе поддерживает его.

— Лично у меня есть кое-какие оговорки на этот счет, — сказала моя мать. — Остается надеяться на то, что это всего лишь напускная храбрость. Референдум может стать поводом к войне, а это, осмелюсь заметить, совсем не то, чего жаждет наш народ.

— Боюсь, что Эдит права, — поддержала ее бабушка. — Ходят слухи, что Англия и Франция непременно окажут военную поддержку Чехословакии, если на нее нападет какая-нибудь страна. Об этом писали в сегодняшних газетах.

— Англичанам и французам намекнули, что им стоит воздержаться от опрометчивых шагов подобного рода, — возразила Эдда, покраснев. — Они не посмеют с нами связываться. Судетская проблема их не должна касаться. Это наше внутреннее дело.

— Верно, фюрер именно так и сказал, — вступил в разговор Петер. Эдда не дала ему договорить и резко оборвала его.

— И он прав! Надеюсь, что вчера вечером он абсолютно понятно выразился.

— Возможно, он ошибается, моя дорогая, — продолжил Петер. — Не исключено, что все обстоит прямо противоположным образом и он вмешивается во внутренние дела этих стран. Разве Чехословакия не их детище? Может, они присматривают за ней,

как за своим чадом, как и должны поступать приличные родители, и не хотят, чтобы кто-то другой говорил ему, как вести себя?

— Похоже, мой дорогой, что ты сильно оторвался от нашей жизни и не знаешь, как идут дела в последние годы в Германии, — парировала Эдда, сверкнув глазами. — Похоже, что ты ничего не понимаешь в новом мышлении. Мы не верим в то, что послевоенное мироустройство по-прежнему остается идеально правильным и неприкосновенным. Мы думаем, что у него больше нет будущего. В настоящее время чехи продолжают угнетать три с половиной миллиона немцев! Я тебе скажу вот что — фюрер этого не потерпит! Он положит конец этой несправедливости!

— А что, если ему не позволят это? Что, если им нет дела до того, что ты называешь новым мышлением или возрождением нации? — стоял на своем Петер.

— Они никуда не денутся и уступят его воле. Мы верим в правоту нашего дела. В этом наша сила. Фюрера поддерживает вся нация!

— Ради бога, давайте не будем говорить о политике! — проворчал мой отец. — В этом нет абсолютно никакого смысла. Разве нам известны все факты? Конечно же нет! И поскольку это так, разве имеют какую-то важность все наши рассуждения? Давайте не будем вести себя как политики, ведь от нас ничего не зависит. Терпеть не могу пустых словоизвержений!

Но Эдцу, если она разошлась, практически невозможно остановить.

— Кого я терпеть не могу, так это скептиков, ворчунов и маловеров, которые сомневаются в правоте фюрера, стоит на горизонте появиться облаку кризиса. Вот уж кого действительно нужно остановить!

— Если это будет продолжаться, то на меня рассчитывать не стоит, — пробормотал отец, собираясь встать из-за стола.

Бабушке каким-то чудом удается предотвратить ссору и положить конец разговору. Уже не в первый раз политика вмешивается в семейную жизнь, тем самым неоправданно отравляя ее.

Через две недели состоялась знаменитая Мюнхенская конференция. Проблема была мирно решена в пользу судетских немцев. Впервые в моей жизни я внимательно следил за этим важным событием международной политики. Войну удалось предотвратить. Однако в тот самый день я понял, что она неизбежна и обязательно станет частью моей жизни, жизни моего поколения, так же как это было раньше в истории нашей страны.

Брауншвейг

Было уже поздно, когда я прибыл в Брауншвейг, чтобы провести два дня в доме моей бабушки Фосс. Наша семья осталась встречать Рождество в Харденбурге, это было третье Рождество с начала войны. Поскольку мой отец был офицером запаса, в августе 1939 года его призвали в армию. В данный момент он находится на Восточном фронте, где-то под Смоленском. Более точное его местонахождение оставалось нам неизвестным.

Эта зима выдалась снежной. Пространство между Харденбургом и Брауншвейгом было покрыто белым пушистым ковром снега, светящимся в темноте. По перрону железнодорожной станции торопливо сновали подгоняемые холодом люди с поднятыми воротниками, оставлявшие за собой парной след дыхания.

Оказавшись на городской площади, я был удивлен тем, как сильно изменился город по сравнению с довоенным временем. Теперь, в самом начале 1942 года, я увидел затемненные окна и снег, услышал приглушенные звуки городского транспорта. Моему взгляду предстали затемненные фары автомашин и трамваев. Все это казалось непривычным, городские улицы представлялись нереальными, похожими на театральные декорации. Однако необычная атмосфера не носила какого-то напряженного, подавленного характера — вся система городской жизни по-прежнему находилась в движении, однако протекала как будто под землей, а не на ее поверхности. Насколько я понимал, над людьми тяжело довлели военные сводки. Во-первых, уже произошли драматические события в Перл-Харборе, и мои соотечественники, наконец, осознали, что мы находимся в состоянии войны с США. Во-вторых, тревожные сводки Верховного командования вермахта приобрели более или менее объективный характер и стало понятно, что на Восточном фронте готовится решительное контрнаступление частей Красной Армии. Героический лексикон прессы, сообщавшей о «титаническом оборонительном сражении», едва ли мог скрыть тот факт, что война с советской Россией приняла драматический оборот. Все постоянно думали о наших солдатах, воевавших на полях этой далекой страны, которые сначала увязли в осенней грязи, а сейчас пытаются выжить в условиях чудовищных зимних холодов без приличного теплого обмундирования при температуре минус 20–30 градусов по Цельсию. Глядя из окна поезда на покрытую снегом землю, я вспоминаю образы, возникавшие в моем

воображении при чтении романа Сенкевича «1812 год», — эпизоды бегства французской армии от безжалостных казаков по бескрайним просторам заснеженной России.

Всего неделю назад состоялась отставка фельдмаршала фон Браухича с поста главнокомандующего сухопутными войсками. Вооруженные силы рейха возглавил сам фюрер. Отставку Браухича объясняли состоянием здоровья. Однако истинная причина была ясна всем — значительное ухудшение обстановки на Восточном фронте. Мой дядя, Вольф Фосс, был адъютантом фельдмаршала. Какие секреты ему известны? В какие события он вовлечен? Уйдет ли он в отставку вместе с Браухичем?

Поскольку в городе строго соблюдались правила военного времени, касающиеся светомаскировки, мне не сразу удалось найти дом бабушки. Пришлось немного поплутать по улицам и переулкам. Дома, так красиво выглядящие днем, при солнечном свете, теперь были окутаны темнотой и казались мрачными и неприветливыми. Я всегда любил Брауншвейг, особенно его старый центр, замок и собор в романском стиле, живописные парки и два рукава реки Окер с берегами, поросшими огромными ивами. Это был родной город нескольких поколений Фоссов, здесь же жили родственники моей матери. Брауншвейг был основан королем Генрихом Львом, который примерно восемьсот лет назад прорубил в этом месте дверь, ведущую из Европы на восток. Бронзовая фигура льва во дворе городского замка по-прежнему смотрит на восток. (Генрих Лев (1130–1195 годы), герцог Саксонии и Баварии. Вассал императора Фридриха Барбароссы, участвовал вместе с ним в походах в Италию в 1154–1155 годах. Основатель Мюнхена и Любека. Прославился политикой экспансии на восток и вытеснением славянских племен за Эльбу. В 1179 году Генрих отказался участвовать в походе Барбароссы в Ломбардию, что привело к утрате принадлежащих ему земель и изгнанию из Германии. Генрих Лев жил в изгнании, перебравшись в Англию, поскольку его женой была дочь английского короля Генриха II. Остаток жизни провел на родине и умер в звании герцога Брауншвейга-Люнебурга. Его сын Отто был избран в 1209 году императором Священной Римской империи и вошел в историю под именем Оттона IV.

В школьные годы автора этих воспоминаний Генрих Лев высоко почитался как проводник территориальной экспансии немецких феодалов на восток. В Средние века расширение земель империи за счет Италии считалось малоперспективным и отнимавшим слишком много ресурсов. Соответствующим образом, по мнению историков, падение Генриха Льва интерпретировалось как злосчастный результат конфликта этих

двух противоборствующих тенденций. (Сегодня историки Германии рассматривают судьбу герцога как закономерное следствие его необдуманного стремления достичь государственной независимости и недооценки законной власти Священной Римской империи. — Прим. автора.)

Дом моей бабашки находился на так называемой Стене, то есть на валу, окружающем старый город, и окнами выходил на берега реки. Вся Стена была высажена высокими каштанами. Трехэтажный дом смотрелся очень красиво, это была изящная вилла из белого камня с аккуратным фасадом. По словам дяди Петера, здесь по праздникам вывешивался австралийский флаг, который в годы Первой мировой войны заменили флагом кайзеровской Германии, когда мой дедушка «сделался великим патриотом».

Поднявшись на Стену, я вскоре добрался до дома. Окна были темны. Я подошел к дверям, удивляясь тому, что неподалеку стоит армейский автомобиль, возле которого прогуливается водитель.

Когда я вошел в дом, то был поражен разительным отличием от того затемненного мира, который окружал его снаружи. Меня восхитило великолепие внутреннего убранства ярко освещенных комнат. Вспоминая сейчас те минуты, я испытываю радостное чувство и вместе с тем грущу о былом, думая о жизни семьи Фоссов в доме, которого больше нет. Его всегда отличало богатство и изысканность, а присущая ему атмосфера создавалась прекрасным освещением, элегантной стильной мебелью, оттенками и красками интерьера, неповторимыми запахами, насколько мне помнится, крепкого кофе и лаванды. В нем всегда было много украшений: портреты маслом, изображавшие дедушку и бабушку, шикарный индийский ковер ручной работы, английские книжные полки из красного дерева, индийские бронзовые вазы для цветов. Одна стена гостиной комнаты была затянута огромным полинезийским гобеленом, сотканным из волокон тутового дерева — свидетельство пребывания моего деда на островах Фиджи. На нем были развешаны копья, дубинки и стрелы туземцев, обитавших в этом далеком уголке Тихого океана. Что касается прочего, то самым ценным и привлекательным мне казалось то, что бабушка называла «мой Гейнсборо» — прекрасная картина маслом, изображавшая трех ее детей после возвращения семьи в Европу.

Бабушку я обнаружил как раз возле «Гейнсборо» — она сидела на диване под картиной. Она выглядела осунувшейся, ее нос сделался как будто крупнее. Судя по всему, бабушка находилась в хорошем расположении духа. На ней было черное

шелковое платье, идеально контрастировавшее с ее седыми волосами, подстриженными по последней моде. На столике перед ней лежали игральные карты. Она раскладывала пасьянс — ее любимое послеобеденное занятие.

— Посмотри, что у меня есть, — сказала она после того, как я сел рядом с ней. Она взяла со стола и протянула мне небольшую книгу в самодельном переплете, обложка которой была обтянута гобеленовой тканью. — Мои мемуары о жизни в Австралии. Можешь сообщить своей матери, что я, наконец, завершила их.

Текст в книге был аккуратно отпечатан на машинке моей тетей Изой. Здесь же были вклеены пожелтевшие от времени фотографии. Пролистав первые страницы, я понял, что в них содержалось описание жизни юной решительной женщины, смело отправившейся вслед за молодым немецким коммерсантом в далекие края. Этот молодой человек, однажды появившийся в своем родном городе в шикарном пальто из светло-коричневой верблюжьей шерсти, вознамерился за пару недель выбрать себе будущую жену, прежде чем снова вернуться в Австралию. До сих пор помню, что в тот день я впервые увидел детскую фотографию моего отца. Он — маленький мальчик в соломенной шляпе, с довольным видом поедающий огромный ломоть арбуза. Рядом его туземная нянька, расплывшаяся в радостной улыбке. Фотография поразила меня, и я испытал озарение интуиции, позднее не раз посещавшее меня, острое ощущение временной, быстро преходящей природы стадий человеческой жизни. Каким хрупким казался образ счастливого мальчика в соломенной шляпе на фоне последующих, не менее мимолетных этапов его жизни: офицер-артиллерист германской армии в годы Первой мировой войны; отец семейства в период между двумя войнами, преисполненный ожиданий и планов на будущее; а затем, в очередной раз, офицер, участвующий в жестоких боях на просторах русских степей.

Что же тогда человеческая личность? Кто такой я сам? Только много позднее я стал спрашивать себя о том, каким образом связан юноша, игравший на скрипке в бабушкином доме, с молодым солдатом-пулеметчиком, участвовавшим в кровавых сражениях Второй мировой войны всего несколько лет спустя.

— Угадай, кто у нас в гостях? — спрашивает Иза.

Она входит в комнату с подносом, на котором приготовленный для меня ужин. Следом за ней появляется дядя Вольф. Я энергично вскакиваю на ноги, наэлектризованный близостью моего родственника к одному из вершителей мировой истории, фельдмаршалу фон Браухичу. Однако для нашей семьи в приезде дяди Вольфа нет ничего необычного — до войны он был частым гостем в этом доме.

Дядя Вольф был импозантной личностью. Он не отличался высоким ростом, но был подтянут, строен и имел прямую осанку. В тот вечер на нем был полевой мундир с красными широкими лампасами на брюках. Серые живые глаза, кустистые брови, румяные щеки. Элегантные спокойные манеры дополняли облик типичного офицера-штабиста. Хотя дядя Вольф пользовался успехом у женщин, он не был женат. В нашей семье считали, что из него вышел бы неплохой актер, потому что в юности он прекрасно декламировал стихи красивым выразительным голосом. Он, несомненно, был одаренным и обаятельным человеком.

В тот вечер он никак не выказал той глубокой озабоченности, которую, по всей видимости, испытывал в отношении событий на Восточном фронте и особенно настроений в кругах Верховного командования. Разговор проистекал плавно и в основном касался семейных дел, в том числе и того факта, что бабушка, наконец, закончила работу над мемуарами. Бабушку заставили вспоминать прошлое, в том числе и жизнь в Австралии и Полинезии — сказки потерянного рая, звучащие особенно экзотично в контексте аскетичного военного времени.

В тот вечер меня ожидал еще один сюрприз. Моя бабушка уже отправилась спать, когда Вольф упомянул о том, что завтра утром у него состоится встреча с Филиппом фон Бургдорфом. Я был удивлен, поскольку не знал, что они знакомы. Тогда он объяснил мне, что знает Нору, сестру Филиппа, которая служит в Берлине, в аппарате Верховного командования сухопутных войск. Вольф познакомился с ними обоими всего несколько дней назад. Филипп заехал в столицу по пути из Финляндии в Брауншвейг, чтобы повидаться с сестрой. После этого он отправляется на учебу в офицерское училище СС. Вольф признался, что у него после Первой мировой войны остались связи в Финляндии, и попросил Филиппа рассказать ему о ходе войны на севере.

Вольф понял, что я хочу снова увидеться с Филиппом, и предложил принять участие в их завтрашнем разговоре.

Оставшуюся часть вечера мы говорили о Финляндии. Дядя терпеливо отвечал на все мои вопросы о наших «особых отношениях» с этой северной страной. Я был очарован его рассказом о борьбе финнов за независимость. Она началась еще в 1918 году, когда большевики попытались свергнуть новое финское правительство. Двадцать лет спустя состоялось новое русское вторжение. Началась так называемая «зимняя война». У Вольфа до сих пор сохранилось много знакомых среди офицерского корпуса Финляндии. Неравная борьба между, образно выражаясь, карликом и гигантом вызывала мое

восхищение героизмом и решительностью народа этой маленькой страны. В то время она казалась мне своеобразной вариацией на тему событий романа Эриха Двингера «Между белыми и красными». Года два назад я с удовольствием прочитал его, и он произвел на меня огромное впечатление описанием борьбы Добра со Злом. Кроме того, эта книга укрепила меня в убеждении, что главным злом мира является большевизм. В тот вечер в Брауншвейге я еще не мог знать, что разговор с дядей Вольфом станет прелюдией к тем событиям, которые мне еще предстояло пережить. Именно тогда была заложена основа моей симпатии и любви к этой стране и ее храброму народу.

На следующее утро состоялась моя встреча с Филиппом. Мы были искренны рады увидеться снова. Последние несколько месяцев он находился в составе горно-пехотного полка, размещавшегося в северной Карелии. На нем был мундир младшего офицера с лентой Железного креста 2-го класса. Он возмужал, стал стройнее и серьезнее обычного. Морщинки в углах рта залегли еще глубже. Однако в ходе разговора я разглядел в нем прежнего Филиппа, и на его лице все чаще и чаще появлялась знакомая мне улыбка.

Однако наши прежние отношения старшего и младшего членов юнгфолька куда-то исчезли. В Филиппе теперь угадывалась легкая отстраненность. Возможно, тому виной было мое понимание разницы между военным и гражданским человеком и осознание того, что я еще не скоро смогу стать равным ему. Для этого нужно быть солдатом и понюхать пороху на войне.

Мы втроем, Вольф, Филипп и я, отправились на часовую прогулку по Стене. Рассказы Филиппа о боях в северной Карелии казались мне чем-то вроде приключений в духе ковбойских романов. Горные пехотинцы совершали опасные переходы по заболоченной тундре и таежным лесам, удаляясь на большое расстояние от баз снабжения, имея лишь ограниченные припасы. Они часто вступали в бои с Иванами, нередко сходясь в рукопашной, полагаясь лишь на стрелковое и холодное оружие. Это происходило в долгие летние дни, когда повсюду полно мошкары или зимой в безжалостные холода в условиях короткого дня и долгой ночи.

Насколько я понял, действия немецких и финских войск были направлены на захват железнодорожной линии, соединяющей Мурманск и Ленинград. Лишь позднее мне стало ясно, почему Филипп так живо интересовался у дяди Вольфа будущими планами вермахта в отношении этого северного участка России. Ответы Вольфа были уклончивыми и осторожными. Он что-то

отвечал о союзе Германии и Финляндии и о том, что Финляндия не находится в состоянии войны с Англией и Соединенными Штатами, но ситуация, судя по всему, изменится, если будет взята под контроль вышеназванная железнодорожная линия. В ту пору я еще не понимал, что «братья по оружию», как называли тогда Германию и Финляндию, могут иметь разные военные цели.

Филипп остался на обед. За столом мы разговаривали о дяде Петере и его семье. Британские наниматели уволили моего дядю, это стало известно из писем, адресованных его матери. В переписке матери и сына содержались какие-то недомолвки, которые они, очевидно, не хотели доверять бумаге. Петер подумывал о возвращении в Германию, потому что ему все еще не удалось найти подходящее место работы. Бабушка всячески склоняла его к возвращению на родину предков, хотя это подразумевало обязательную службу в армии и участие в вооруженном конфликте, не вызывавшем в нем ни малейшей симпатии.

Мое отношение к Петеру и понимание его жизни за последнее время претерпело серьезные изменения. Петер, родившийся в Австралии, окончивший университет в Вене, женившийся в Лондоне на шведке и путешествующий по всему миру с британским паспортом, выбрал себе жизнь без каких-либо политических границ. Сейчас этой жизни предстоит круто изменить курс, и Петеру придется отказаться от былых привычек и взглядов и сделать выбор в пользу национального самосознания. Границы между странами теперь приобрели большую значимость, чем раньше. Какая же судьба ждет Петера?

После обеда Филипп задержался, явно желая услышать от дяди Вольфа оценку обстановки, сложившейся на Восточном фронте. Мне любезно разрешили присутствовать при разговоре. Мы сели в углу гостиной комнаты. Смеркалось, и черты двух солдат сделались в полумраке комнаты более размытыми, чем пару часов назад. Вольф изменившимся голосом стал рассказывать о том, что происходило в те дни на Востоке, особенно там, где воевала группа армий «Центр».

Он сказал, что с нашими войсками может случиться все, что угодно. Верховное командование надеется, что они выстоят. Когда в декабре 1941 года русские начали наступление, нам уже было поздно отступать на более выгодные позиции, так что пришлось удерживать прежнюю линию фронта. Шансы наших солдат на успех малы. Красная Армия бросила в контрнаступление численно превосходящие свежие резервы, имеющие теплое зимнее обмундирование. Таким образом, частям вермахта приходится противостоять сильному противнику и

суровым морозам нынешней, невообразимо холодной зимы. Верховное командование вынуждено требовать от немецких солдат самоотверженно удерживать позиции любой ценой, прекрасно понимая, что они и без того измотаны осенними боями и безумным зимним холодом.

Иногда мне казалось, что Вольф в любую минуту прекратит свой мрачный рассказ, однако привычные стены нашего дома и внимание Филиппа как будто расплавили его обычную сдержанность, и он довел свое повествование до конца.

В свой последний приезд, состоявшийся три недели назад, ему стали известны свидетельства неописуемых страданий и тягот службы наших солдат на Восточном фронте. В связи с этим ему вспомнилась книга мемуаров Коленкура о наполеоновском походе в Россию в 1812 году. «Самопожертвование — это долг» — таковы были заключительные слова шефа дяди Вольфа. Разве можно придумать более тупой приказ? И все же, сказал мой дядя, они точно отражали тогдашнюю обстановку и нужды группы армий «Центр». Очевидно, в то время никто не знал, сумеют ли непрочные эшелоны обороны удержать мощный натиск врага и не допустить краха по всей линии фронта.

— Честно говоря, — признался Филипп, — похоже, что военная кампания в России потерпела неудачу, увязла в глубоком снегу. Скажите, ведь именно это стало причиной отставки фельдмаршала?

— Мы должны были закончить русскую кампанию в конце ноября, как и планировалось, — новым молниеносным ударом, — уклончиво ответил Вольф. — Этого, к сожалению, не получилось. Теперь мы знаем, что рассчитывать на это не стоило. Сейчас на театр военных действий поступают все новые и новые русские подкрепления, а американцы будут оказывать им помощь через Мурманск. Если, конечно, наша авиация и военно-морские силы позволят им это. И еще — мы недооценили мощь и выносливость русских войск. Кроме того, возникла совершенно ненужная заминка с принятием важных решений, в чем нет ни малейшей вины фельдмаршала. Он не отличается крепким здоровьем, у него больное сердце. В общем, ему пришлось не сладко.

— Как вы думаете, мы сможем выиграть войну? — спросил Филипп, понизив голос.

Вольф задумался. Вскоре молчание сделалось невыносимым.

— Честно говоря, не могу ответить на этот вопрос, потому что не знаю, — наконец проговорил он. — Как я уже сказал, ситуация сложилась не в нашу пользу. То, что верно в отношении Восточного фронта, то, в общем, верно и в отношении всей нынешней военно-политической обстановки. Если рассматривать

ее с точки зрения штабного офицера, то наши перспективы, по меньшей мере, неутешительны.

Затем Вольф погрузился в молчание, видимо, раздумывая о том, чего не может в силу разных причин объяснить нам. Существовали большие сомнения со стороны генерального штаба в том, что касалось других военных кампаний в прошлом, хорошо подтвержденных фактами и цифрами, однако фюрер сумел, как всегда, развеять их. Его дар убеждения настолько силен, что оказывает на посетителей его ставки едва ли не гипнотическое воздействие. Вольф не раз был тому свидетелем.

— Более того, до недавнего времени он постоянно оказывался прав! Вопреки всему! — добавляет мой дядя.

Мы сидим уже в полной темноте. Никому из нас даже не приходит в голову зажечь свет. Филипп вспоминает, что ему пора идти, и встает. Мы с Вольфом следуем его примеру.

— Сердечно благодарю вас за ваше доверие, — произносит Филипп официальным тоном. — Может показаться странным, но ваша прямота меня больше вдохновила, чем обескуражила. Мы должны верить в то, что не можем объяснить словами и логикой. В конце концов, нам не остается ничего другого.

Вольф оставляет его слова без комментариев и вместо этого тепло улыбается ему. Они обмениваются рукопожатиями.

— Надеюсь еще увидеться с вами. Удачи вам, мой мальчик. Да благословит вас Господь!

Предлагаю Филиппу проводить его, надеясь по пути обменяться с ним парой слов наедине. Вольф провожает нас до дверей. Прежде чем свернуть на улице за угол, Филипп оглядывается и салютует, приложив руку к козырьку фуражки. Вольф стоит у порога, невысокий, стройный, в плотно обтягивающем фигуру мундире. Он ответно салютует нашему гостю.

Мы шагаем по городским улицам молча. Затянувшуюся паузу первым нарушает Филипп.

— Выходит, мы немного заглянули за кулисы, верно? И то, что увидели, не вызывает особого воодушевления.

— Но ты же сказал, что услышанное тебя не обескуражило!

— Понимаешь, я должен был это сказать, но на самом деле считаю, что дело гораздо сложнее, чем кажется. Твой дядя мне очень понравился. Он замечательный человек и, несмотря на свой высокий статус, открыт и прост в общении. Однако, подобно всем военным, он смотрит на войну как на сложную шахматную партию, на череду ходов различных фигур. Если наступает критическая ситуация, они приходят к холодному логическому выводу: нужно прекратить страдания и жертвы и немедленно

начать поиски мирного выхода.

— Вообще-то, Филипп, напрямую дядя Вольф так не говорил, — возразил я.

— Конечно, нет, постарайся правильно понять меня. Я хочу сказать, что мы не можем рассматривать войну на Востоке как игру со своими правилами. Дело обстоит иначе. Это схватка между культурой и нигилизмом, противоборство ценностей западной цивилизации и варварского отрицания нашего культурного наследия. Другая сторона не признает никаких правил. Она допускает лишь безоговорочную правоту пролетариата. Вспомни все преступления, совершенные во имя его диктатуры: ради ликвидации частной собственности миллионы так называемых кулаков были уничтожены, на одной только Украине заморили голодом двенадцать миллионов человек, церкви превращены в свинарники, попраны все моральные ценности прошлого. Уничтожив классовых врагов, большевики взялись за истребление трудящихся масс, своих же соотечественников. С первых же дней установления советской власти они хотят установления власти над всем миром. Большевики готовы воспользоваться любой возможностью, чтобы навязать Западу свою политическую систему. Сначала они попытались сделать это в Германии, затем в Испании.

Филипп говорил спокойным бесстрастным тоном, как будто рассуждал вслух, а не пытался опровергать слова дяди Вольфа. Я решил не прерывать его и выслушать до конца.

— Вспоминая об этом, начинаешь понимать, что вся Европа противостоит большевизму, а Германия — ее авангард в этой священной борьбе. Нынешняя война — не игра в шахматы, не рыцарский турнир с присущим ему благородством. Войну не выиграть одним лишь военным умением и голым профессионализмом. Для победы нужно нечто большее.

В душе я согласился с Филиппом, и мне снова вспомнилась книга Двингера «Между белыми и красными». Подобные высказывания я слышал и раньше — из источников, не слишком почитаемых в кругу нашей семьи. Это были хвастливые и высокопарные пропагандистские речи, произносимые партийными функционерами. Поэтому я мгновенно принял решение выступить в роли адвоката дьявола.

— А тебе не кажется, что правила военного профессионализма в дни войны не действуют? По-моему, довольно рискованно предсказывать, что мировоззрение возобладает над военным профессионализмом, разве не так? Неужели мировоззрение помогает солдату переносить холод? — спросил я, пожалуй, немного резко.

Филипп ответил не сразу.

— Нам нужно и то, и другое! Высокая военная эффективность и широкий взгляд на мир. Нам требуется понимание того, что сегодня война ведется не между старыми европейскими противниками, а между двумя враждебными социальными системами. Я хочу, чтобы это понимала вся Европа, чтобы молодые жители европейских стран были готовы принять участие в борьбе против коммунизма. Я надеюсь на то, что эта цель — отстаивание западных ценностей — станет понятна им и они пожелают стать на нашу сторону.

Вскоре мы приблизились к дому родителей Филиппа. Было темно, но он попытался заглянуть мне в глаза.

— Думаешь, я веду пустые пропагандистские речи? Отнюдь! Подобные взгляды разделяют уже многие люди. Добровольцы прибывают из всех уголков Европы — Норвегии, Швеции, Дании, Голландии, Бельгии, Франции, Швейцарии, Южного Тироля. Их включают в ряды войск СС, из них формируют отдельные дивизии. Скоро войска СС будут сражаться не только за свою родную страну, но и во имя торжества идей западной цивилизации.

Я снова почувствовал прилив воодушевления, мне хотелось узнать больше сведений на эту тему. Филипп принялся рассказывать о молодых людях из европейских стран, о том, что их военные части снабжаются современным оружием и они выполняют отдельные боевые задачи. От него я узнал о молодых офицерах, с которыми ему доводилось встречаться, об их высокой военной подготовке, о приобретенном ими за короткий срок фронтовом опыте, о совершенных ими подвигах и полученных наградах. На пути из Карелии в Германию он встретился с некоторыми из них в Берлине. Очевидно, они произвели хорошее впечатление на Филиппа, и он считал их новой офицерской элитой, появившейся совсем недавно, за последние месяцы войны. По его словам, эти люди сильно отличались от прочих его знакомых в войсках СС, не говоря уже о партийных функционерах.

Наши прежние отношения с Филиппом возродились. Теперь в них появилось нечто новое, вызывающее у нас обоих живой интерес. Слушая его, я почти забыл о том, что он служит в армии. Когда я признался ему в этом, Филипп сообщил, что подал рапорт о переводе в войска СС и надеется в скором будущем получить назначение в соответствующую офицерскую школу. Он рассчитывает, что этот вопрос решится до окончания отпуска. Его семья об этом пока ничего не знает, и он не уверен, как она отнесется к подобному решению. Но на сегодня разговоров

хватит, он должен попрощаться со мной. Филипп направился к дому и вскоре исчез в темноте.

— Удачи тебе! — прошептал я ему вслед.

* * *

На обратном пути я попытался осмыслить то, что услышал сегодня вечером. Чтобы лучше разобраться в своих ощущениях, я даже пошел домой окольным путем.

Во-первых, меня сильно смутила бессмысленность приказа генералов, адресованного нашим солдатам на Восточном фронте, — «самопожертвование — это долг». Эта фраза долго звучала в моем сознании. В ту пору я был полон романтических и идеалистических представлений о воинском долге. Поскольку война началась тогда, когда я был достаточно юн, мне очень хотелось поскорее достичь призывного возраста и попасть на фронт. Я много мечтал о военных подвигах и часто рисовал в воображении разнообразные приключения, вроде заброски в русский тыл с каким-нибудь диверсионным заданием. Предложенная Филиппом версия поступления в ряды войск СС для отстаивания европейских ценностей и борьбы с большевизмом показалась мне особенно привлекательной. Правда, я тогда имел довольно смутное представление о том, какой может быть Европа, объединенная целью борьбы с коммунизмом и забывшая ради нее былые разногласия и обиды. Может ли она превратиться в новый рейх, о котором говорилось в стихотворении Стефана Георге, из которого я помнил лишь последние строчки?

> Он ведет верные ему войска сквозь бури и опасности
> В час кровавого рассвета
> К великой цели пробуждения и процветания нового рейха.

И все же я еще не был готов к принятию важного решения. Оно придет ко мне позже. Я лишь испытывал необходимость ясного понимания жизненной цели. Возможно, я смогу поговорить на эту тему с дядей Вольфом, если он еще не лег спать. Однако, когда я вернулся домой, его уже не было. Поступил телефонный звонок, и ему приказали завтра утром быть в Берлине. Он сразу же сел в машину и уехал.

Выбор

Трудно объяснить, что именно в конечном итоге заставило меня принять решение поступить на службу в войска СС. Тогда, в 1942 году, я не задавал себе такого вопроса, но теперь, в 1945 году, он приобрел для меня огромную важность. Что заставило семнадцатилетнего юношу из приличной семьи стать членом военной организации, которую англичане и американцы назвали шайкой преступников? Как и почему это случилось?

Как мне кажется, главным образом оно было вызвано неблагоприятным ходом войны осенью 1942 года и разной реакцией моих ровесников на ухудшающиеся перспективы нашей победы. С одной стороны, были те, кому хотелось избежать отправки на фронт, с другой стороны, существовали и такие юноши, которые считали, что настало время удвоить усилия для разгрома врага. С сегодняшней точки зрения кажется, что обе позиции влияли друг на друга самым противоречивым образом. Чтобы объяснить это, следует рассказать о том, какой была жизнь в третий год войны.

Однажды в полдень, в начале сентября, я гулял в лесу вместе с Кристиной. Она вскарабкалась по лестнице наверх и забралась на охотничью платформу, установленную в ветвях огромного дерева. Ее лицо раскраснелось от удовольствия, дымчато-карие глаза лучились радостью, на лице было написано лукавое выражение. Казалось, будто она безмолвно спрашивает меня:

— Видишь? Я сумела! А ты думал, что мне это не удастся?

Действительно, подняться наверх было нелегко, потому что две перекладины лестницы совсем прогнили. Будка в ветвях дерева имела настолько низкую крышу, что мы не могли выпрямиться в полный рост и были вынуждены с трудом втиснуться на крошечную скамеечку, рассчитанную на одного человека.

С высоты открывался вид на речушку, берега которой поросли елями. Среди хвойных деревьев росли несколько кленов и буков. Вокруг было тихо, лишь ветер шелестел в высокой, выгоревшей на солнце траве. В воздухе летали паутинки, медленно садясь на кроны деревьев. Пахло хвоей и сухими листьями.

Нам нравится это место, мы называем его нашим тайником. Оно расположено на лесистых холмах вдалеке от замка Блессгейм, откуда нам приходится идти примерно час. Для нас это место — своего рода символ дома. Мы принадлежим ему в той же степени, в которой оно принадлежит нам. Здесь мы

чувствуем себя счастливыми, здесь понимаем, что влюблены друг в друга.

Бывать здесь нам удается крайне редко. Во-первых, мы делаем это тайком и всячески пытаемся скрыть наше пребывание в лесу. Во-вторых, различные обязанности оставляют нам слишком мало свободного времени. Школа, работа по дому, участие в деятельности «юнгфолька» и «юнгмэдель», молодежных организаций для мальчиков и девочек, спорт (легкая атлетика летом и лыжи зимой), занятия музыкой, что в моем случае означало уроки игры на скрипке и выступления в составе школьного оркестра — вот что заполняло нашу жизнь. На подготовку уроков у меня оставалось мало времени, и поэтому я был неважным учеником. Я хорошо успевал лишь по немецкому языку, иностранным языкам и истории. Все прочие предметы, в том числе и математика, давались мне тяжело.

Мать Кристины была уверена, что в тот день ее дочь занимается какой-то внеклассной деятельностью. Она, несомненно, не отпустила бы ее из дома, если бы ей стало известно, что мы отправились в лес. Однако наши семьи хорошо знали круг моих и ее друзей и, видимо, подозревали, что между нами зарождается романтическое чувство. Моя мать не испытывала желания знать о моей личной жизни слишком много. Она, по ее собственным словам, была не в состоянии контролировать все поступки своих четверых детей, а отца вот уже третий год как не было дома. Таким образом, ей не оставалось ничего другого, как полагаться на наше благоразумие.

Кристине шестнадцать лет. У нее гибкая спортивная фигура. Каштановые волосы забраны в конский хвост. Кожа красивая, смуглая от природы. Высокие скулы, длинные ресницы и вздернутый носик, придающий ей задорный вид. По пути к нашему тайнику мы болтали о разных пустяках — уроках, учителях, школьных товарищах и прочем — самые обычные разговоры для нашего возраста. Мои отношения с Кристиной носят невинный характер и ограничиваются вот такими встречами и беспечной болтовней. В те годы о другом нельзя было даже помыслить. В то же время мы не считали, что нашей дружбе чего-то не хватает.

Сейчас мы с Кристиной молчим, любуясь природой в погожий осенний день.

— Давай закроем глаза, — неожиданно предлагает она, понизив голос, — и загадаем каждый свое желание.

Она закрывает глаза, и я с восхищением смотрю на ее длинные ресницы, которые кажутся мне похожими на бабочек, сложивших крылышки.

— Скажи, что ты загадал? — спрашивает Кристина.

— Хочу поцеловать тебя, — честно признаюсь я.

— Я так и знала, что ты это скажешь, — отвечает она и лукаво добавляет: — Значит, я загадаю себе другое желание.

— Ладно, скажешь мне о нем позже, — говорю я и целую сначала ее веки, а затем губы.

— Хватит, прошу тебя! — произносит Кристина и высвобождается из моих объятий. — Не хочешь узнать о моем желании?

— Конечно, хочу! Говори!

Кристина на мгновение задумалась, глядя вниз, на поляну, затерявшуюся посреди деревьев. Перехватив ее взгляд, я заметил, что глаза моей подруги потемнели.

— Я загадала такое желание — встретиться с тобой после войны в этом самом месте. Мы будем одни, я и ты, и встретимся сразу, как только вернемся домой.

Мы снова поцеловались, зная, что время настоящей любви для нас еще не настало, но когда оно придет, мы окажемся в разлуке, в далеких краях, где каждый будет выполнять свой долг. Тень войны уже нависла над нашей юностью, и мы помнили о ней даже в этом затерянном лесном уголке, казавшемся нам раем.

И все же Кристина улыбнулась храброй, но одновременно печальной улыбкой. Мне показалось, что ее глаза полны любви.

Смеркалось. Пора возвращаться.

Когда я вернулся домой, мать сообщила мне, что пришло письмо от отца. Он скоро получит отпуск. Была и вторая добрая весть. Мой брат Ник, который сразу после выпускных экзаменов в гимназии был призван в армию, теперь находится на Восточном фронте, по всей видимости, совсем рядом с местом службы отца. Кроме того, меня ждало письмо от моего друга Ганса, попавшего в парашютные войска. Он с воодушевлением рассказывал о своих первых тренировочных прыжках. Вчера мне стало известно, что мой предшественник из «юнгфолька» получил звание пехотного лейтенанта. Мое беспокойство по поводу того, что я живу скучной и монотонной жизнью гражданского человека, еще больше усилилось.

С нетерпением ожидая встречи с моим отцом, мать сделалась разговорчивей обычного, и после ужина мы с ней завели самый долгий за последний год разговор. Обсуждение текущих дел — точнее, всего того, что только существует на свете, — было для нее жизненной необходимостью, такой же, как для кошки необходимость время от времени подтачивать коготки обо что-то твердое. Поскольку в тот момент я был старшим из детей нашей семьи, на роль собеседника она выбрала меня.

Когда мы снова стали обсуждать перспективу моего ухода в армию, она проявила достойное похвалы понимание. Должно быть, ей казалось вполне естественным, что молодые люди моего возраста готовы добровольно выполнить воинский долг. Скорее всего, это отвечало опыту ее поколения, проявлявшего такие же настроения в подобных обстоятельствах более двадцати лет назад. Однако ее поколение пережило поражение в Первой мировой войне, и в годы, предшествующие новой войне, Второй мировой, она никогда не скрывала своего скептического отношения к немецкому правительству после принятия условий «кабального Версальского договора», в условиях мира, не сумевшего разумно восстановить национальное достоинство. Зная о, мягко говоря, странном подборе функционеров НСДАП на местном и региональном уровнях (отец называл их «партийными комедиантами»), разве можно было верить в то, что политическое руководство страны в целом способно справиться с задачами, которые в данный момент стояли перед немецким народом? Для большинства из них до 1933 года опыт обуздания насилия ограничивался лишь драками с политическими противниками в пивных и на улицах. Теперь же мы находились в состоянии войны со всем остальным миром.

Основная тема почти всех наших разговоров затрагивала двойственное отношение моих родителей к национал-социализму. Отец и мать происходили из семей, давших несколько поколений купцов, банкиров, землевладельцев, адвокатов и государственных служащих. Их характеры сформировались в условиях консервативного воспитания, а также опыта Первой мировой войны и ее последствий. Несмотря на их главные убеждения, им представлялась неизбежной и морально обязательной социальная перестройка Германии в послевоенные годы. Пережитый народом военный опыт, дух фронтового товарищества, совместно пережитые трудности на фронте и в тылу, совместные усилия всех социальных классов во имя общей цели за четыре долгих года войны нельзя было оставить без внимания. Это, скорее, был вопрос справедливости — формирование нового современного общества без классовых барьеров и перегородок, общества, основанного на принципе равных возможностей и индивидуальных способностей. Одной из излюбленных идей моей матери было устранение классовых барьеров и признание социальной значимости любой полезной творческой формы труда. В то же время осознание моими родителями драматического поражения Германии в войне и тяжкие условия, навязанные немцам Версальским договором, — безусловно несправедливые, — заставили их признать идею

«национальной идентичности» и того, что осталось от былой гордости нашего народа.

Немаловажную часть жизненного опыта моих родителей составляли события, связанные с попытками большевиков захватить власть в послевоенной Германии. После войны отец даже какое-то время служил в рядах фрейкора на территории государств Балтии.

Позднее, в 1920 году, он стал свидетелем коммунистического мятежа в Рурском бассейне, куда прибыли политические комиссары из России. После этого ему довелось увидеть кровавую борьбу коммунистов за власть в Берлине. Моя мать рассказывала о том, как в дни уличных беспорядков в отдельных кварталах Брауншвейга, где жили люди «ее круга», им посоветовали не выходить из домов, чтобы не стать жертвами насилия. Для них, как и для большинства наших соотечественников того времени, этот опыт был достаточно убедительным свидетельством реальной и постоянной угрозы большевизации Германии. Дома я часто слышал разговоры о том, что необходимо избавить страну от подобной угрозы и в качестве предпосылки установить нормальные отношения между разными социальными классами. По мнению родителей, такой цели прежде всех добьются, видимо, национал-социалисты.

В этом отношении их мышление было также сформировано пониманием неудач правительства Веймарской республики, не справившегося с послевоенными проблемами и допустившего возможность большевизации страны. Мои родители понимали, что настало время больших перемен, когда кто-то должен взять политическую власть в Германии в свои руки.

По этим причинам они доброжелательно относились к национал-социализму, и после 1933 года моя мать решила примкнуть к этому политическому движению и самым активным образом участвовать в нем. Ее интерес к политике возник еще в те времена, когда она дома, в Брауншвейге и Харденбурге, слушала разговоры своих родителей. Ее отец написал диссертацию о «Капитале» Карла Маркса и всю свою жизнь занимался общественно-политическими проблемами. Именно у него моя мать научилась искусству полемики. Она считала, что ее долг состоит в продолжении дела отца, моего деда, и презирала тех представителей «образованного класса» — особенно интеллектуалов, — которые, отстраняясь от политики, считали себя выше презренной прозы жизни и выполнения целей «рабочей» партии. Она как-то призналась, что никто не имеет права критиковать, если сам не предлагает и не делает ничего конструктивного.

Однако в наших вечерних домашних дискуссиях мать выступила в роли адвоката дьявола. Она задавала мне какой-нибудь вопрос, связанный с официальной позицией властей, чтобы я мог высказать свое мнение. В числе вопросов были такие, что касались обстановки на фронте, хвастливых высказываний тех, кто недооценивал врага, жестких методов расправы с инакомыслящими и прочих просчетов, допущенных партийными функционерами. Я догадывался, что тем самым она ждет от наших дискуссий подтверждений правоты нашего дела. Ей нравилось подводить итоги своим собственным критическим замечаниям в адрес национал-социалистов, которые в отдельных случаях допускали перегибы в духе так ненавидимых ими коммунистов. Затем наступала моя очередь изложить доводы в пользу справедливости поведения национал-социалистов, которые оправдывали средства, применявшиеся ими в ответ на безжалостные зверства нашего врага на Востоке. При этом она настаивала на своей точке зрения примерно таким образом: «Враг никогда не будет уничтожен, обычно зло наследуется другой стороной». Это было одно из ее тщательно продуманных, иногда удивительных, парадоксальных умозаключений, являвшихся результатом продолжительного анализа различных аспектов международной политики, вызывавших ее беспокойство.

В наших разговорах преобладала одна главная тема: после такого короткого срока — прошло не более десяти лет — Третий рейх оказался в состоянии перехода, который станет новым этапом в жизни немецкого общества и в международной обстановке в целом. Восстановление монархии, династии Гогенцоллернов, невозможно уже ни в какой форме, и давно стало очевидно, что стране нужна новая политическая элита, способная заменить тех, кто выдвинулся к вершинам власти во «время борьбы», то есть лет, предшествовавших 1933 году, когда НСДАП активно боролась со своими оппонентами.

Мы надеялись, что война будет способствовать созданию такой элиты, появлению закаленных в боях мужественных борцов, которые займут место старых партийных функционеров сразу после того, как наступит мир. Нам особенно хотелось, чтобы эта новая элита обладала пониманием того, для чего она предназначается — служения общему благу нации. Однако мы хорошо понимали, что чем дольше будет продолжаться война, тем стремительнее будет исчезать та почва, которая способна взрастить такую элиту.

Все это, возможно, и не являлось высшей политической мудростью, однако в то время, по крайней мере, обладало неким правдоподобием. Во всяком случае, это радикально отличалось от

того образа «нацистской диктатуры», который рисовался на страницах газеты «Старз энд страйпс», согласно которой злонамеренный курс тогдашней политической системы Германии был отчетливо виден с самого начала. Я согласен с тем, что при тоталитарном режиме могло происходить все, что угодно, но также полагаю, что ничто не носило предопределенного заранее характера.

Личность Гитлера в наших семейных разговорах никогда не обсуждалась. Мы просто не понимали, как можно было думать о нем как о безответственном авантюристе и фанатике, каким он начинает мне казаться сейчас, что подтверждается фактом его самоубийства, или даже предполагать, что он был способен на массовое уничтожение евреев. Мои родители с отвращением воспринимали ненависть Гитлера к евреям. Эсэсовская газета «Штюрмер», в которой часто публиковались мерзкие карикатуры антисемитского толка, часто называла евреев символом разрушительной политической вульгарности. Родители считали это обычным пропагандистским приемом, от которого национал-социалисты откажутся по окончании войны. Следует также отметить, что из того, что мы могли видеть, слышать или читать в годы Третьего рейха, ничто не свидетельствовало о том, что в Германии совершались широкомасштабные преступления, о которых так много сообщается теперь и которые лично мне кажутся невероятными.

Известно, что после того, как в 1938 году евреем Гриншпуном в Париже был убит немецкий дипломат, по всей Германии прошла так называемая «хрустальная ночь». Как и во всех прочих местах, в моем родном городе были разбиты витрины магазинов, принадлежащих евреям, и имели место многочисленные вспышки насилия. Эти мероприятия вызвали отрицательную оценку моей матери, и она на собрании местной женской партийной организации подвергла критике подобные действия, заявив, что те, кто их совершал, опозорили дело партии и в своем радикализме повели себя хуже, чем коммунисты. По ее мнению, таких незадачливых национал-социалистов следует наказать.

Я почти ничего не знаю об отношении моих родителей к евреям, во всяком случае при мне они практически никогда не касались этой темы в своих разговорах. Одного еврея я запомнил, он жил в Брауншвейге на той же улице, что моя бабушка, и был судьей. Он считался большим ценителем музыки, любил играть в составе струнного квартета и часто просил дядю Петера выступить у них второй скрипкой. Как бы то ни было, ярым антисемитизмом мои родители не отличались. Если припомнить их отдельные разрозненные высказывания, они в целом

допускали в адрес евреев кое-какие критические замечания. По их мнению, отвратительные декадентские явления в немецкой культуре были вызваны несомненным еврейским влиянием. Мне запомнилась одна фраза критического характера, оброненная ими. Ее смысл состоял в том, что Германия сумеет противостоять большевистской идеологии, которую еврейские интеллектуалы смогли привить в России. Нацистской пропаганде удавалось найти отклик в сознании моих родителей, которые связывали вредоносное влияние евреев-интеллектуалов на большевизм с безродной сутью их существования.

Мы, конечно же, знали о концентрационных лагерях, хотя и не всю правду. По нашему мнению, это были трудовые лагеря, в которых условия содержания были суровыми, но справедливыми. Однако если бы нам было известно о преднамеренных массовых убийствах узников лагерей, которые начались в массовом масштабе как раз в то время, когда мы с матерью начали проводить вышеупомянутые политические дискуссии, то наши разговоры наверняка приняли бы иное направление и наше отношение к этому вопросу наверняка изменилось бы, причем радикально. Признаю, что эта мысль носит гипотетический характер, но если бы в то время люди больше знали о деяниях нацистов, то убийства и война все равно продолжались бы. С сегодняшней точки зрения кажется невероятным, что в эпоху Третьего рейха власть стала бы сообщать обществу о массовом уничтожении невинных людей и взяла бы на себя ответственность за это. Невероятным представляется и то, что немецкие солдаты и офицеры — за исключением немногочисленных фанатиков — стали бы рисковать жизнью ради такой бесчеловечной, несправедливой и разложившейся власти. Подобное знание нанесло бы сокрушительный удар по моральному духу армии. Краха Третьего рейха в ту пору не случилось потому, что происходившее в концентрационных лагерях было окутано плотной завесой абсолютной секретности. То, что война продолжалась, кажется мне сильным свидетельством того, что большая часть немцев не догадывалась об истинной сути нацистского режима. (Через много лет после окончания войны различные ученые-историки обнародовали факты, говорящие о том, что многие солдаты — от высшего руководства вермахта и до рядовых, а также целые батальоны полевой жандармерии — знали о массовых убийствах и прочих зверствах так называемых айнзатц-команд СС за линией фронта в Польше и России. Им также стало известно о том, что за этим скрывалось жесткое государственное планирование. И все же некоторые из них активно или пассивно сопротивлялись тогдашнему режиму, в то

время как большинство продолжало исправно служить национал-социализму. Эти факты не поддерживают мою точку зрения образца 1945 года, когда я находился в плену, оставаясь наивным идеалистом. И все же если бы солдаты-фронтовики знали о подлинной сути Третьего рейха, позднее ставшей известной всей мировой общественности, они не стали бы отдавать свои жизни ради торжества идей преступного политического режима и еще до конца войны произошло бы разложение морального духа тех, кто воевал в рядах вермахта и войск СС. — Прим. автора.) Я сейчас не помню, какие именно вопросы мы обсуждали в тот памятный сентябрьский вечер 1942 года. В то время я еще никак не мог принимать участия в исторических событиях, но хорошо понимал, что главное в ту пору для немецкого народа — победа в войне. Эта война стала нашей общей судьбой, в том числе и моей судьбой. Меня продолжал мучить вопрос, типичный для всех моих ровесников: что ты готов сделать для своей родной страны? Этот вопрос глубоко врезался в наше сознание в военные годы. Мой ответ на него был достаточно прост: по мере сил служить родине как можно лучше. В этом не было ничего особенного, за исключением неясного осознания принадлежности к той части народа, которая более старательно выполняет свой долг. Было уже далеко за полночь, когда мы с матерью закончили беседу. Я выключил свет и раздвинул шторы, чтобы проветрить комнату. Внутрь проникал лунный свет, и я отчетливо увидел очертания двух хорошо знакомых мне вещей на книжной полке возле окна: армейской каски моего отца и его сабли.

На следующий день, придя в школу, я принял решение.

Утром в наш класс вошел герр Вейрих, наш директор и преподаватель английского языка. Его румяное лицо расплылось в улыбке. Он энергично потер руки и бодро произнес:

— Доброе, утро, господа. Прошу садиться. Чем же мы займемся в это прелестное утро? Я думаю, что мы выполним небольшое упражнение.

Все это, разумеется, прозвучало на прекрасном английском языке. После этого нам было предложено написать диктант. Я уже забыл тему, но помню, что это было нечто провокативное по содержанию. Герр Вейрих был англофилом до мозга костей. Проведя несколько лет заграницей, он хотел привить нам знания о привычках, нравах и традициях британцев, которые, по его мнению, были достойны стать примером для подражания. Например, он объяснил нам, что они менее категоричны, чем мы, немцы, что проявляется, например, в надписях типа «Rauchen verboten!» (курить запрещено!) и «Please, don't smoke» (просим воздержаться от курения). К бомбардировкам, которым наши

люфтваффе подвергали английские города, он относился с явным раздражением. По его мнению, ослабить таким образом мужество британцев было невозможно. «Вы думаете, что этим мы сможем победить их? Чепуха! Результат будет прямо противоположным. Это лишь укрепит их моральный дух, поверьте мне!»

Однако многие ученики и их родители любили герра Вейриха не только за его англофильские настроения. Ни для кого не являлось секретом, что его перевели в нашу школу за дисциплинарную провинность. Раньше он возглавлял департамент в министерстве образования Брауншвейга и отказался подписать документ об увольнении одного из учителей, который проявил твердость и, несмотря на сильное давление начальства, так и не развелся со своей женой-еврейкой. Мои родители, поддерживавшие с Вейрихом личное знакомство, были довольны тем, что образованием их сыновей занимается такой принципиальный человек. Мы, ученики, в свою очередь тоже безгранично уважали нашего учителя английского языка.

На следующем уроке обозначились два различных течения в нашем классе. Я имею в виду наше отношение к войне. Одно было таким, которое разделял я. Для нас война была вызовом, обращенным непосредственно к нам. Мы были готовы откликнуться на него и стать солдатами. Однако имелись в классе и те, кто считал, что она не имеет к ним никакого отношения. Пусть воюют другие, кто готов добровольно отправиться на фронт. Война не стоит того, чтобы жертвовать ради нее собственной жизнью. Такие мои одноклассники хотели, так сказать, отсидеться в тихой гавани и дождаться наступления мира.

Конечно, эти два противоположных течения были не столь явно выражены. Все это можно было бы рассматривать не так радикально, как я описываю. С одной стороны, молодежи тех лет были присущи романтическая наивность и личные амбиции, а с другой — обычная человеческая слабость, интеллектуальная или моральная сдержанность или трезвый расчет относительно исхода войны. Повторяю, вышеописанные настроения были не слишком заметны, они лишь изредка прорывались наружу, оставаясь достаточно невнятными.

Вторым нашим уроком был урок немецкого языка, который вел доктор Хинц. Он был инвалидом — одна нога короче другой, вместо руки протез. Он был членом НСДАП, в ряды которой вступил еще в начале двадцатых годов, будучи студентом Мюнхенского университета, где обучался германской филологии и истории. Он был вдовец. Доктор Хинц обладал полемическим даром и острым умом. В речи он удивительным образом сочетал

и изысканную, и простонародную, и даже грубую лексику. На его уроках мы поражались тому, как ловко он увязывал обучение немецкому языку с темами истории и вопросами текущей политической обстановки. При этом он порой щеголял знанием тех сведений, которые были тогда доступны далеко не каждому человеку. Его нечастые ехидные шпильки в адрес некоторых партийных бонз неизменно приводили нас в восторг и не в последнюю очередь потому, что они свидетельствовали о поразительном знании Хинцем того, что в данный момент активно обсуждается в народе и подвергается критике.

Утром мы продолжили изучение событий Готской войны. Мне эта тема представлялась великой исторической драмой — Готская война была полна столкновений различных характеров и идей, любви и смерти, богатства и полного краха. (Готская война (535–553 гг. нашей эры) велась на территории Италии между войсками Юстиниана, с одной стороны, и остготов — с другой. Закончилась битвой при Везувии, где большинство готов предпочли смерть позорному рабству. Лишь горстке готов было разрешено вернуться на родину их предков, остров в Балтийском море. — Прим. автора.) Эти события были окутаны мраком далекого прошлого и произошли четырнадцать столетий назад, в эпоху, когда создавались великие мифы: о нибелунгах, короле Артуре, Ланселоте и Дитрихе фон Берне и великом Теодорихе, короле остготов. Это была славная когорта, которая представлялась мне, как и большинству юных романтиков, не запятнанной какими-либо грехами и достойной уважения за их честь и мужество.

На уроках истории мы читали «Готскую войну» Прокопия Кесарийского, а параллельно с ней, на уроках немецкого языка, — «Битву за Рим» Феликса Дана. В данном случае художественное произведение мы анализировали, сопоставляя его с документальным историческим исследованием. Хинц попросил нас написать сочинение по роману Дана, выбрав любую связанную с ним тему. Тем утром мы должны были обсудить такие темы. Среди них были следующие: расовое превосходство, правое дело как мотив борьбы (какое дело было готам до Италии?), так называемое расширение жизненного пространства, по-немецки «Lebensraum» («Lebensraum» — жизненное пространство того или иного народа, на которое он имеет право благодаря «силе победоносного меча». Хотя этот термин возник в XIX веке, он наполнился мощным политическим содержанием позднее, когда был взят на вооружение национал-социалистами для оправдания территориальной экспансии Германии на Восток, заявленной Гитлером в его книге «Моя борьба». — Прим. автора.) Были среди них и образы двух готских королей, Тотилы и Тейи и

их римского противника Цетега. Все темы обсуждались без явной отсылки к настоящему времени.

Первым дискуссию начал мой одноклассник по фамилии Круг, который смело выступил с вызывающим тезисом, состоящим в том, что Готская война являла собой пример плохого военного руководства, не больше и не меньше. Круг, белокурый юноша с приятными чертами лица, отличался острым умом, глубокой эрудицией и склонностью к анализу и любил диспуты, обожая при этом сокрушать оппонентов логикой своих доводов. Названные умения дополнялись способностью не доверять никаким убеждениям, в том числе и своим собственным.

— Я отрицаю то, что можно было бы назвать трагедией! — заявил он. — Готы допустили глупость, оставшись в Италии после того, как Юстиниан дал им понять, что не потерпит их присутствия на своей земле. Им не стоило надеяться на то, что они смогут завоевать весь мир в тех границах, как он тогда воспринимался людьми.

— А что же, по-твоему, должны были сделать готские короли? — спросил Хинц.

— Трудно сказать. Может быть, им стоило прислушаться к словам посланника своих родичей с севера, которые просили их вернуться на родину, на землю Готланда, — ответил Круг.

— Не кажется ли тебе, что ты судишь об этом с позиций наших дней? Когда прибыл посланник с севера, Тотила, их король, был полновластным правителем Рима, разве не так? — возразил Хинц.

— Да, я знаю это, — произнес Круг. — Но через два года Тотила и его народ были уничтожены. Разумное правление должно было предусматривать то, что сосредоточение власти в руках слишком малого числа людей над огромными людскими массами с самого начала обречено на неудачу.

— Но их правление продолжалось пятьдесят лет, и в отдельных своих аспектах оно имело успех, — стоял на своем Хинц. — Разве не наследовали им норманны, а перед ними саксы?

— Ваша аналогия имеет изъян. В случае с готами варвары пытались подчинить себе старую цивилизацию. То же самое было и в Британии.

— Может, ты признаешь в качестве примера власть римлян над греками? — продолжал упорствовать Хинц. — Впрочем, что это я заболтался, не давая выступить другим. Каково твое мнение, Фосс? — спросил он, глядя на меня.

— Я думаю, что точка зрения Круга носит довольно неглубокий характер, — начал я. — Жизненно важный вопрос состоит в том, что готские короли и их советники посчитали, что

смогут пойти на компромисс. Очевидно, готы считали Италию своей родной страной, своим жизненным пространством после того, как их предки покинули Готланд и позднее были вытеснены из Причерноморья. А как же можно отказаться от родины?

— Понятно. Дальше он скажет, «так же, как и мы, они сражались за расширение жизненного пространства», — тихо, но достаточно отчетливо прокомментировал Круг.

— Конечно нет! — произнес я, глядя на него. — Это никак не подкрепит мою точку зрения. Немцы — народ, имеющий свою страну. Пусть теорию расширения жизненного пространства отстаивают другие. Если ты хочешь, чтобы я назвал главное, что существует в современном мире, я скажу, что это ценности европейской культуры, которые необходимо отстоять в схватке с большевизмом. Благоразумие отступает на второй план, когда дело касается основополагающих убеждений. Можно мне развить этот тезис дальше?

— Разумеется. Можешь сделать это в своем сочинении, но постарайся изложить мысли коротко и ясно, — ответил Хинц.

Круг продолжил:

— Нельзя отрицать тот факт, что последняя битва готов при Везувии была бесполезной и привела к огромному количеству ненужных жертв. Это классический пример скверного военного руководства.

— Неужели ты считаешь, что рабство воинов, мужчин и детей могло стать хорошей альтернативой? — спросил Хинц.

— Я полагаю, что можно было спасти много жизней, жизней, необходимых для сохранения готского народа как такового. Разве фюрер не говорил, что сохранение человеческих жизней является главной целью государства? — съехидничал Круг.

— Жизнь — единственная ценность, о которой я упомянул, — вступил я в разговор. — Существуют и другие ценности, такие как свобода, честь и долг. Нет необходимости объяснять, что за них люди тоже отдают жизнь. Так что ответственность ложилась на короля. Он должен принимать решения за весь народ, ведь для этого он и был выбран верховным правителем нации.

— Король был не свободен в своем выборе, — настаивал Круг. — Он испытывал обязанность перед верным ему народом, чувствовал ответственность перед ним. Тейя, последний готский король, повел себя нелояльно, когда отправил преданных ему воинов на верную гибель. Он привел свой народ к полному поражению, готы были физически уничтожены. После битвы при Везувии готы навсегда исчезли из истории. Это реальность, которую мы должны признать.

Мы все ощутили напряженность, возникшую в классной

комнате. Теперь историческая аналогия напрашивалась сама собой. Круг говорил таким тоном, будто был единственным реалистом в классе, тогда как все остальные — приверженцами метафизики.

— Реальность? — подхватил линию спора Хинц. — А что такое реальность? Я скажу вам: это все то, что имеет силу; то, что действует. Если мы рассмотрим то, что каким-то образом оказывает влияние на окружающий мир, то имеем дело с реальностью. Но в таком случае разве готы перестали существовать в нашем сознании? Разве они не влияют на наше сознание и, возможно, даже на наши поступки? Разве они исчезли из истории? Разве исчез из истории Иисус Христос? А король Артур или Дитрих фон Берн? А Моцарт и Бетховен?

— Прошу прощения, герр Хинц, но разве можно называть готов в одном ряду с Иисусом? — робко спросил один из наших одноклассников, сын пастора.

— Неужели ты этого не понимаешь? — продолжил наш учитель. — Иисус жил и умер для того, что передать человечеству великое послание, которое существует вот уже почти две тысячи лет. Бетховен оставил человечеству такое музыкальное произведение, как 131-й опус для струнного квартета в качестве вечного подарка. Готы появились в истории и исчезли, явив пример народа, способного на самопожертвование, продемонстрировавшего высший образец коллективного мужества, чести и приверженности главным убеждениям.

Хинц сделал паузу и заговорил дальше.

— Разумеется, для того, чтобы последующие поколения могли придать этим силам действенность, они сами должны обрести понимание исторических истин. Им следует отказаться от догматического мышления, пусть даже и проявив некоторую наивность или, если угодно, идеализм. Струнный квартет Бетховена способен воздействовать на души далеко не всех людей, для этого необходимо знание основ музыкальной культуры. — Он улыбнулся: — Люди ведь не одинаковы, верно?

За стенами нашей классной комнаты ярко светило солнце, заливая своими лучами школьный парк. Лужайки, клумбы и дорожки, высаженные с обеих сторон каштанами, — все это выглядело очень живописно. С парком удивительно хорошо гармонировало здание школы, построенное в классическом стиле. На фасаде, под фронтоном портика была видна надпись по-латыни — Humanitari Sapientae (мудрость служит человечеству). Стоя на крыльце, я наблюдал за безмятежным спокойствием окружающего мира. Ученики самых разных возрастов от десяти до восемнадцати лет играли, бегали, болтали или жевали

бутерброды в тени каштанов.

Мои одноклассники разделились на две кучки и, по всей видимости, продолжали недавнюю дискуссию. Проучившись столько лет вместе с ними, я хорошо знал их, знал, что они думают. Мне было известно, что Круг изъявил желание добровольно пойти военным врачом в люфтваффе, что гарантированно давало ему возможность получить образование в университете, прежде чем попасть на фронт. Две кучки, две группы антагонистов подумал я, идеалисты и прагматики. Одни готовы выполнить долг и при необходимости пожертвовать собой за правое дело, другие к этому не готовы. И те, и другие проявляют мудрость, правда, из надписи на фасаде школы неясно, какая мудрость может лучше послужить человечеству.

Впрочем, сейчас не время для философских размышлений, решил я. Пришло время сделать выбор. Я неожиданно испытал острое желание продемонстрировать свою позицию, показать одноклассникам, насколько велика разница между мной и теми, кто не разделяет моих взглядов.

Проходя мимо кучки, в которой стоял Круг, я услышал чьи-то новые доводы в пользу его точки зрения. Когда Круг заметил меня, я похвалил его.

— Прекрасное выступление, Круг. Я впечатлен.

— Надеюсь, я убедил тебя.

— Конечно же нет. Как ты мог такое ожидать?

— Да, действительно, как я мог? — рассмеялся Круг. — Ты, наверно, счел увлекательным тот идеалистический вздор, который нес Хинц. Разве можно ожидать от командира юнгфолька чего-то иного, кроме романтического восхваления чести, долга, верности и тому подобного?

— К чему такой сарказм? Неужели ты пытаешься им оправдать свой собственной выбор военной карьеры?

— Мне ничего не нужно оправдывать. Если ты намекаешь на мое решение добровольно служить в люфтваффе, то, пожалуйста, я готов все объяснить. Я выбираю карьеру военного врача потому, что врачи нужны для того, чтобы зашивать раны таких, как ты, кому не терпится, чтобы поскорее сбылись его мечты о военной славе.

— Давай говорить честно, мы раньше почему-то не замечали твоих склонностей к медицине или других тому подобных гуманистических убеждений. Зачем же скрывать истинную причину? Ведь она всем очевидна.

— Если уж говорить начистоту, то какой вклад в дело победы готов внести ты? — парировал Круг.

Я на мгновение замешкался, переводя взгляд с него на моих

одноклассников, которые не спускали с меня глаз. Ответ был готов, он уже давно сформировался в моем сознании, порожденный примером Филиппа, моими разговорами с ним, моим намерением сделать что-то необычное и вот теперь неожиданным желанием четко обозначить свою позицию. Почему бы не прояснить все именно сейчас, в эту минуту? К чему тянуть? Это стало делом самоуважения. Момент оказался самым подходящим.

— Я? Я пойду служить в войска СС.

— Значит, ты решил пойти на службу добровольцем? Хорошо. Но почему именно в войска СС?

— Это трудно объяснить, — ответил я. — Я думаю, что это самое подходящее для меня место.

Мы с отцом сидели друг против друга за столом в большом зале ожидания железнодорожной станции Халльсштадт и потягивали из чашек горячий эрзац-кофе в окружении множества незнакомых людей, главным образом военнослужащих. Мы приехали поездом по небольшой частной железнодорожной ветке, обслуживавшей жителей Гарца и соединявшей Блессгейм с сетью имперских железных дорог. Отцу предстояло вернуться на фронт. На нем был мундир майора артиллерии. Выглядел отец по-прежнему: высокий, красивый, уверенный в себе, надежный во всех отношениях.

— Послушай меня, Иоганн. Я недавно разговаривал со своим давним товарищем, мы с ним раньше вместе служили. Он может устроить тебя в мой старый полк в Ганновере, если ты пожелаешь служить там. Это хороший полк со славным именем, «Шарнхорст», ты о нем слышал. В его рядах ты тоже сможешь честно выполнить воинский долг. Я был бы доволен, зная, что ты служишь там под присмотром уважаемых мною людей.

Обычно находящийся в бодром настроении, отец сейчас выглядит обеспокоенным. Его надежды на скорое окончание войны и возможность того, что его сыновья не успеют в ней поучаствовать, не оправдались. Его старший сын попал на Восточный фронт, где воюет наводчиком артиллерийского огня — не слишком безопасная должность, и вот теперь младший стремится попасть в не менее рискованное место. Он на личном опыте знал, что такое война в России, оставаясь прошлой зимой под Смоленском, где командовал автопарком своей части и ежеминутно подвергался смертельной опасности. Обычно сдержанный, во время отпуска отец обронил несколько слов, по которым я заключил, что события тяжелых месяцев, проведенных на Восточном фронте, посеяли в нем сомнения в благоприятном исходе войны.

Мне неожиданно стало жалко его. Он заботливо относился к нам, когда мы, четверо, были маленькими детьми. В выходные дни он сажал нас в машину и отвозил на природу, где мы устраивали пикники или отправлялись в лес собирать грибы. По вечерам он по нашей просьбе брал в руки гитару и пел нам. Главным образом это были английские и австралийские песни,

которые отец знал с детства. Мы были в полном восторге и выучили наизусть слова, не понимая их значения. Они имели веселые и грустные мелодии, но в те дни отец никогда не выглядел грустным. Не знаю точно, но, может быть, он просто старался на людях выглядеть бодрым и энергичным.

— Знаешь, — начал я, надеясь как можно скорее покончить с этим вопросом. — Я очень хочу служить в горно-пехотном полку, и это мой единственный шанс попасть туда. Ты меня понимаешь?

— Ты уверен, что тебе хочется именно этого? Может быть, ты не получишь ни гор, ни тех приключений, о которых мечтаешь. Поверь мне, война для пехотинца на передовой — дело очень опасное. А в тылу войска СС выполняют такие задания, в которых я не пожелал бы тебе участвовать. Почему же не пойти в приличный пехотный полк со славными боевыми традициями?

Насколько я помню тот разговор с отцом, меня удивили его слова о нежелательных, по его мнению, тыловых заданиях войск СС. Однако в то время я как-то не обратил на них внимания, вернее не стал ничего уточнять.

— Конечно, это великая честь, служить в таком полку. Но мне кажется, что нынешняя война — совсем другое дело. Это не война между Пруссией и Наполеоном в дни Шарнхорста и даже не Первая мировая война, когда Германия воевала со своими давними европейскими врагами. Это война между европейской цивилизацией и большевизмом. Пришло время новых традиций, которые заложит передовая молодежь Европы. Вот в чем я хочу принять участие.

Я высказал еще несколько аргументов в пользу своего выбора, стараясь говорить как можно вежливее и спокойнее. То, что я сообщил, отцу, наверно, могло показаться набором истертых пропагандистских штампов, но я, тем не менее, остался доволен, что все объяснил ему. Должно быть, он понял меня, потому что больше не стал развивать тему. Возможно, это было вызвано его обычным нежеланием обсуждать абстрактные проблемы и особенно всяческие «измы». Свое истинное настроение отец часто маскировал, быстро меняя выражение лица. Он посмотрел на часы и натянул перчатки.

— Прежде чем распрощаемся, давай выпьем, солдат, — с улыбкой предложил он. Мы встали и направились к стойке бара.

Я проводил его на перроне. Это было типичное прощание военных лет. Мы изо всех сил старались не показать своей грусти. Когда поезд отошел от перрона, отец продолжал стоять у окона своего вагона, подняв руку в армейском салюте.

Когда последний вагон скрылся из вида, я заметил стоящий на параллельном пути другой состав, грузовой. Погруженный в

мысли я сначала обратил внимание лишь на нанесенный свежей краской пропагандистский лозунг — «Колеса крутятся для победы». Затем, присмотревшись к ближнему ко мне вагону, я увидел то, что показалось мне человеческими пальцами в квадратных прорезях стены вагона, затянутых колючей проволокой. Я также заметил широко открытые глаза, жадно смотревшие наружу. Мой изумленный взгляд скользнул по длинной веренице таких же вагонов. То здесь, то там я видел глаза и руки тех, кто в них содержался.

Зрелище вызвало во мне смешанные чувства. Вспомнилось латинское изречение — Vae victis! Горе побежденным! Мерзкие отбросы! Бедолаги! Надеюсь, что они получат достойное трудовое задание. Затем мне в голову пришла новая мысль: диктатура пролетариата никогда не должна установиться в Европе!

Дикие гуси

Мои воспоминания о прошлой осени отмечены двумя разными эпизодами, которые случились в разных местах: в Брауншвейге, где я встретил дядю Петера, в судьбе которого произошли серьезные изменения, и в Харденбурге — здесь состоялась моя встреча с Филиппом, и здесь я наблюдал за полетом диких гусей, вызвавшим у меня романтические ассоциации.

Ветер срывал последние листья с каштанов, которыми была высажена уже упоминавшаяся мной Стена в Брауншвейге. Желтые листья ковром устилали землю, прибитые дождем. В тот октябрьский день 1942 года дом моей бабушки все еще оставался на прежнем месте. Казалось, будто его белому фасаду нипочем очередная смена времен года. Отсюда был хорошо виден дом на острове на той стороне пруда, где несколько лет назад разместилась местная штаб-квартира СС.

Я возвращался домой из тренировочного лагеря в Вестервальде и по пути решил навестить тетю Изу. Я также надеялся увидеть Филиппа, который, как мне было известно, находился дома и ждал нового назначения по службе. У меня за плечами остались три месяца напряженной военной подготовки, и я был рад вернуться в «цивилизованную жизнь». Моя бабушка умерла от сердечного приступа несколько месяцев назад. Позднее в доме произошли огромные перемены. Приблизившись ко входу, я наткнулся на офицера СС, выходившего из дома, одетого не в серый полевой мундир, к которому я привык в тренировочном лагере, а в черный, какой носили служащие алльгемайне СС (общих СС). Он резко отчитал меня за мою неуклюжесть. На нем были бриджи для верховой езды и начищенные до зеркального блеска сапоги. И то, и другое всегда поражало меня и казалось бессмысленным в отсутствие лошади. Первый и второй этажи руководство СС снимало за плату, потому что эта часть здания являлась удобным дополнением к уже упомянутой штаб-квартире.

Иза теперь жила в новой квартире на чердаке, которую она называла своим «райским уголком». Это было совершенно новое очаровательное местечко с лучшей мебелью, картинами и книгами, взятыми из старого дома. Поднимаясь по ступенькам, я почувствовал знакомый аромат лаванды, смешанный с легким запахом свежей краски. Новая квартира превратилась в изысканное жилище, достойное тети Изы.

Здесь я в очередной раз встретился с «нашими шведами».

Вместе с Петером была и Грета.

Петер и его семья приехали в Германию в мае, после того как их жизнь в Стокгольме резко ухудшилась. В конце 1939 года он потерял место в английской фирме и с тех пор жил на сбережения и на случайные заработки. Кроме того, он, кажется, лишился британского паспорта, что, видимо, означало радикальное изменение его социального статуса. Более того, как упоминал в своих письмах, после того, как немецкие войска вторглись в Советский Союз, ему стало ясно, что война затянется надолго, и он уже не мог надеяться на то, что останется в стороне и благополучно дождется наступления мира. В конечном итоге один его старый друг предложил ему работу в Брауншвейге. Петер воспользовался подвернувшейся возможностью, собрал вещи, которые отдал здесь на хранение, и перебрался в меблированные комнаты в здании по соседству с нынешним жилищем Изы.

Когда я застал всех троих в гостиной Изы, воцарилась радостная суматоха. Мы не виделись целых четыре года и были рады новой встрече. «Наши шведы» выглядели точно так же, что и раньше: красивые, элегантные, настоящие иностранцы в изысканной заграничной одежде и обуви. Грета курила маленькую черную сигару, чем немало удивила меня. Как бы то ни было, но они казались ярким пятнышком на тусклом фоне военной жизни.

И все же, несмотря на семейную близость, в нашей нынешней встрече ощущался какой-то диссонанс. На мне была синяя форма юнгфолька, и сам я в те дни привык видеть на мужчинах не обычную одежду, а военные шинели. «Шведы» в отличие от них казались сугубо гражданскими людьми. Было и что-то другое — мне казалось, что я оказался в ситуации, о которой не имею ни малейшего представления.

Гости с любопытством смотрели на меня, пока я рассказывал о моей военной допризывной подготовке в Вестервальде. По всей видимости, их удивляло то, что занимаюсь я совсем не теми делами, что мои шведские ровесники, которые по-прежнему беззаботно катаются на яхтах, играют в теннис и путешествуют по всему миру.

— Тебе и твоим товарищам там понравилось? — спросил Петер. — Похоже, вам было не до веселья.

Я уловил иронию в его голосе и решил отплатить той же монетой, небрежно процитировав:

— Мы «гордо и радостно выполняли свой долг».

— Гордо?.. Радостно?.. Свой долг? — расхохотался Петер. — Великолепно! Просто замечательно. Откуда ты взял эти слова?

— Это цитата, — пояснил я, когда он немного успокоился. — Строчка из армейского устава. Неплохо сказано, верно?

— Неплохо, но это выше моего понимания, — ответил Петер, добродушно усмехнувшись. — Тебе действительно понравилась военная подготовка?

— Ты сильно похудел, Иоганн, — заметила Иза. — Похоже, что вас держали впроголодь.

— Вообще-то нам пришлось нелегко. Никаких игр и забав не было.

— Что, даже военных игр не было? — поддразнил Петер.

— Это были не игры, а скорее, учения — полевая подготовка, топография, кроссы по пересеченной местности и все такое прочее. Но никакой муштры, если ты это имел в виду, во всяком случае в обычном понимании слова. Там все по-другому.

— Насколько я понимаю, теперь все идет по-новому, — произнес Петер. — Похоже, что то, о чем сейчас все говорят — о каком-то новом секретном оружии, производящемся в горах Вестервальде, — это немецкий юноша, 1925 года рождения, лучшего качества, «крутой, как дубленая кожа, твердый, как крупповская сталь, быстрый, как борзая». Разве не так фюрер характеризовал молодых людей из Гитлерюгенда?

— Петер, прошу тебя! Прекрати! — оборвала его Грета. — В следующий раз ты так легко не отделаешься!

— Разве я сказал что-то не то? — невинно запротестовал Петер. — Или нас слушает кто-то посторонний? — Он с забавным видом осмотрелся по сторонам и заглянул под стол.

Дядюшка по-прежнему казался мне забавным, и, чтобы сделать ему приятное, я сказал:

— На меня не стоит обращать внимания! Кроме того, похоже, что ты, как всегда, прав. В нашем тренировочном лагере люди из СС отбирали лучших из нас для добровольного зачисления в новую дивизию. Ходят слухи, что она будет называться именно Гитлерюгенд.

— Может, ты расскажешь Иоганну о том, что привело нас сюда в этот час? — попросила мужа Грета.

— Да, конечно, расскажу, — ответил он и начал свой рассказ.

Это случилось пару дней назад. Во второй половине дня Петер находился на работе, в конторе, где присутствовало несколько его коллег. Один из них, о котором Петер практически ничего не знал, завел хвастливый разговор о последних успехах вермахта в России и в конечном итоге о будущем ходе войны. Чуть позже Петер не удержался и сказал:

— Вы разве верите в то, что мы сможем победить в войне?

Рассказчик немедленно замолчал, и в следующее мгновение в

комнате повисла мертвая тишина. Спустя какое-то время, когда они остались вдвоем, друг Петера дал ему понять, что во время разговора было слишком много людей, чтобы свободно, без оглядки, высказывать свое мнение.

Через три дня Петер получил повестку, обязывавшую его явиться в местное отделение гестапо, государственной тайной полиции. Сначала он никак не мог понять цель вызова в подобное учреждение. Однако Грета встревожилась не на шутку. В тот день, утром, Петер побывал в гестапо, откуда вернулся всего несколько часов назад. Там он показал повестку, и ему ответили, что с ним хочет побеседовать главный начальник. «Это либо очень хорошо, либо очень плохо», — подумал он. Когда его отвели в кабинет начальника, он с удивлением узнал в нем своего старого школьного товарища. Как только за Петером закрылась дверь, Манни, нынешний глава местного отделения тайной полиции, высказал радость от неожиданной встречи.

— Черт побери! Это ты, Петер!? Глазам своим не верю. Как ты поживаешь, старина? Тебе здорово повезло, что этот глупый донос попал в мои руки. Заклинаю тебя всем святым, Петер, прекрати нести подобный вздор при посторонних! Иначе с тобой может приключиться серьезная беда. Сделай мне милость и постарайся всегда держать язык за зубами. Обещаешь мне?

На этом инцидент был исчерпан. Старые друзья затем долго вспоминали прошлые годы. Сейчас, после этого разговора, Петер считает, что ему сильно повезло.

Иза принесла из кухни тарелки с закусками и выслушала рассказ моего дяди еще раз.

— Ты забыл упомянуть обо мне, мой дорогой, — заметила она, обращаясь к Петеру. — Я тоже была перепугана до смерти. Я прошлую ночь глаз не сомкнула, все думала о тебе. Думала, что даже если они не арестуют тебя, то все равно каким-то образом заставят пожалеть о том, что ты вернулся в Германию.

Я хорошо помню, как в тот момент настроение дяди Петера сделалось удручающе серьезным.

— Германия или какая-то другая страна, какое это имеет значение? Я думаю, что люди вроде нас в любой стране обязательно притягивают к себе внимание полиции, — ответил он. — Жалею ли я о том, что вернулся в Германию? Думаю, что вопрос не в этом. Места для сожаления в моей душе нет, как нет и особой радости, потому что нас заставили определиться с жизненной позицией, несмотря на нежелание делать подобный выбор.

— Ты не единственный, кто оказался в таком положении, — заметила Иза. — Существует много других людей, которые не

хотят делать выбор таким же образом, независимо от того, где они живут, здесь или за границей.

— Разумеется, могу себе представить, сколько немцев считают, что война — это не их дело. Тут уже нет никаких сомнений. Но со мной случай другой. Я ничего не должен Германии, как я не должен никакой другой стране. Кроме того, я не являюсь оппозиционером. Как же оправдать то, что меня насильно вовлекли в такое положение? Вы можете мне это объяснить? Настоящие подданные того или иного государству обязаны быть верны ему за определенные блага, которые они получают и надеются получать в будущем: обеспечение их личной безопасности, образование, возможность сделать карьеру, услуги здравоохранения. Со мной все обстоит иначе. Я даже не учился здесь. А что со мной будет дальше? У меня нет никаких возможностей. Я был вынужден уехать за границу. В Англию я прибыл без гроша в кармане. А почему, спросите вы? Потому что моя родная страна не смогла защитить имущество моего отца от конфискации — его забрали англичане. Если быть точным, это были ценные бумаги, которые он приобрел, честно трудясь всю свою жизнь. Поэтому после Первой мировой войны не осталось ничего, кроме этого дома. С другой стороны, я не сделал этому государству ничего плохого. Поэтому я спрашиваю вас, кто имеет право заставлять меня определяться с жизненной позицией, становиться на чью-то сторону? Кому я обязан проявлять верность?

Дядя Петер замолчал. Наш разговор принял серьезный оборот. После паузы он добавил более спокойным тоном:

— Я тщетно пытался оставаться в стороне от происходящего, от этого шовинистического соперничества европейских стран. Европа так и не повзрослела. Можно ли представить себе что-то более инфантильное, чем страны, ведущие войну?

Хотя точка зрения Петера показалась мне интересной, однако тогда я еще не до конца понимал истинную ее суть. Я уже был безоговорочно предан идее долга перед отечеством. Кроме того, многое было мне неясно, но я счел за лучшее не затягивать разговор. В противном случае он грозил перерасти в бесконечную и, возможно, малоприятную дискуссию.

Грета также была настроена прекратить нашу беседу.

— Мы не можем слишком долго оставлять ребенка одного, — сказала она, намекая, что им пора идти. Они оставили свою маленькую дочурку дома вместе с домохозяйкой. Петер, судя по всему, также хотел поскорее распрощаться с нами.

— Увидимся завтра? — спрашивает он меня.

— Боюсь, что нет. Я уезжаю сегодня вечером в Харденбург.

Еду вместе с Филиппом. Филиппом фон Бургдорфом. Ты встречался с ним четыре года назад, помнишь?

— Да, помню! — восклицает Грета. — Это ведь тот юноша, что жил по соседству? Как он поживает?

— Прекрасно. Он только что закончил офицерское училище в Брауншвейге. Сейчас едет домой в отпуск и будет ждать новое назначение.

— Офицерское училище в Брауншвейге? Так, значит, он будет офицером войск СС? — испуганно спрашивает Петер, зная, что другого училища в городе нет.

— Совершенно верно. Он перевелся в войска СС в прошлом году.

— Ты хочешь сказать, что заставили туда перевестись? Не могу себе представить человека, который добровольно согласился бы якшаться с этими типами.

— Он как раз таки добровольно перевелся.

Покачав головой, Петер сказал:

— Пожалуй, мне сильно не хватает образования, чтобы понять, что сейчас здесь происходит.

Я проводил их до дверей.

Снова поднимаясь по лестнице к квартире тети Изы, я обдумывал недавний разговор. Что имел в виду Петер, говоря о том, что его заставили сделать выбор, определиться с жизненной позицией? Неужели существовали какие-то другие формы давления, кроме экономических трудностей?

Тетя Иза удивилась, узнав, что я не в курсе обстоятельств возвращения Петера в Германию. Это случилось в конце 1940 года, когда он подал прошение о продлении паспорта. При этом он не подозревал, что его ждет. Сначала сотрудники британского посольства очень любезно встретили его, но лишь спустя несколько месяцев Петер понял причину их благожелательности. Однажды ему дали понять, что проблему получения паспорта можно существенно облегчить, если он проявит понимание и готовность к сотрудничеству. Наконец он понял истинное намерение сотрудников посольства: ему предложили работать на британскую разведку. Поскольку он по происхождению был немцем и свободно владел несколькими иностранными языками, Петера сочли подходящей кандидатурой для выполнения разведывательных заданий в годы войны. Ему предложили перебраться вместе с семьей в Англию и обещали оплатить расходы по переезду. Как бы извиняясь, они добавили, что Грета и их дочь будет помещены в лагерь для интернированных лиц «из соображений безопасности». Петер отказался и в результате лишился всех шансов на возобновление британского паспорта.

После этого он обратился в посольство Германии с просьбой о выдаче немецкого паспорта. Там его также встретили благожелательно, обрадовавшись, так сказать, возвращению блудного сына, но так же поставили перед ним условия. Пообещали выдать паспорт в конце года, но для этого он должен вернуться в Германию как можно быстрее.

Мне стало жаль Петера и Грету, им нелегко пришлось в последнее время.

— Они, наверное, чувствуют себя так, будто странствуют по ничейной земле, — сказал я. — Почему бы нашим соотечественникам не использовать их в Швеции, нейтральной стране? Такой человек, как Петер, вполне пригодился бы там. Мы ведь получаем из Швеции много железной руды, верно?

— Он, конечно же, пытался заняться чем-то подобным. Но, насколько я понимаю, предпочтение отдается соотечественникам, сторонникам партийной линии или тем, кому можно доверять, — сказала Иза.

— Плохо. Не видать ему счастья с немецким паспортом. Как же Грета все это воспринимает?

— Грета считает вполне естественным разделить судьбу мужа. Похоже, что они оба смирились со своей участью. По крайней мере, у меня сложилось такое впечатление. Кроме того, она ведь дочь капитана военно-морских сил Германии. Ее мать была рада возможности начать новую жизнь, когда вышла замуж после войны, но старые связи сохраняют свою прочность. Я знаю, что до какой-то степени это касается и Греты.

На вокзале я увидел Филиппа. Я до сих пор прекрасно помню тот день. Он был в военной форме. До этого я еще не видел его в мундире войск СС и с расстояния даже не сразу узнал его. Форма обладает удивительным свойством придавать человеку новый облик. В большинстве случаев люди в военной форме просто кажутся не похожими на гражданских, однако некоторые из них приобретают в ней новые качества: стать, изысканность и даже щеголеватость. Даже вульгарных и пошлых людей она делает торжественно-серьезными. С Филиппом дело обстояло совсем по-другому. Его серый мундир с ленточкой Железного креста усиливал хорошо знакомые мне черты его характера: сдержанное благородство, спокойную решимость и готовность выполнять долг и некоторую аскетичность. Форма молодила его и как будто сохраняла образ обаятельного командира отряда юнгфолька, каким он был когда-то в летнем молодежном лагере. Это подчеркивалось серой пилоткой с черной нашивкой, на которой красовалась эмблема — мертвая голова. Он носил ее, небрежно сдвинув набок и вытащив уплотнитель, чтобы она казалась слегка

поношенной и менее претенциозной. Он выглядел сдержанно и серьезно, и две серебряные руны на петлицах и серебряная пряжка ремня с надписью «Meine Ehre Heisst Treue» (моя честь — моя верность) казались символами его верности тем духовным ценностям, о которых он рассказывал мне во время нашей последней встречи.

В купе пусто, и поэтому наш разговор с самого начала течет плавно и свободно. Желание Филиппа попасть в дивизию «Викинг», в которой служат главным образом добровольцы из различных европейских стран, наконец осуществилось. Об этом стало известно позавчера. Он в полном восторге и с нетерпением ждет нового назначения. Через несколько дней он отправится на юг России и вскоре получит под свое начало пехотный взвод. Кроме того, его ожидает новое звание — унтер-штурмфюрера СС. В то время почти все мы внимательно следили за ходом войны. Многие из нас дома повесили на стену географические карты, на которых втыкали булавки с ярким оперением под названиями тех городов, рек и территорий, о которых шла речь в последних сводках с фронта. Эта привычка возникла еще в первые дни войны. Местоположение булавок менялось с очередным выпуском радионовостей, в которых сообщалось о дальнейшем продвижении наших войск. Таким образом, я знал о летнем наступлении вермахта на юге России, когда был совершен могучий рывок в направлении нефтяных месторождений Кавказа. Мне также было известно о том, что дивизия «Викинг» воюет именно в этих местах. Хотя Филиппу пока особенно нечего было сказать о реальных боевых операциях, я с интересом слушал его рассказы о стратегических замыслах верховного военного командования. Он объяснил мне, что победа в войне необходима не только ради контроля за нефтяными месторождениями, в равной степени важен и выход немецких войск к берегам Волги. Только в этом случае нам откроется путь на север, что позволит сомкнуть кольцо вокруг Москвы.

Разумеется, я был под сильным впечатлением от услышанного. Наверное, именно тогда я впервые получил приблизительное представление об экономической стороне войны, ее возможностях и крайностях. Однако в ту пору мне казалось, что наши ограниченные запасы нефти можно увеличить благодаря прозорливому руководству фюрера. Однако в октябре 1942 года было известно, что наши войска ведут упорные бои на Северном Кавказе, а также на подступах к Волге, и даже из официальных радиосообщений явствовало, что наше наступление развивается медленно, а в горных местностях даже временно остановилось. Таким образом, оптимизм Филиппа мог вызвать у

меня сомнения в благополучном исходе войны, однако он был абсолютно уверен в нашей победе. По его словам, все наши силы были сосредоточены на юге России. Неужели я не слышал о том, что некоторые передовые части вермахта уже достигли побережья Каспийского моря? Более того, он сообщил мне, что приток молодых добровольцев из европейских стран в войска СС даже увеличился по сравнению с прошлым годом. Он будет усиливаться и далее, и это свидетельствует о том, что все больше людей за границей убеждаются в том, что Германии нужна помощь в ее борьбе с большевизмом. Эти рассуждения Филиппа надолго запомнились мне. Я был горд тем, что решил связать свою судьбу с передовым отрядом немецких войск, который позволит мне внести вклад в дело победы.

Тем временем купе наполняется подсевшими в поезд сельскими жителями. Пожилую женщину, видимо, заинтересовал наш разговор. Она внимательно прислушивается к нашим словам, и мы переводим беседу в общее русло.

По прибытии в Харденбург Филипп воспользовался представившейся возможностью и навестил мою бабушку. Мы увидели дом, который на первый взгляд никак не пострадал от войны. На фоне леса и сада он выглядит удивительно живописно. Лужайки превратились в дикие луга с высокой травой. На старом теннисном корте теперь выращивается картофель. По птичьему двору бродят куры. Живые изгороди нуждаются в стрижке. Нас встречает бабушка, которой в последнее время приходится выполнять практически всю работу по дому. Эдда с головой ушла в работу на посту главы местного отделения НСДАП, занимаясь укреплением морального духа в тылу. В настоящее время она занимается сбором теплых вещей для солдат-фронтовиков. Стэна вернулась к профессии медсестры и сейчас служит в Красном Кресте где-то на юге России. Поскольку в последние дни стояла морозная погода, а в доме не работает паровое отопление, то во всех комнатах холодно, за исключением гостиной — там топится печь — и примыкающей к ней библиотеки.

В последние годы библиотека стала любимой комнатой бабушки, где у нее всегда под рукой книги Шопенгауэра, Ницше и Шпенглера, философов, которых она внимательно перечитывает. Я узнал об этом относительно недавно, обнаружив на полях книг оставленные ею записи. Она рада видеть нас и довольна возможностью пообщаться с молодежью. В знак своего расположения она угощает нас шерри, за которым отправляет меня в кладовую. Критически осмысливая ту давнюю встречу, я считаю, что трезвый сдержанный рассказ Филиппа о своем военном опыте показался бабушке более интересным по

сравнению с рассказами Эдды, постоянно преувеличивавшей роль национал-социалистов в жизни Германии.

Эдда появилась в доме в ту минуту, когда Филипп собрался уходить. Очевидно, ее поразило то, что он был в форме. Услышав, что он отправляется на фронт, Эдда обняла его и заглянула ему в глаза, как будто пытаясь надолго запомнить его лицо.

Снаружи уже было темно, и на небе высыпали яркие звезды. Мы немного постояли у ворот. Неожиданно до нашего слуха откуда-то с высоты донеслись странные звуки. Сначала они были еле различимыми, но с каждой секундой делались все громче и отчетливее. Это были пронзительные крики диких гусей. Вскоре мы увидели и их самих. Они летели тремя клиньями, длинные шеи вытянуты вперед. Их полет был устремлен на юг. Мы с каким-то испугом смотрели на них, открыв души этим грациозным птицам, которые не обращали внимания на простиравшуюся внизу землю, не ведая ни войн, ни границ, следуя лишь мирному зову собственной природы. Мы оба вспомнили хорошо знакомые строчки Вальтера Флекса: «Дикие гуси летят ночной порой…», в которых усматривалась некая плохая примета. Мы наблюдали за их полетом до тех пор, пока они не скрылись из вида. Мне показалось, что неожиданное появление диких гусей имело какое-то глубокое, пока еще неясное значение. Это был некий знак, призыв к выполнению долга.

Мы тогда еще не знали о неминуемой катастрофе на Восточном фронте. Вскоре, после отступления наших войск с Северного Кавказа, грянула трагедия под Сталинградом. Мне было не суждено снова увидеться с Филиппом.

Обучение горных пехотинцев

Февраль 1943 года. Наш взвод в полной боевой выкладке поднялся на лыжах по крутому горному склону. Дождавшись последнего, мы собрались в седловине горной вершины Торренер Йох, на высоте 1800 метров над уровнем озера Кенигзее, с одной стороны, и долины Зальцаха — с другой. Задыхаясь и опираясь на лыжные палки, мы с великим удовольствием наслаждались коротким отдыхом. На нас белые накидки с капюшонами, натянутыми на вязаные шапочки. На фоне ослепительно белого снега видны лишь наши пулеметы и винтовки. Прочее военное снаряжение невозможно различить, так как в глаза нам светит яркое солнце. Некоторые из нас сняли шапочки, и сразу стала видна узкая полоска белой кожи возле линии волос, резко контрастирующая с загорелыми лицами. Наши губы намазаны толстым слоем жира, глаза защищены темными очками в легкой алюминиевой оправе.

Загар лег на наши лица во время полевой подготовки, которой мы упорно занимаемся последние недели. Она заменяет нам строевую подготовку на плацу, которой заполнено все время призывников в других воинских подразделениях. Условия нашего нынешнего проживания типично спартанские. Мы живем в двух охотничьих домиках, один из которых расположен на вершине, а другой на склоне горы. Каждое утро начинается с зарядки, за ней следует завтрак и занятия лыжной подготовкой и тренировки в высокогорных условиях, вроде восхождений на ледник, строительства домов из снега и льда и тому подобного.

Снег на горном хребте плотный и заледенелый, спрессованный постоянными ветрами. Свежевыпавший снег быстро тает на солнце. Примерно в десяти километрах от нас протянулся заснеженный массив горы Ватцманн. Здесь же, на нашем берегу озера, высится вершина Хоэ Гель. Горный хребет Шнайбштайн возвышается южнее и севернее седловины.

Горы представляют собой восхитительное зрелище. Глядя на них и видя рядом с собой лица товарищей, я думаю, что это именно то, к чему я всегда стремился. Прежде чем закончить утренние упражнения, нам нужно совершить еще один горный спуск. В данный момент мы отрабатываем перемещение оружия. Наши пулеметы установлены на похожих на лодки санках, которые тянут, как собаки в упряжке, три человека — два спереди и один — пулеметчик — сзади. Первый пулемет готов. Винтовки заброшены на ремне за спину, коробки с боеприпасами привязаны к телу. Три человека, образовав треугольник, спускаются вниз.

Впереди командир, за ним пулеметная команда. За первой тройкой устремляются остальные горные пехотинцы. Движение осуществляется ритмично и в полной гармонии благодаря интенсивной лыжной подготовке предыдущей недели. Скоро наши товарищи скрываются за скальным выступом. Подходит наша очередь.

Днем выпадает снег. Мы возвращаемся домой довольно рано. После ужина я заступаю в караул. Мне придется отстоять первые два часа ночи. Сильные порывы ветра наметают сугробы снега возле нашего домика. Внутри мерцает слабый свет, пробивающийся через неплотно сдвинутые занавески. Мои товарищи поют. Наш репертуар носит преимущественно южнотирольский характер, потому что большая часть нашей роты родом из этих мест. Их «национальный гимн» — песня радостного признания любви Южному Тиролю. В нашем батальоне она очень популярна.

Мир так широк, велик и полон солнечного света,
Но самое прекрасное в нем — мой родимый край.

В тесной комнате, отапливаемой большой изразцовой печью, солдаты тесно сгрудились за деревянными, отскобленными добела столами. Среди них и младшие офицеры. В их числе и командир нашей роты, гауптштурмфюрер СС фон Хартманн. Он постоянно заходит к нам в минуты досуга. Мы все безоговорочно уважаем его, и он, похоже, хорошо к нам относится. Гауптштурмфюрер строг и всегда тренирует нас буквально до изнеможения, но неизменно делает это так, чтобы мы получали удовольствие от исполнения долга. Фон Хартманн — красивый мужчина с породистой внешностью, темноволосый и по манерам настоящий баварский аристократ. Его мать, как мы полагаем, была родом из Венгрии. В чертах его лица читаются решимость, суровость и сила воли. У него раненая нога, и он вынужден ходить с тростью. Тем не менее наш ротный передвигается ловко и грациозно. Железный крест на левой стороне мундира подчеркивает его образ опытного, закаленного в боях солдата. Мы восхищаемся им и стараемся подражать ему во всех отношениях. По вечерам он приходит к нам с гитарой, и мы вместе разучиваем новые песни.

Когда меня сменяет другой караульный, я узнаю приятное известие: наш взводный приказал мне и еще трем солдатам завтра отправиться в деревню Кенигзее за продуктами. Получение такого приказа равносильно привилегии, это все равно, что удостоиться краткосрочной увольнительной. Съестные припасы

обычно доставляются нам на мулах, однако в сильные снегопады навьюченные тяжелыми корзинами животные не могут идти по глубокому, метровой толщины, снегу. Ведя почти монашескую жизнь, мы мечтаем о возможности хотя бы на несколько часов оказаться в деревне, которая способна предложить нам лишь самые невинные и скромные развлечения.

Кроме того, имелась и другая причина моей радости. Если мне посчастливится, то я увижусь в деревне с Кристиной. В своем последнем письме она сообщила о том, что, будучи руководителем группы в юнгмэдель, союзе немецких девушек, она получила назначение в одну из гостиниц Кенигзее. Здесь размещался лагерь отдыха для детей из городов, часто подвергавшихся бомбежкам противника. Название гостиницы мне было неизвестно.

На следующее утро снег прекратился. Наш взвод построился возле домика. В зимнем снаряжении мы смотрелись необычайно элегантно. На нас узкие брюки и белые куртки с черными эполетами и эмблемой горно-пехотных войск на правом рукаве. Это было изображение эдельвейса внутри черной овальной нашивки.

Несмотря на глубокий снег, мы сразу же устремились в направлении Йеннер Альм, альпийского пастбища, где содержались мулы. Первым туда спустился Штрикер, который позднее стал моим верным товарищем, вторым номером нашего пулеметного расчета. Это был сын крестьянина из Южного Тироля с копной рыжеватых волос. Он считался, пожалуй, одним из лучших лыжников нашего подразделения и самым опытным. Спуск с Йеннер Альм был уже менее крутым, и мы вскоре оказались на берегу озера. Мы встретились в деревне возле нашего продовольственного склада. Теперь у нас два часа свободного времени.

Деревня была засыпана недавно выпавшим снегом. Идя берегом озера, мы видели много гостиниц, превращенных в лагеря отдыха. Возле них сновали дети и их воспитатели в форме юнгмэдель. Я стал расспрашивать их, выясняя, знают ли они Кристину. Я уже почти потерял надежду встретить мою подругу, когда неожиданно столкнулся с ней лицом к лицу на деревенской улице.

— Привет, Кристина! — пришлось мне окликнуть ее, потому что она не сразу узнала меня. Мы расцеловались, и она спросила:

— Откуда ты здесь появился?

Я рассказал ей о себе, и она в ответ сообщила, что прибыла в горы всего неделю назад и в данный момент очень занята. Мне не оставалось ничего другого, как отправиться с ней до гостиницы,

где я познакомился с ее двумя подругами и начальницей, девушкой восемнадцати лет. Времени у нас не было, и мы успели лишь выпить по чашке кофе. Дети шумно бегали вокруг нас, и обстановка напомнила мне школу. Я с любопытством наблюдал за тем, как Кристина обращается со своими юными питомицами, строго, но в то же время ласково. Тем самым она открылась мне с неизвестной стороны, и я испытал к ней большую, чем раньше, симпатию и нежность.

Возвращаясь обратно, я чувствовал, что краткость нашей встречи не расстроила меня. Разве можно в наши дни ожидать от жизни большего? Разве это не счастливая случайность — наше неожиданное свидание в богом забытом уголке Германии? На складе мы набили рюкзаки свежей едой и в числе прочего особой баварской колбасой, входившей в наш высокогорный рацион. Когда мы отправились в обратный путь, я продолжал думать о девушках, которые вместе с Кристиной оказались так далеко от дома. Несмотря на жизнерадостность и обаяние, в них был мало истинно женственного. В их поведении и манерах читалась едва ли не мужская решительность, самоуверенность и какая-то простоватость, вызванная ответственностью, которая неожиданно легла на их хрупкие плечи в столь юном возрасте.

Я видел Кристину в последний раз. Через два месяца она написала мне, что ее переводят в другой лагерь, находящийся в далекой австрийской провинции Штирии.

Наша подготовка в условиях гор продолжалась еще несколько недель. Когда я вспоминаю то время, то понимаю, что наши инструкторы вели себя слаженно, как единая команда. Они хотели сделать из нас умелых, хорошо подготовленных солдат, способных выполнять боевые задачи небольшими отдельными группами и знающих, как выживать не только в боевых условиях, но и в суровой ледяной пустыне. Им хотелось, чтобы мы умели действовать на пересеченной местности энергично, осмотрительно и быстро. Таким образом, в нашей полевой, точнее горной, подготовке, делался особый акцент на физические нагрузки. Предполагалось, что мы научимся с доблестью выходить из сложных ситуаций там, где невозможно использовать тяжелое вооружение и бронетехнику.

Представление о войсках СС как о политически оболваненных фанатиках, послушных игрушках в руках опытных партийных кукловодов, тупых, нерассуждающих марионетках, исповедовавших национальную и расовую ненависть, крайне далеко от истины. Главной целью нашей боевой подготовки было умение побеждать в условиях современной войны. Мы все были добровольцами, которые страстно хотели овладеть

соответствующими навыками и умениями. Да, мы чувствовали свое отличие от других родов войск, но то же самое можно сказать и о танкистах, и о парашютистах.

В войсках СС офицеры не принадлежали к другим социальным классам, их выбирали из числа опытных солдат, проявивших в бою хорошие командные качества. К ним обращались только по званию, не употребляя слова «герр» перед фамилией, то же самое касалось и младших офицеров. Особого эсэсовского салюта не было — правую руку следовало поднимать не к головному убору, а лишь на уровень глаз. Салют отдавался достаточно формально и небрежно, чтобы избежать сходства с партийным приветствием. Некоторые наши правила резко контрастировали с правилами вермахта, например пайки были одинаковы и для рядовых, и для офицеров. Или замки на тумбочках в казармах. В вермахте они обязательны, и за открытую тумбочку там полагается три дня гауптвахты. В войсках СС все было по-другому. Сама мысль, что солдат может украсть что-то у своего товарища, была просто недопустима, это противоречило кодексу чести.

В казарму, расположенную в долине, рота вернулась в середине апреля. Спускаясь на другую сторону горного хребта, мы заметили неожиданный переход от зимы к весне, столь типичный для гор. На полпути вниз, в долину, снежный покров резко обрывался, растопленный жаркими лучами альпийского солнца. Ниже кромки снегов начинались зеленые луга с сотнями примул, горечавок и других уже распустившихся весенних цветов.

Во время пребывания в казарме наша рота раз в неделю отправлялась на стрельбище, которое находилось довольно далеко. Мы выходили из казармы на рассвете и шли по горам, протянувшимся между Зальцахом и Берхтесгаденом. Мы прибывали на место достаточно рано и будили жителей узких деревенских улочек нашей батальонной песней:

Мир так широк, велик и полон солнечного света…

Открывались зеленые ставни, и в окнах появлялись заспанные лица, провожавшие нас недоуменными взглядами. Наш командир, ехавший верхом, вежливо отдавал салют тем жителям, кто приветствовал нас.

Днем, на обратном пути, мы в очередной раз проходим через Берхтесгаден. Мы снова поем и стараемся всячески продемонстрировать свое прекрасное настроение. Выходя из восточной части города, выстраиваемся цепью. Снимаем головные уборы, закатываем рукава и медленно поднимаемся в гору по

извилистой тропе. Эти долгие марши также были частью нашей физической подготовки и отнимали немало сил, особенно в летнюю жару. Поэтому совсем скоро удивительная красота гор стала привычной, малозначащей и во время долгих переходов мы просто смотрели себе под ноги, мечтая о том, как бы поскорее поесть и отдохнуть, вытянувшись на койке.

Вскоре наш путь пролегает рядом с Бергхофом, что на горе Оберзальцберг. Мы надеемся, что перед нашими взглядами предстанет нечто важное, соответствующее духу этого места, однако резиденцию фюрера мы обошли по широкой дуге и поэтому увидели ее лишь издалека. Мы заметили вооруженную автоматами охрану в черных мундирах СС, касках и идеально начищенных сапогах. Вид у нее зловещий, внушающий ужас. Место, которое охраняют эти представители старой гвардии, является средоточием верховной власти Германии. Сюда приезжают для встреч на высшем уровне правители европейских государств, здесь фюрер отдыхает от дел государственной важности.

Помимо огневой подготовки мы также занимались подъемами на Унтерсберг, горный массив, возвышавшийся над Зальцбургом. Рано на рассвете мы отправлялись к деревушке, располагавшейся к югу от города. Тяжелое вооружение мы не брали и захватили с собой лишь винтовки. В деревушке нам приказали наполнить рюкзаки картофелем — припасами для нашего поста, расположенного на вершине горы. Каждый взял примерно по 15 килограммов. Вес немалый, если учесть, что высоту 1300 метров над уровнем моря нам придется преодолевать, двигаясь почти постоянно вверх. Горизонтальная часть маршрута составляла лишь два километра. Первую четверть пути мы шли нормально и достаточно бодро, однако далее груз за плечами стал казаться нам все тяжелее и тяжелее. Вторая четверть оказалась труднее, а подъем круче прежнего. Мы ожидали, что эта часть пути будет трудной. Наш ротный командир проехал вперед, затем спешился и повел коня, взяв его под уздцы. Он обратил внимание на одного из солдат, который задыхался от быстрой ходьбы и еле поспевал за товарищами. Он приблизился к нему и повел себя как настоящий мудрый наставник.

— Давай, солдат, не отставай! У тебя все получится! Давай, я немного понесу твою винтовку. Скоро я вернусь и посмотрю, как у тебя дела.

С этими словами он закинул на плечо его винтовку и дальше зашагал чуть быстрее нас, опираясь на трость и по-прежнему ведя за собой коня.

Вскоре мы прошли половину пути. Ординарец нашего ротного должен был вернуться к нам с лошадью и забрать с собой тех, кто, судя по всему, был не в состоянии идти дальше. Гордость мешала нам признаться в усталости, однако командир сам выбрал из нас тех, кто, по его мнению, не смог бы благополучно завершить восхождение.

Затем мы приступили к преодолению преграды. Сначала нам пришлось пройти пространство, щедро усыпанное щебнем, передвижение по которому, как нам казалось, отнимало последние остатки сил. После этого, прежде чем взять приступом вершину, мы немного передохнули, чтобы восстановить силы. Скала была относительно неплохо подготовлена для подъема. В некоторых местах в ее толще была вырублена тропинка. Немного выше начались неравномерные пролеты ступеней, гигантских ступеней, на которые было чрезвычайно трудно подняться с нашей пятнадцатикилограммовой поклажей за плечами и полной походной выкладкой. Приходилось подтягиваться, хватаясь за канаты, протянутые над этой импровизированной лестницей. Последний отрезок восхождения оказался для нас самым трудным испытанием. Мы все покрыты потом, судорожно хватаем ртом воздух, чертыхаемся и все же карабкаемся один за другим вверх по ступеням. Наконец, те, кто идут впереди меня, скрываются из вида. Еще пара ступеней — и цель будет достигнута!

Делаю последнее усилие и оказываюсь на вершине — площадке, плоской как крыша дома. Увидев какое-то строение, расположенное в сотне метров от меня, чувствую, что теряю сознание. Колени начинают подкашиваться, небо надо мной становится ближе и раскачивается. Я падаю. Мое беспамятство длилось считаные секунды. Это приступ горной болезни, который, впрочем, не лишает меня радости от покорения вершины. Хозяйка дома, расположенного неподалеку, благодарит за принесенный картофель и радушно угощает нас обедом.

Через два часа отправляемся обратно. Спуск происходит по другому, значительно облегченному маршруту. Добираемся до леса и сворачиваем на самый прямой и короткий путь вниз. Вешаем на шею ремни винтовок, кладем руки на ствол и приклад. Так идти гораздо легче. Кроме того, мы избавились от картофеля. Срезаем углы вьющейся серпантином тропы и вскоре оказываемся в деревушке. Путь занял у нас не более получаса. Мы устали, но смеемся над тем, что у нас дрожат от напряжения колени.

На этом закончилась наша альпинистская подготовка. У нас еще остается время и силы, позволяющие совершить поездку в Зальцбург. Прогулки по улицам этого удивительного города и

посещение концертов прекрасно скрасили период моей военной подготовки в окрестностях Зальцбурга и Берхтесгадена.

Вскоре наша учебная рота получила задание, существенно отличавшееся от нашей обычной программы. Мы должны были целую неделю охранять трудовой лагерь, в котором содержалось примерно пятьдесят заключенных. Двум охранникам следовало обходить его территорию по периметру два часа подряд, после чего их сменяла новая пара. Это была монотонная утомительная обязанность, которую мы выполняли без особого рвения, считая ее ниже своего достоинства. Внутри лагеря находилось несколько бараков, обитатели которых спали на дощатых нарах. Военная дисциплина, отличавшая управление лагерем, насколько мы понимали, соответствовала той аккуратности и чистоте, которая поддерживалась в этом исправительном учреждении. Все заключенные, кроме больных, отправлялись на работу рано утром и возвращались только к ужину.

Лагерная кухня, крошечное строение с полевой кухней под навесом, находилась в углу территории и непосредственно примыкала к забору. Повар работал там целый день. Это был огромный мужчина средних лет с мускулистой грудью и руками. В теплую погоду он ходил голый по пояс. Его торс, так же и лысая голова были покрыты загаром. Я наблюдал за тем, как он неторопливо и в то же время ловко выполняет свою работу: колет дрова, разводит огонь в печи, готовит пищу, моет посуду, чистит кухонную утварь. Приготовляя рагу, он часто нарезал большие куски мяса, что было удивительно в годы строгого распределения продуктов. По всей видимости, он не обращал на меня внимания. Я также старался ничем не показать, что он вызвал у меня интерес, но однажды, в день моего последнего караула, повар обратился ко мне, не отрываясь от своей работы:

— Сегодня у тебя здесь последний день, верно?

— Да, верно. Откуда вы знаете? — удивленно ответил я.

Повар оставил мой вопрос без ответа и продолжил:

— Тебе ведь не нравится здешняя служба, я угадал? Я знаю, что никому из вас, парней, она не по нраву. Вы ждете отправки на фронт, только об этом и мечтаете. Поверь мне, здесь намного лучше, чем на передовой. Когда-нибудь ты еще вспомнишь мои слова и это место покажется тебе райским уголком.

Я ничего не сказал на его слова, но не удержался от вопроса, который давно занимал меня:

— А как вы оказались здесь?

— Я коммунист, враг народа! — насмешливо фыркнул повар. — Меня взяли в первый день войны и не отпустят отсюда до ее окончания. Думаю, что когда-нибудь она все-таки

закончится.

Я почувствовал уважение к нему, меня подкупила его честность.

— Жаль. Вы могли бы быть хорошим солдатом.

Повар усмехнулся и, взявшись обеими руками за огромную ложку, помешал варившееся в котле рагу.

— Есть хочешь? — неожиданно спросил он меня. — Ты ведь голоден, да?

— Вообще-то не очень, — солгал я.

— Не отказывайся. Вы, парни, всегда голодны, — сказал он и, не дожидаясь моего ответа, наложил полную тарелку рагу и протянул ее мне через забор. — Хотя бы попробуй, это неплохая стряпня.

Я инстинктивно взял тарелку. Это был простой дружеский жест. Может быть, я и не заслуживал его, но за ним не стояло никакого расчета. Как я мог отказаться? Я был не настолько глуп, чтобы не понимать этого. И все же меня что-то смущало. Я изо всех сил постарался не выдать моих истинных чувств. Рагу, кстати сказать, имело прекрасный вкус и оказалось удивительно сытным.

Через довольно короткое время солдат из нашей учебной роты отправили в Финляндию. Меня же оставили на курсах младшего офицерского состава в Торренер Йох. Из нас готовили командиров пулеметного взвода. Помимо этого мы довольно долго занимались альпинистской подготовкой.

Когда мы вернулись в долину, уже наступила осень. На моих эполетах теперь красовался тонкий серебряный галун. Скоро я окажусь на фронте. Мне очень хотелось знать, в какую дивизию я попаду. Я знал, что на Балканах воюет 7-я горно-пехотная дивизия войск СС. Однако я предполагал, что, скорее всего, меня отправят в часть, воюющую в Заполярье. Это место по-прежнему оставалось для меня загадкой, романтичным и далеким краем. Однако то, что я слышал от Вольфа и Филиппа, вызывало у меня самое теплое отношение к Финляндии и ее народу.

Я снова возобновил поездки в Зальцбург, где с большим удовольствием бывал на театральных и оперных постановках. Когда в воскресенье вечером я вернулся в казарму, в моем воображении все еще продолжала звучать восхитительная музыка Пуччини из оперы «Мадам Баттерфляй». Я в очередной раз испытывал радость о того, что побывал в самом центре европейской культурной жизни. Однако она омрачалась тем, что я понимал, что этому счастливому времени скоро настанет конец. Когда я проходил через караульную комнату, дежурный унтер-офицер окликнул меня и сообщил:

— Завтра в шесть утра вы отправляетесь в Финляндию.

Взгляд в бездну

Поезд заметно сбавил скорость и вскоре остановился. Жидкий утренний свет сочился в щели нашего вагона. В нем было трудно различить фигуры солдат, спавших на застеленном соломой полу. В полусне мне вспоминаются эпизоды нашего путешествия на север. На закате первого дня мы добрались до Вены. Я никогда там не был, однако название этого города навевает образы прекрасных зданий и памятников, широких проспектов и изумительной красоты парков — символов великолепия и богатства австрийской столицы. Вместо этого мы увидели лишь какие-то задворки на окраине, неопрятные и совершенно безликие. Сразу после Вены скорость нашего поезда существенно уменьшилась. Мы стали надолго задерживаться на каких-то крошечных полустанках и запасных путях. Поезд проехал по горам протектората Богемии и Моравии (оккупированной Чехословакии) и оказался в промышленных районах Верхней Силезии. Утром третьего дня мы добрались до равнин западной части генерал-губернаторства (Польши).

В вагоне я знаю лишь трех-четырех солдат из нашей учебной роты, с которыми провел вместе три последних месяца. Остальные — из учебной роты более позднего призыва, чем наш. С радостью узнаю о том, что фон Хартманн едет в этом же поезде. Согласно последним слухам, он упросил начальство перевести его в старую дивизию, где служил раньше. Говорят, что наш ротный по-прежнему ходит с тростью.

Встаю и осторожно перешагиваю через спящих товарищей. Приоткрываю дверь и вылезаю наружу. Поезд стоит между двумя полустанками. Локомотив с шипением выпускает пар. Окружающее пространство выглядит совершенно невзрачно. Впереди вдоль путей двигаются какие-то тени, скорее всего, железнодорожные рабочие.

Я успеваю справить нужду, и вскоре поезд приходит в движение. Несколько моих попутчиков уже на ходу заскакивают в вагоны. Я остаюсь у двери, рядом со мной несколько моих товарищей, которые хотят узнать о причинах задержки эшелона. Тени, которые я заметил с дальнего расстояния, постепенно обретают четкость. Теперь мы видим группу из двадцати или тридцати человек в гражданской одежде, сильно оборванных, охраняемых солдатами в шинелях войск СС. Последние вооружены винтовками, небрежно положенными на сгиб локтя правой руки.

После того как поезд проползает по ремонтируемому участку

пути, мне удается разглядеть лица пленных. Я испытываю ужас. Огромные запавшие глаза, испуганные взгляды, мучнисто-бледные голодные лица. У большинства к курткам пришиты желтые шестиугольники звезды Давида. Евреи. Вздрагиваю от их робких призывов:

— Герр солдат, умоляю, дайте кусок хлеба!

Они вскидывают костлявые руки с огромными кистями. Это человеческие существа на крайней стадии унижения.

Когда наш вагон проезжает мимо несчастных евреев, мы, стоящие у двери, хотим поделиться с ними чем-нибудь, однако дать им нечего, последние дни мы сами жили впроголодь. Вижу, как из соседнего вагона вылетает половина буханки хлеба. Какой-то еврейский юноша ловит ее и тут же прячет под куртку.

Поезд снова останавливается, и мы с расстояния наблюдаем за происходящим. Охранник вытаскивает из строя юношу и приказывает ему отдать хлеб. Тот отказывается повиноваться. Тогда охранник вырывает его у него и отбрасывает в сторону. Юноша бросается за хлебом. Раздается резкий крик:

— Стоять!

Мы знаем, что за такой предупредительной командой должен последовать выстрел. Охранник красноречивым движением винтовки подчеркивает свой приказ. Затем ударяет лежащего юношу ногой и прикладом винтовки. Зрелище невыносимое. Слышу доносящиеся из ближних вагонов негодующие крики и даже угрозы. Дальше все происходит очень быстро. Из пассажирского вагона нашего состава выскакивают два офицера, которые решительным шагом направляются к охраннику. Один из них фон Хартманн. За ним следует второй, незнакомый мне офицер, он моложе нашего ротного. Приблизившись к охраннику, фон Хартманн громко кричит:

— Немедленно прекратить. Я приказываю! Оставьте его!

Охранник разворачивается. Ствол его винтовки теперь нацелен на двух офицеров. Молодой офицер, на шаг отстающий от своего старшего коллеги, выхватывает пистолет. В следующую секунду винтовка опускается, а пистолет возвращается обратно в кобуру. Фон Хартманн отдает приказ, который мне не удалось разобрать. Юный пленник подходит к нашим офицерам, которые явно берут его под свою защиту. Ему жестами предлагают направиться впереди них к нашему поезду. Фон Хартманн немного прихрамывает, но идет быстро и изящно. Перед грузовым вагоном, прицепленным к их пассажирскому вагону, они передают пленного унтер-офицеру, который заводит его внутрь. Поезд трогается и медленно набирает скорость.

Мы закрываем дверь и начинаем уборку в вагоне. Те, кто был

свидетелями недавней сцены, рассказывают остальным товарищам о случившемся. Мы все довольны вмешательством наших офицеров. Один из солдат высказывает предположение, что юного пленника покормят на следующей станции, где мы будем завтракать. Этот случай произвел на меня глубокое впечатление. Хотя порядок был в конечном итоге установлен, на душе у меня все равно остался мутный осадок.

Вечером мы прибыли в Данциг. Подъезжая к нему, я размышлял о судьбе этого города. Шесть лет назад, в 1937 году я уже был в нем вместе с Ником. Это была четырехнедельная экскурсия местной организации юнгфолька по Восточной Пруссии. Этот независимый немецкий город находился посредине так называемого данцигского коридора, контролируемого поляками и искусственно созданного Антантой по Версальскому договору. Летом 1937 года там было много туристических групп юнгфолька. Мы все встретились в конечном итоге в Данциге, где вечером устроили факельное шествие. Это было грандиозное зрелище. После этого Данциг остался в моей памяти как место с удивительно красивыми домами и залитой солнечным светом морской водой в порту.

Сейчас же город лежит во тьме — идет война. Огромный корабль покачивается на волнах у пристани.

Ждем погрузки на него. Мы проведем ночь на этом корабле. Неожиданно из темноты появляется фон Хартманн вместе с унтер-офицером, охранявшим нашего пленника. Увидев нас, он спрашивает:

— Как самочувствие, юные герои? Ждете путешествия по Балтийскому морю?

Я случайно оказался с ним лицом к лицу. Ловлю его взгляд.

— Мы отлично себя чувствуем, — ответил я. — Смею присовокупить, мы были обрадованы вашим вмешательством в утреннее происшествие.

Лицо фон Хартманна принимает строгое выражение. Судя по его глазам, он оценил мой намек.

— Это было серьезное нарушение дисциплины, — отвечает он. — В подобных случаях необходимо на месте устранять подобные проступки и восстанавливать порядок.

Он отходит от нас и приближается к другой группе моих спутников.

Мы интересуемся у унтер-офицера судьбой еврейского юноши.

— Все в порядке, — сообщает нам тот. — Шеф составил рапорт о случившемся и лично передал его властям на одной из станций. Они все правильно поняли.

Фон Хартманн проследил за тем, чтобы парня отправили обратно в его трудовой лагерь.

Вышеупомянутое происшествие стало моим первым опытом соприкосновения с темной стороной Третьего рейха — злобной и бесчеловечной. Я увидел конкретный пример преследований евреев и понял, как поступают с теми, кого считают врагами народа и отбросами общества. Однако в то время я еще не мог до конца разобраться в своем личном отношении к этому. Да, мы знали о творящемся тогда произволе и считали, что после войны ему будет положен конец, однако полагали, что прежде всего должны одержать победу. Как-то раз мне вспомнилась история, рассказанная матерью. Это случилось давно, когда она была маленькой девочкой. Прямо на глазах у прохожих она ударила зонтиком кучера, который жестоко хлестал кнутом лошадь. Несчастное животное упало на землю и тщетно пыталось подняться.

— Все правильно, — сказал я себя, когда вспомнил случившееся с юношей-евреем. Фон Хартманн был прав, и его поступок получил одобрение со стороны окружающих.

То, что раньше представлялось мне смутным чувством, теперь приняло четкие очертания. Я понял, что в то утро впервые заглянул в бездну зла.

Ничейная земля

Я записываю мои воспоминания о прошлом, все еще находясь в лагере для военнопленных в Ромильи. Весь день и я, и мои соседи заняты работой: Петер помогает дантисту-американцу, Вальтер помогает начальнику склада, я работаю переводчиком в госпитальной клетке и в последнее время даже в участке военной полиции, расположенном в городе. Оказываю содействие американцам при общении с французами. Мне приходится общаться с врачами, американскими военнослужащими, немецкими военнопленными, читать «Старз энд страйпс» и до известной степени наблюдать за образом жизни и нравами армии США.

Мир, в котором я живу в течение дня, определяется фундаментальными истинами, возникшими в результате исхода войны, они не оспариваются даже в среде немецких пленных. Главная истина, по мнению американцев, заключается в том, что война против Германии была крестовым походом на силы зла, воплощавшиеся в «Гитлере и его подручных» и особенно СС.

Однако по ночам, когда я сажусь за свои записки, я оказываюсь в другом мире, где существуют свои истины, возникшие в тот период, когда исход войны имел все еще неопределенный характер, а силы зла олицетворяла большевистская Россия. Требуется некоторая сила духа для перехода из одного мира в другой, и мне никак не удается избавиться от сомнений относительно того, стоит ли забыть прошлое, потому что оно закончилось великой катастрофой. Разве не это является убедительным доказательством ложности всех наших прежних истин?

Есть и еще одно неутолимое сомнение: неужели я отказываюсь от самого себя, скрывая свою истинную сущность, сущность человека, добровольно поступившего на службу в войска СС? Правильно я поступаю? Не предаю ли я себя? Неужели я уже ступил на ничейную землю человеческой морали?

Как мне хочется, чтобы рядом со мной был тот, с кем можно было бы обсудить мои сомнения; человек моего возраста и придерживающийся таких же взглядов, с кем я мог бы говорить доверительно и честно. Размышляя над своим прошлым и нынешним затруднительным положением, чувствую свое одиночество во враждебном окружении, ощущаю свою уязвимость перед возможными ударами судьбы. Поэтому я иногда веду монологи с моим альтер эго, моим вторым «я». Порой они принимают довольно сложный и изощренный характер.

— Вот ты и остался наедине с собой и пытаешься найти в неизвестном тебе окружении какую-нибудь идею приличной будущей жизни. Если ты не готов скрыться на земле праведной, то куда же ты тогда собираешься попасть и кто будет твоим пастырем?

Мне трудно найти путь в новых условиях, где факты и жизненные ценности окружены неуверенностью и сомнениями, но я надеюсь, что моя интуиция меня не подведет. Я должен положиться на старый дух.

— И что же, мой дорогой Фосс, такое этот «старый дух» и что он тебе теперь подсказывает? Придерживаться прежних ценностей? Несмотря на эти страшные откровения? Или он советует жалеть себя до конца своих дней? Не слишком ли ты молод для этого?

— Нет, об этом даже не стоит и думать. Это не слепая верность солдатскому долгу, но и не абсолютная клятва отречения и не основные духовные ценности… И не стоит предаваться жалости к самому себе. То, что все еще имеет ценность, это верность своей родной стране. Нужно и дальше служить ей. Я приложу к тому все мыслимые в таких обстоятельствах усилия. Разве тем самым я отрекусь от самого себя, прежнего себя?

— Нет, конечно же, нет. Обычно это звучит убедительно, но нужно помнить о том, куда служба привела тебя и твою страну. Кто сегодня посмеет сказать, что ты и старый дух хорошо послужили твоей стране?

— Только не нужно путать нас и наш прежний политический режим!

— Все верно, катастрофу вызвала не твоя служба, но она была с ней связана, разве не так?

— Это может прозвучать не слишком убедительно, никто не станет спорить с тем, что это касается любой военной службы, если вы согласны с тем утверждением, что любая война изначально является катастрофой.

— И все-таки ты сказал, «продолжай служить». Прежде всего, никакого продолжения не последует. Если все повторится, то мы все равно начнем все с нуля.

— Как бы то ни было, ведь мы продолжаем существовать, те, кто остался в живых. Осталась и страна, которая продолжает свое мучительное существование, — наша страна.

— Все верно. Но как, по-твоему, это происходит в действительности? Твоя страна будет — должна быть — неким подобием организованного сообщества и в основном правила этого сообщества не должны противоречить твоему прежнему «я».

Возможно, это будет страна, которой ты не захочешь служить. Не забывай о том, что ты изгой, и, если судить по газетам, это будет совсем новая страна, которая будет считать тебя таковым. Ты все еще предан старому духу? Неужели для этого не нужно перейти границу?

— Посмотрим, какую часть старого духа можно спасти. Во всяком случае, это не будет противоречить той ответственности, какую ты несешь перед своей страной. Уверен, что возникнут новые причины, ради которых стоит предпринимать усилия. Когда настанет время, мне придется сделать выбор. Нам ведь и раньше приходилось принимать решения, верно? Кроме того, я думаю о том скромном неприметном служении, которое раньше было для нас естественным делом. Ладно, давай на время оставим подобные размышления.

Споры с моими товарищами проходили совсем по-другому. Они носят более абстрактный, более философский характер (в нашем возрасте нам троим следовало бы учиться в университете) и, конечно, начинаются с новых истин. Однако они помогают мне определиться с жизненной позицией. В последнее воскресенье Петер, Вальтер и я затеяли подобный спор, когда мы с Петером вернулись от капеллана, который учит нас греческому языку.

Вальтер — австриец, или, точнее, уроженец Вены — высокий, изнуренный юноша с орлиным носом и глубоко посаженными темными глазами. При первом взгляде на него сразу же возникает сравнение с Паганини. Его призвали в армию прямо со школьной скамьи. Он отличался острым аналитическим умом и был самым эрудированным из нас. Петер абсолютно другой. Он родом из Гамбурга, блондин с голубыми глазами, крепкий и сильный. В отличие от Вальтера он неисправимый оптимист.

Когда мы с Петером вернулись в нашу палатку, Вальтер встретил нас обычным саркастическим замечанием:

— Ученики вернулись! Удовлетворили свои амбиции? Похоже, ваш славный учитель снова гонял вас по греческому алфавиту.

Вальтер лежит на койке, закинув руки за голову. Не поворачивая головы, он продолжает:

— Интересно, что вы надеетесь получить от изучения греческого языка? Поверьте мне, пользы от этого будет ни на грош. По крайней мере, мне он нисколько не пригодился. Напротив, мое образование помешало мне изучить английский. Разве я обязан своему карьерному росту по службе в этой клетке греческому языку? Вряд ли. Понадобился ли мне он в армии? Напротив, я быстро научился скрывать, что знаю этот язык и что когда-то учился в гимназии.

— Что касается меня, то я делаю это осознанно по одной конкретной причине, — парирует Петер. — Я хочу знать корни медицинских терминов, имеющих греческое происхождение. Уверен, что мне это пригодится, когда я буду учиться в университете.

— Может, и так. А ты, Иоганн? Тоже интересуешься происхождением слов?

— Вообще-то нет, хотя чего тут гадать, нужно же чем-то занимать мозг, — отвечаю я, не желая втягиваться в ненужную дискуссию.

— Что? — взорвался Вальтер. — Занимать мозг? Мой дорогой Иоганн, лично я не знаю, как разгрузить мой мозг от массы проблем, которые беспокоят меня.

Ты можешь объяснить мне, например, почему я оказался в этой клетке, несмотря на то, что всегда старался держаться подальше от всего этого дерьма? Как все это произошло? Теперь меня занимают только такие вопросы, занимают мой разум день и ночь.

— Не думай об этом, Вальтер, только тебя одного беспокоят подобные вопросы, — ответил я. — Поскольку в отличие от нас ты знаешь греческий язык, то решению твоих проблем могли бы помочь античные философы.

— Ты имеешь в виду кого-то конкретно?

— Мне на ум приходит «Государство» Платона, мы с капелланом недавно разговаривали об этом произведении. Я плохо знаю его содержание, но, насколько я понимаю, в нем ты мог бы найти ответы на мучающие тебя вопросы. Разве этот философ не был современником войн? Разве он не знал из личного опыта, что индивид не может существовать вне общества и, в свою очередь, индивид несет определенные обязательства перед государством и обязан ему жизнью? Я думаю, что это и есть ответ на твой вопрос. Кстати, это сильный аргумент в пользу того, стоит ли изучать греческий.

— Все это древность, давно превратившаяся в прах, — страстно отозвался Вальтер, привставая с койки. — Идея о том, что индивид подчиняется государству, — корень зла в истории человечества. То же самое касается и церкви. Дело всякий раз заканчивалось подавлением человека правящим классом во имя высших интересов общества. Эпоха Просвещения поставила разум на место церкви, Французская революция восстановила естественную свободу личности, свободу от власти государства. Но все оказалось тщетно! Старые порядки возвращались или брали верх над новыми. Невероятно, но факт. Если бы государство лишь гарантировало человеку возможность

соблюдать свои собственные интересы, то все было бы прекрасно. Тогда воцарилась бы гармония, принесенная незримой рукой разума. Ты когда-нибудь слышал о ней? Это — мудрость современной эпохи. «Государство» Платона давно мертво, мой дорогой Иоганн.

Вальтер поднялся, сел на койку Петера, стоявшую рядом с моей койкой, и приготовился к продолжению спора.

— Я не специалист в этой теме. Я не знаю, умерли ли для философии идеи «Государства» Платона, — ответил я. — Но я точно знаю, что они продолжают жить в реальном мире. Они постоянно реализуются в политике национальных государств и их бесконечном соперничестве. В последние десятилетия то же самое касается и таких агрессивных организаций, как Коминтерн. Вопрос заключается в другом: как завоевать господство в мире, в котором неразрешимые споры решаются в ходе войн? Свобода индивида — это прекрасно в условиях мира. Но нельзя господствовать, нельзя воевать или готовиться к войне на основе философии индивидуализма. Если все стремятся к соблюдению лишь своих личных интересов, то перестает существовать и государство, и нация. И то, и другое умирает в реальном мире. Индивидуальной свободой можно пользоваться лишь в рамках организованного сообщества. Слава богу, что существуют люди, которые понимают, что есть духовные ценности, простирающиеся дальше человеческого «я» и достойные того, чтобы ради них можно было бы пожертвовать чьей-то бесценной индивидуальностью.

— Ты никогда ничему не научишься, — отозвался Вальтер. — Если бы не такие, как ты, всегда готовые пожертвовать собой ради так называемого общего блага, то такие, как Гитлер и Сталин, никогда не смогли выполнить задуманное. «Человек ничто, коллектив все», так, что ли? Нас ведь так учили в годы Третьего рейха? Это философия всех тоталитарных систем, которые зависят от таких, как ты. Зло коренится в идеалистах. Избавь нас Бог от праведников, патриотов и благодетелей!

Это был не первый вызов, брошенный Вальтером, однако на этот раз он безошибочно серьезен. Его глаза возбужденно блестели, он явно ждал моего ответа.

— Ты говоришь чушь, Вальтер. Дело не в философии или тоталитарных системах. Это верно в отношении всех государств. Ни Черчилль, ни Рузвельт не смогли бы вести войну без подавления личных свобод. Они были вынуждены полагаться на идеалистов, к которым я себя с радостью причисляю. Боюсь, что индивидуалисты давно бы проиграли войну, хотя проигрыша они вряд ли желали. В индивидуализме я не вижу ни доблести, ни

разума. В мире, в котором мы живем, индивидуализм сводится лишь к голому себялюбию.

Повернувшись к Петеру, я спросил:

— А что думает на этот счет наш уважаемый медик?

— Поскольку я происхожу из протестантской семьи, то должен возразить вашим, Иоганн и Вальтер, точкам зрения, — начал Петер. — Я не знаю, что нужно делать с государством, общим благом, незримой рукой разума, либерализмом и всем прочим. Любой христианин просто хочет помогать своим ближним. Главный принцип для него — «возлюби ближнего своего». Это предполагает жертвенность. Ущемление собственных интересов и свобод. Это вполне естественно. Да, ради достижения целей, не касающихся тебя лично, чем-то приходится жертвовать. Но скорее во имя Господа, чем во имя людей. И все-таки должна существовать свобода личности, свобода поступать по-христиански. Пока ты осознаешь это — я имею в виду служение Богу, — ты гарантирован от жертв во имя зла и защищен от себялюбия. По-моему, это просто, — с улыбкой заключил он.

— Да, это просто, — повторил Вальтер. — Можно мне перечислить все то зло, что творилось во имя христианства? Не надо? Хорошо, не буду. Нет никаких гарантий от жестокостей, пока человек продолжает действовать во имя каких-то высших властей. Сначала подчинение. Затем преданность и рабская покорность, фанатизм, инквизиция, тайная полиция и в конечном итоге рабство и смерть тем, кто осмеливается оказывать сопротивление. Человечество проходило все это. Так что не надо нам больше альтруизма, христианского или национального, не надо идеалистов, потому что это элементы коллективизма, который является главным в мире злом. Угрозой личной свободе. Ведь именно по этой причине я и нахожусь здесь.

— Это софизм, Вальтер! — запротестовал Петер. — Этими утверждениями ты все равно не перевернешь основополагающие постулаты христианства. Мне совершенно ясно, что естественное достоинство человека состоит в желании служить делу, которое намного крупнее и величественнее его ничтожного «я». Конечно, оно должно быть защищено от преследований, и прежде всего нужно гарантировать свободу совести.

— Я тоже возражаю против твоей точки зрения, Вальтер, — произнес я. — Перечисленная тобой цепочка событий не была предопределена заранее, да они и никак не связаны с альтруизмом и идеализмом.

Всегда существует много других сопутствующих факторов, которые раскачиваются от слабости к силе, и таким образом возможен любой результат, как очевидный, так и непостижимый.

Я просто не могу согласиться с точкой зрения, утверждающей, будто при национал-социализме всем немцам с самого начала было понятно, чем закончится правление этого режима. Могло произойти все, что угодно, мог наступить мир после присоединения Австрии к рейху и даже после военной кампании в Польше и во Франции. Однако один урок ясен: больше никогда не должно быть какой-либо общественной власти без активного народного контроля.

Записывая подробности нашего спора, я понял точку зрения Петера. Необходимо некое разумное сочетание альтруизма и индивидуализма для борьбы с эгоизмом и коллективизмом. Ядро индивидуальной свободы должно быть сохранено при любых обстоятельствах, даже в войну. Кроме того, в будущем не должно быть места безоговорочному, слепому выполнению долга. Я думаю, что именно этот урок нам следует извлечь из того, что мы пережили и испытали.

Возможно, что, отчасти из-за интеллектуального голода и отчасти из-за желания оказаться в более приличных условиях, мне неожиданно захотелось побывать в Харденбурге, в бабушкиной библиотеке, и снять с полки «Государство» Платона и перелистать страницы книг философов эпохи Просвещения.

Шестьдесят шестая параллель

Перед нами стоит посыльный. Мы не сразу заметили его в сумерках, опускавшихся над заснеженным лесом. Неподвижная белая фигура кажется частью зимнего ландшафта. Он стоит, прислонившись к ели. На нем маскировочный халат, накинутый на теплую куртку. На каску натянут капюшон. Правая рука покоится на стволе перекинутого через плечо автомата, который он держит параллельно земле. Даже теперь, когда он оттолкнулся от ствола ели, его лицо все так же плохо различимо. Лишь глаза поблескивают из-под края каски, когда он оглядывает нашу малочисленную группу.

Мы собрались на тропе, ведущей к линии фронта. Я начал докладывать: имя, звание и назначение. Посыльный жестом попросил меня говорить тише. Сам он тихим голосом поприветствовал нас и поздоровался со мной и моими четырьмя спутниками за руку. Я должен был вместе с ними отправиться на передовую, однако до этого моих спутников следовало определить на огневую позицию мунго, которая располагалась неподалеку. Наш новый знакомый указал куда-то вправо, где тропинка исчезала между стеной берез и елей у подножия высокого холма. Так я впервые услышал слово мунго, означавшее «миномет».

Пока мы собирали снаряжение, кто-то из солдат нашей группы случайно ударил прикладом винтовки о металлическую коробку противогаза. Посыльный быстро шагнул к нему, снял у него со спины винтовку и повесил ее на правое плечо солдата так, чтобы она стволом смотрела на землю. Я понял, что русские находятся совсем близко и могут услышать нас. Впервые за этот день я обратил внимание на то, как тихо вокруг. Замерзшая тишина показалась мне характерной для самой сути этой необычной пустынной местности. Посыльный молча указал нашей группе на тропу, и мы цепью двинулись в указанном направлении.

— Вон там, — сказал он, сопроводив жест кивком, — проходит линия фронта.

Я увидел лишь заснеженный холм с редкими деревьями, неподвижный и темный в опускающихся сумерках.

Огневая позиция минометного взвода была практически невидима. Лишь оказавшись перед глубокой бороздой, прокопанной в снегу, я заметил тщательно замаскированный вход в блиндаж. Посыльный и мои четыре спутника тут же нырнули в него. Я остался на какое-то время снаружи.

Мы привели с собой несколько мулов. Из тыла на передовую нам пришлось идти примерно два часа. Наши тягловые животные негромко фыркали. Навьюченные на них корзины со снаряжением поскрипывали и покачивались в такт размеренному шагу. Проходит несколько минут, и я впадаю в едва ли не гипнотический транс, охваченный монотонным мотивом песни, которую услышал в финском порте Оулу.

В Оулу мы сошли на берег,
Мечты свои в глубоком море утопив…

Песня самая простая, обычный романтический вздор, и выражает настроение тех, кто увидел себя вопреки всем страстным надеждам изгнанным в «глубокую задницу мира», в этот далекий заполярный край. Последний километр пути мы проделали пешком. Погонщики мулов остались, чтобы вернуться обратно на своих двоих, и подробно рассказали нам, как добираться дальше и в каком месте нас встретят.

Теперь, стоя перед входом в блиндаж в сгущающихся сумерках, я чувствовал, что еще не добрался до места. По крайне мере, так мне казалось. Это было сродни пребыванию между прошлым и будущим существованием. Я заметил этот контраст еще неделю назад, когда мы находились в море и следили за тем, как в ночи исчезает побережье Восточной Пруссии. Здесь, в Данциге, я был шесть лет назад вместе с Ником и остальными ребятами из нашей туристической группы. Мы отдыхали на пляже Пальмникена. Я нырял в море в поисках янтаря, нырял раз за разом и выбрасывал на берег, на жаркий песок, найденные кусочки, гордый и довольный. Покидая эти места на борту военного корабля, я понимал, что радостное время осталось в прошлом. Пришло время службы и исполнения долга. Мне казалось, что я навсегда оставляю на берегу какого-то давнего хорошего знакомого.

По пути на фронт мне запомнились странные эпизоды. Когда наш корабль маневрировал в водах какого-то архипелага близ Турку, мы с любопытством разглядывали с палубы многочисленные островки с красными домиками. Затем мы прибыли в порт Оулу. Все это было прелюдией к моей новой жизни.

В Оулу мы получили новое военное снаряжение, в том числе и зимнее обмундирование. Наша база находилась в лесу на окраине этого маленького города и состояла из деревянных одноэтажных строений. В воздухе стоял запах дыма от костров. Земля была присыпана первым снегом ранней зимы. В ожидании

транспорта мы по вечерам собирались в столовой, где ели, пили и пели песни. Иногда к нам присоединялись ветераны из 6-го батальона нашей мотопехотной дивизии, находившегося здесь в резерве. (В отличие от горно-пехотных дивизий вермахта или других горно-пехотных дивизий войск СС, горная дивизия СС «Норд» сохранила до конца войны этот «дополнительный» стрелковый батальон. В конце 1944 года он был переименован в 506-й панцер-гренадерский батальон СС. — Прим. автора.) На третье утро нашего пребывания на базе я увидел первое пополнение, отправлявшееся на фронт. Это была группа решительно настроенных молодых добровольцев. Шанс попасть на передовую вместе с ними был крайне мал, на это никто из нашей учебной роты практически не мог рассчитывать. Прощальные слова, бодрые улыбки — и транспорт быстро исчезает в снежной пелене.

— Сигарету хочешь? — слышу я чей-то голос и оборачиваюсь. Передо мной встретивший нас солдат, бесшумно вышедший из блиндажа. Из мира грез я возвращаюсь в реальный мир.

— Спасибо! — благодарю я и даю ему прикурить, ладонью прикрывая огонь спички. Впервые за все это время у меня появляется возможность разглядеть его вблизи. У посыльного приятное, чисто выбритое молодое лицо и светлые волосы. Он всего на два-три года старше меня, но выглядит опытным, закаленным в боях солдатом. Его куртка расстегнута, и я замечаю ленточку Железного креста.

— Добро пожаловать в нашу часть! — понизив голос, произносит он. — Ты поступаешь в 14-ю пулеметную роту нашего батальона. Пулеметный расчет, в который я тебе отведу, находится в секторе другого горно-пехотного полка нашей дивизии. Там до Ивана рукой подать, метров сто пятьдесят. А вон там находится командный пункт нашей роты, — продолжает он и указывает в направлении, противоположном минометной огневой позиции. — Шеф хочет встретиться с тобой завтра утром. Я тебя отведу к нему. — Повернувшись, посыльный указывает налево. — Вон там озеро. Там же заканчивается участок нашего полка. На другой стороне озера начинаются позиции соседнего полка. Они тянутся далеко на север и упираются в болота и озера. Там всего несколько опорных пунктов. Это наш северный фланг. Справа проходит дорога, она ведет в Лоухи. Мы называем ее просто Дорога. Там располагаются остальные подразделения нашего полка.

Я понимающе киваю, хотя мне пока еще не все понятно. Я практически ничего не понял. Единственное, что я уяснил для себя — это то, что позиции дивизии хорошо замаскированы и

находятся где-то рядом.

— Скоро ты во всем разберешься и запомнишь, где что расположено, — сообщает мне мой собеседник. — Пошли. И помни, двигаться нужно тихо! Тут у Иванов повсюду понатыкано снайперов, они отлично стреляют даже в темноте. — С этими словами он идет по тропинке, ведущей к вершине холма.

Неожиданно слышу пистолетный выстрел. В следующую секунду в небо с шипением взлетает сигнальная ракета, ярко осветив окружающую местность. На снег падают четкие черные тени берез и елей. Мы с моим провожатым застываем на месте, он — движимый опытом, я — страхом. Я вижу, что склон холма резко заканчивается, превращаясь во впадину, протянувшуюся в направлении соседнего холма. Я тщетно пытаюсь обнаружить вражеские позиции, которые якобы находятся всего в ста пятидесяти метрах от нас.

Ракета гаснет, но вслед за ней в небо взлетает еще одна. В это же мгновение где-то внизу звучит пулеметная очередь, за ней другая. Затем начинается настоящий ад. С противоположного холма открывают огонь сразу два пулемета. Откуда-то слева им тот час же отвечает наш пулемет. Я по-прежнему стою в тени дерева, как какой-нибудь случайный прохожий, не имеющий никакого отношения к происходящему.

— В укрытие! Быстро на землю! — кричит мой провожатый и бросается в какую-то неглубокую яму. В ту же секунду я падаю на землю, мгновенно осознав, что мы оказались в зоне огня русских пулеметов. Пули звонко впиваются в стволы соседних деревьев. Я понимаю, что только что избежал преждевременной смерти. Я мог погибнуть, даже не успев поучаствовать в боях.

— Давай сюда! — кричит посыльный. Сделав несколько прыжков, я заскакиваю в его яму. Теперь пулеметные очереди сливаются с выстрелами из винтовок и автоматов. Мой новый товарищ ругается и указывает куда-то вниз.

— Видишь вон там окопы? Бежим туда. Не отставай! — шипит он.

Когда я выскакиваю из ямы и бросаюсь вперед, до моего слуха доносятся выстрелы из минометов. Я на мгновение застываю на месте. За первыми залпами следуют все новые и новые.

— Давай! Быстро! — кричит посыльный, и я вслед за ним прыгаю в окоп. Близость передовой с каждым мгновением приобретает для меня все более реальный характер. Все оказалось гораздо опаснее и серьезнее, чем я себе представлял. Это напоминает мне мое удивление, когда на первом же уроке бокса в лагере юнгфолька я получил массу синяков и ушибов.

Вражеский огонь усиливается. Снаряды взрываются по всему склону холма. Однако, несмотря на это, мой провожатый бежит вперед по лабиринту путей сообщения, в котором мы теперь оказались. Спотыкаясь и задыхаясь, я бегу следом за ним. Услышав свист очередного снаряда, бросаемся на дно окопа. На этот раз он разрывается совсем рядом, на бруствере.

— С тобой все в порядке? — спрашивает меня посыльный.

— Да, все нормально.

— Обстрел закончился, — сообщает он.

Я встаю и выглядываю из окопа. Там, где только что разорвался снаряд, зияет глубокая яма. Соседний с нами лес кажется уже тихим, как и прежде. Я чувствую боль за левым ухом и понимаю, что, падая, ударился о приклад винтовки.

Свернув в другой окоп, оказываемся перед входом в блиндаж. Спускаемся по ступенькам вниз и оказываемся перед грубо сколоченной дверью. Слышим, как внутри кто-то играет на губной гармошке. Мой новый товарищ улыбается и открывает дверь. Нас встречает солдат, оставленный следить за огнем в печке. Он один в помещении.

— Вот, оказывается, кто здесь! Молодец. Играешь на гармошке, в то время как снаружи черт знает что творится! — говорит мой провожатый и здоровается за руку с этим приземистым черноволосым человеком.

— Это я из-за шума, — отвечает тот и улыбается. — Он действует мне на нервы. Кто это к нам пришел? Наверно, пополнение.

— Верно. Знакомься, это Иоганн Фосс. Иоганн, это Гейнц Боймер, третий номер пулеметного расчета.

Мы обмениваемся рукопожатиями. Оглядываюсь по сторонам. Блиндаж предназначен для семерых человек, отапливается печкой и освещается карбидной лампой. У задней стены стоят несколько двухэтажных нар, сколоченных из досок. Стены сложены из бревен. Вижу аккуратную стойку для оружия, небольшой стол и две скамейки. По стенам развешано всевозможное снаряжение: боеприпасы, одежда и тому подобное. Среди прочего на шнурке, выходящем наружу, подвешены две гильзы от артиллерийских снарядов.

В следующую секунду в блиндаж возвращаются остальные его обитатели. Первыми входят трое солдат в запорошенных снегом касках. Их лица раскраснелись от возбуждения. Все трое вооружены до зубов. Они ловко протискиваются в узкий вход. При свете лампы сверкают серебряные руны на правой петлице. Все начинают говорить одновременно, воодушевленные и возбужденные недавним коротким боем. Насколько я понимаю из

их рассказа, русский передовой дозор несколько часов лежал прямо перед нашими позициями, ожидая возможности ворваться в наши окопы.

Один из этих троих, блондин по имени Шмидхен, с явно выраженным кельнским акцентом сообщает о том, что стоял в карауле и, заметив приближение противника, выстрелил из ракетницы. Ему повезло — он убил успевшего заскочить в окоп русского солдата. Второго русского он срезал автоматной очередью и задержал натиск остальных. Противник, понеся потери, отступил.

Солдаты снимают каски и ставят автоматы на оружейную стойку. Двое их товарищей все еще находятся в окопе. Одного из них они зовут Старик, имя второго — Генрих, это первый номер пулеметного расчета.

Я стою в глубине блиндажа возле коек. Меня пришедшие еще не заметили.

С автоматом на плече входит тот, кого называют Стариком. Он высок и худощав, глубоко посаженные глаза поблескивают из-под каски. У него большой рот, резкие морщины. Лицо кажется вырубленным из дерева.

— Всем внимание! — объявляет он и медленно набивает два подсумка магазинами для автомата. — Приказ шефа: все остаются на местах. Не разуваются, не спят, не пьют шнапс. Иваны могут снова оказаться здесь в любую минуту.

Он говорит с акцентом уроженца Верхней Силезии. При этом его кадык ходит вверх-вниз, перекатываясь под кожей. Старик — командир пулеметного расчета. Ему лет двадцать пять, он пришел на службу давно, еще до начала войны.

В тот самый момент, когда я собираюсь доложить о своем прибытии, он замечает меня.

— Эй, солдат, ты кто такой?

Остальные также только сейчас замечают мое присутствие. Мой провожатый уже ушел. Я делаю шаг вперед, отдаю приветствие по уставу и сообщаю, кто я такой.

Силезец окидывает меня оценивающим взглядом. Мы оба чувствуем разницу между старослужащим и новобранцем. Его поведение отличается спокойствием, он не проявляет ни радости, ни неодобрения в отношении моего прибытия. Мне кажется, что прозвище ему идеально подходит, потому что он самый старший и опытный боец взвода. Его грубоватое лицо также соответствует прозвищу. Похоже, что ему нравится уважительное отношение, с которым к нему относятся сослуживцы.

— Положи вещи на койку. Вон на ту, верхнюю слева. В случае опасности не выскакивай наружу, понял? Ни при каких

обстоятельствах! — С этими словами он поворачивается к остальным: — Позаботьтесь о нем!

Я жму руки остальным солдатам и отвечаю на их вопросы о моем личном и служебном прошлом.

Таким был мой первый день на передовой. Сначала я оказался в тихом заснеженном лесу, затем последовали короткий бой и мирное знакомство с новыми товарищами. Мое прежнее умозрительное представление о новом месте службы приобрело четкие реальные очертания: зимняя природа, окопы, блиндаж, лица новых друзей. Здесь, в краю заледенелых болот и озер и покрытых снегов лесов, линия фронта проходит на шестьдесят шестой параллели, то есть в самом настоящем Заполярье. Здесь я встретил свою новую судьбу, начал новую жизнь, обрел новый дом: 3-й батальон.

День святого Николая

Ужасный грохот заставляет меня проснуться. Сегодня 6 декабря 1943 года. Вскакиваю и больно ударяюсь головой о потолок. Над верхней койкой, рядом с той, на которой я сплю, на месте потолка зияет развороченная взрывом дыра, через которую внутрь проникает скупой свет полярного дня. Снаряд, выпущенный из русского противотанкового орудия, упал на наши позиции и разметал в стороны крышу нашего блиндажа. Русские бьют быстро и точно. Все еще не отойдя ото сна, прыгаю вниз и торопливо обуваюсь. Собираюсь выскочить наружу. В следующую секунду раздается рокот нашего пулемета. Вслед за ним открывают огонь минометы.

Старик уже натянул на себя куртку с капюшоном. Надев на голову каску, он быстро хватает автомат и ловкими движениями набивает карманы ручными гранатами.

— Парни, похоже, что дело дрянь. Быстро собираемся! — кричит он и выскакивает наружу.

Генрих выбегает вслед за ним, и они оба устремляются к пулеметному гнезду. Я выскакиваю из блиндажа вместе с остальными, бегу по окопам, пригибаюсь при каждом выстреле из миномета. В такой обстановке в приказах нет особой необходимости. Каждый знает, что ему делать. Мое место второго номера пулеметного расчета рядом с Генрихом.

Боймер, находящийся в нашем пулеметном гнезде, стреляет короткими очередями, поворачивая в стороны стоящий на треноге пулемет. Вражеское противотанковое орудие молчит. Его не видно, потому что оно хорошо замаскировано. Русские минометы продолжают обстреливать нас. Наши минометчики отвечают им. Мы видим, как снаряды падают на вражеские позиции. Крыша пулеметного гнезда сбита взрывом русского снаряда, но ни Боймер, ни пулемет нисколько не пострадали. Вместе с пулеметчиками 12-й роты он отбил наступление русского передового дозора, прорвавшегося на левом фланге. Мы с Генрихом занимаем места рядом с ним и видим фигурки в белых маскировочных халатах. Они отступают и быстро скрываются в глубокой борозде, которую заранее, еще ночью, выкопали в снегу. Три неподвижных тела остаются лежать на земле неподалеку от нашего заграждения — рядов колючей проволоки.

Огонь на время прекращается. Вражеский дозор скрывается в лесу. Мы быстро меняем раскалившийся ствол пулемета. Я достаю новую патронную ленту из коробки и вставляю ее в

приемное устройство.

— Все целы? — раздается у меня за спиной чей-то голос.

Я оборачиваюсь и вижу караульного офицера.

С ним обершарфюрер Шапер, командир нашего взвода. Оба в полном обмундировании. На груди автоматы, на головах каски с зимним камуфляжем. Внешне оба являют собой полную противоположность. Унтершарфюрер Маннхард — командир 12-й роты нашего полка. Мне еще ни разу не приходилось встречаться с ним. Он красивый стройный молодой мужчина, на мой взгляд — ровесник Филиппа. По ходам сообщения он передвигается ловко и грациозно.

Сейчас у меня появилась возможность разглядеть его ближе. Из-под каски блестят полные решимости глаза, свидетельствующие о силе воли и целеустремленности. Шапер, напротив, коренастый, невысокого роста человек с грубым лицом. Типичный крестьянин из Нижней Саксонии. У него облик фермера-трудяги, расхаживающего в резиновых сапогах по мокрому от дождя полю, засаженному свеклой.

— Так точно, унтершарфюрер! — отвечает наш Старик.

Маннхард торопится, он озабочен важными вопросами. Сколько человек было в неприятельском дозоре? Сколько русские потеряли убитыми? Как они были вооружены? И самое главное — где русское противотанковое орудие?

Старик указывает на какое-то место впереди, на другой стороне низины.

— Вон там, как раз возле вражеского пулеметного гнезда. Раньше его там не было, наверное, они оборудовали огневую позицию совсем недавно. Все произошло совершенно неожиданно. Боймер увидел их через телескопический прицел только тогда, когда они стянули маскировочную сетку с орудия и принялись обстреливать нас.

Маннхард подходит к стереотрубе и принимается разглядывать холм, откуда совсем недавно нас обстреливало русское противотанковое орудие.

— Несколько дней назад они проделали такой же фокус с 1-м батальоном, — сообщает он.

— Как вы полагаете, что они задумали? — интересуется Старик.

— Пока не знаю, но попытаюсь угадать. В любом случае, в следующий раз ваша огневая точка, пожалуй, станет их первой целью. Послушай, с этого расстояния русские разобьют ваш блиндаж в щепки. Попробуй не дать им такой возможности. Уничтожь это орудие, чтобы из него они больше не выпустили ни одного снаряда. Не своди с них глаз! Я попрошу помощи у наших

мунго. — С этим словами он удаляется.

Мы наблюдаем за тем, как Старик разглядывает местность через стереотрубу, медленно поворачивая ее справа налево и обратно. Генрих ищет русское орудие через телескопический прицел. В тяжелом напряженном молчании проходит час. Три тела убитых русских солдат перед проволочными заграждениями по-прежнему лежат в мертвой неподвижности. Начинает смеркаться — день в этих широтах короток. Становится еще холоднее. От холода не спасают даже теплая одежда и обувь.

Сменяю Генриха, он уступает мне место за пулеметом. Не успевает он отойти в сторону, как я замечаю русское противотанковое орудие прямо перед собой. С него медленно сползает маскировочный экран, и над бруствером появляется ствол.

— Вот он! — одновременно вскрикиваем мы со Стариком.

— Огонь! — рявкает мой старший товарищ. В направлении цели устремляется первая очередь трассирующих снарядов. Четко вижу вражеское орудие в перекрестье прицела и открываю огонь. Представляю себе, как пули попадают в щит орудия. Пробить его они не могут, несмотря на относительно небольшое расстояние. Ответ следует почти мгновенно. Первый снаряд попадает в крышу нашей огневой точки и частично сносит ее. Второй снаряд до нас не долетает. Если третий угодит в амбразуру, то нам конец. Генрих подбегает ко мне, занимает мое место за пулеметом и поливает длинными очередями расчет русского орудия. Третий снаряд тоже падает мимо цели, однако наша смертоносная дуэль еще не закончена.

Раздаются выстрелы наших минометов. Вижу, как сразу четыре снаряда разрываются вокруг русского орудия, затем еще один и еще. Старик наблюдает за происходящим через стереотрубу и приходит в возбуждение от удачных попаданий наших минометчиков.

— Прекратить огонь, Генрих! — неожиданно кричит он. — Орудия больше не видно. Похоже, оно уничтожено.

Возникает пауза. Не успеваем мы заменить ствол, как Генрих обнаруживает второй неприятельский дозор, находящийся пока на довольно большом расстоянии от нас, но приближающийся с той же стороны. Мой товарищ разворачивает пулемет и нацеливается на белые фигурки, двигающиеся на нас под покровом сумерек.

— Не стрелять! — предупреждает Старик. — Пусть подойдут ближе!

Через несколько секунд он кричит:

— Внимание!

В следующее мгновение прямо перед нами раздается очередь, выпущенная из русского автомата. Старик тут же отвечает на нее выстрелами из своего автомата, опустошая целый магазин. Один из трех русских солдат, залегших перед нашим проволочным заграждением, вскакивает, явно пытаясь прорваться на наши позиции. Старик слишком поздно замечает его, но все-таки успевает выстрелить. Русский падает и валится на землю, зацепившись одной рукой за проволоку. Поднятая вверх, она как будто символизирует бессмысленную храбрость ее владельца.

В следующее мгновение мы обрушиваем вал огня на наступающего противника. Ничейную землю поливает смертоносный град пуль и мин. Иванам удалось внедриться на нее довольно далеко, но, несмотря на их храбрость, им приходится откатиться назад.

Минометный огонь неожиданно прекращается.

— Смотрите! — кричит Старик. — Наверное, сейчас следом за ними бросится 12-я рота! Глазам своим не верю! Вот же дьяволы!

Я вскакиваю и, выглянув в амбразуру, вижу фигуры наших солдат, устремившихся по безлесному заснеженному пространству налево от холма в направлении русского дозора. Они уже совсем близко и вот-вот рассекут отряд противника надвое. Слышу громкий голос Маннхарда, приказывающего своим людям на левом фланге окружить неприятеля и отрезать ему пути к отступлению. После этого все происходит со стремительной скоростью. Выстрелы, крики, окружение русского отряда. Наши солдаты уже готовы отогнать к нам в тыл окруженного врага, когда снова открывают огонь русские минометы.

Спустя какое-то время в лесу снова стало тихо и темно, так же, как и утром. Приближался вечер, и мне предстояло заступать в караул. К нам подошел Старик и сообщил, что с нашей стороны потерь не было. Я глубоко затянулся своей первой сигаретой и почувствовал, что тревога уступает место радостному ощущению того, что я нахожусь там, где всегда хотел быть в грозные годы войны.

Вернувшись в блиндаж, солдаты приходят в небывалое воодушевление. Прибыла почта. В условиях нашего тесного жилища письма из дома становятся всеобщим достоянием. На столе рядом с карбидной лампой стоит бутылка коньяка, часть нашего месячного пайка. Письма и фотографии идут по кругу. Кто-то занимается чисткой оружия. Я радостно разглядываю полученную от родителей посылку. Открыв ее, я не верю своим глазам. Это предрождественские подарки, которые в детстве я привык получать дома утром 6 декабря: шоколад, печенье, орехи,

еловая веточка с крошечными красными игрушками, нож, записная книжка. На этот раз мне прислали маленькую книгу — «Под осенней звездой» Гамсуна. Подумать только! Посылка проделала путь в четыре тысячи километров — на пароходе, поезде, грузовике и на спине мула. Самое удивительно, что она прибыла вовремя. Это настоящее чудо.

Снаружи становится еще холоднее, мороз крепчает. В блиндаже жарко натоплено, печка раскалилась докрасна. Наше настроение поднимается еще больше после второй бутылки коньяка. Старик управляет всеобщим весельем, запевая песни, которые мы тут же подхватываем, рассказывает анекдоты. Он требует анекдотов и от нас и высказывает одобрение или осуждение в зависимости от степени их непристойности.

— Знаете анекдот про двух блох? — спрашивает он. — Нет? Никогда не слышали? Тогда я вам его расскажу. Значит, так. Встречаются две блохи в бороде у мотоциклиста. «Нравится тебе здесь?» — спрашивает одна. «Жить можно, но каждый раз, когда он едет на мотоцикле, возникает жуткий сквозняк! Это просто безумие какое-то!» — «Если хочешь знать мой совет, найди себе молодую бабенку и поселись как можно скорее у нее подмышкой. Жить будешь в свое удовольствие, в тепле и спокойствии». Вторая блоха так и поступила. На следующий день она сбежала, но через пару недель вернулась обратно. «Как поживаешь, подружка? Последовала моему совету?» — «А как же! Приползала я в подмышку к молодой бабенке и неплохо пожила, как ты и говорила. Но однажды я обнаружила место получше, совсем рядом, тоже среди волос, теплое и уютное. Превосходное место! Замечательное!» — «Рада слышать, подружка. Но скажи, почему же ты там не осталась?» — «Да я и сама не знаю. Однажды я снова оказалась в бороде мотоциклиста!»

Следует взрыв смеха. Мы с Генрихом смеемся более сдержанно, чем остальные. Мы моложе наших товарищей, и нам не слишком нравятся подобные соленые шутки. По кругу снова идет бутылка коньяка, звучит новая песня. Боймер заводит грустную мелодию на губной гармошке — любимую песню Шмидхена о браконьере, его дочери и хозяине леса. В следующем куплете все герои умирают. Шмидхену нравятся такие песни. За одной грустной песней следует другая. Боймер умел великолепно играть на таком простом инструменте. Те из нас, кто не знают слов, воспроизводят лишь мелодию. Старик, у которого изменилось настроение, неожиданно замолкает. На его лице появляется печальное выражение. Внезапно он встает и, понизив голос, просит:

— Не надо больше, я не могу это слышать.

— Не будь занудой, Старик! Споем еще! — кричит Шмидхен и порывается запеть что-то новое.

— Я сказал, хватит! — рявкает Старик и ударяет рукой по столешнице. — Довольно! Завтра у нас будет хлопот полон рот. Нам нужно восстанавливать крышу. Пора спать!

С этими словами он выходит наружу. Прежде чем Шмидхен успевает что-то сказать, Генрих крепко хватает его за руку, давая понять, что следует успокоиться. Наша короткая вечеринка закончена.

Старик по-прежнему не возвращается. Скоро настанет очередь Генриху заступать в караул. Мне хочется узнать о странном поведении Старика, и я спрашиваю об этом.

— Похоже, — отвечает мой товарищ, — что он не любит такие песни. Они действуют ему на нервы.

Затем Генрих рассказывает мне историю о Салле и роли Старика в случившемся. Он говорит, что рано или поздно я все равно узнаю о ней, по крайней мере, какие-то намеки, которые меня наверняка удивят. По его словам, Старик воевал в ударной группе, которая была предшественницей нашей дивизии. Их перебросили из южной части Норвегии на новый участок фронта в северную Карелию. Это было в конце июня 1941 года, когда там начались боевые действия. Поскольку это была моторизованная часть, абсолютно не готовая к боям в лесах, ее первым заданием стал захват нескольких высот в пустынной местности между деревушкой Салла и советско-финской границей. В интересах безопасного проведения операции, обошлись без предварительной разведки местности. Не успела часть добраться до подножия холмов, как на нее обрушился плотный огонь русских минометов и пулеметов, расположившихся на господствующих высотах. Наших солдат прижали к земле. Неожиданно в сухом лесу вспыхнул пожар. Генриха тогда в той части не было, но ему рассказывали, что картина была жуткая. Все вокруг охватило огнем и заволокло дымом. Сверху летят осколки снарядов. Пулеметные очереди прошивают каждый квадратный метр пространства. Потери среди наших солдат и офицеров увеличиваются с каждой минутой. Связь обрывается. Товарищей Старика охватывает паника, начинается беспорядочное отступление. Старик, зная, что рискует сгореть в пожаре, оставляет своих товарищей, и мертвых, и раненых. После того как Салла была взята, обнаружены сотни обгоревших тел. Старик до сих пор не может забыть жуткие крики, доносившиеся из охваченного огнем леса. (Об этом случае, свидетельствовавшем о неготовности боевой группы СС «Норд» к первому бою, более подробно рассказывается в книге «Семь дней

в январе» Вольфа Цепфа. — Прим. автора.)

Генрих заканчивает рассказ и подбрасывает дров в печку. Его профиль четко вырисовывается в отсветах огня. Рассказ о крещении огнем, которое испытала дивизия, придает его бледному лицу какое-то печальное и даже мрачное выражение. Мы уже успели сблизиться с ним и часто говорили по душам. Он родился в Восточной Пруссии, в Кенигсберге, и добровольно поступил на службу в войска СС сразу по окончании гимназии. Несмотря на присущий ему идеализм, он был скептиком. В его словах я отчетливо услышал удовлетворение от того, что послужной список нашей дивизии далеко не всегда был победоносным.

Немного помолчав, он продолжает:

— Позднее дивизия отлично воевала и в 1942 году была преобразована в горную дивизию. Старик получил Железный крест. Он все еще переживает из-за случившегося. Сомневаюсь, что он когда-нибудь успокоится.

Мне предстоит в полночь сменить Генриха в карауле, и поэтому я решаю немного поспать. Ложусь на койку и прикрепляю к стене еловую ветку, полученную из дома. Прореху в крыше немного залатали. Завтра утром мы основательно займемся ее ремонтом.

Примерно в это время я познакомился с унтершарфюрером Маннхардом.

Я находился в карауле. С минуту на минуту меня должны были сменить. Шел снег. Небо немного прояснилось, но стало очень холодно. Началось суровое время года, когда природа немеет от холода и солдатам по обе стороны фронта приходится бороться с общим врагом — беспощадными морозами. Даже малая небрежность в обмундировании может вызвать обморожение пальцев, носа, ушей. Караульные обычно стоят на еловом лапнике. На ногах у них войлочные сапоги, на руках — массивные рукавицы. Они одеты в утепленные штаны, подбитые мехом куртки с капюшоном, маскировочные халаты. На голову натянута шерстяная маска-чулок с прорезями для носа и глаз. В зимней экипировке мы больше похожи на пожилых рыночных торговок, чем на молодых солдат.

Несмотря на причиняемые нам неудобства, зима не может не вызвать у нас восхищения своей величественной красотой. Я уже видел северное сияние — зрелище великолепное и неповторимое. Это настоящее буйство красок и оттенков света волшебных форм и ритмов, которое вызывает такое ощущение, будто ты окунаешься в непривычный сказочный мир. В описываемый мною день солнце на короткое время поднялось над линией горизонта,

и снег засверкал миллионами ярких искр.

Ко мне приблизился Шапер, обходивший наши окопы, и сообщил, что, сменившись из караула, я должен зайти к Маннхарду в его блиндаж.

— Похоже, что по личному делу, — пояснил он.

«Интересно, зачем я ему понадобился?» — подумал я.

Как выяснилось, Маннхард и Шапер заходили в наш блиндаж, чтобы о чем-то поговорить со Стариком. На столе Маннхард заметил мой томик Гамсуна и поинтересовался, кому он принадлежит.

— Я рад, что рядом со мной есть кто-то, кто читает Гамсуна, — сказал он, пожав мне руку, после того как я доложил о своем приходе. Я впервые увидел его без каски или фуражки. Мне сразу вспомнился Филипп. Хотя тот был не похож на моего командира, тип лица у них был сходный. На мундире Маннхарда я заметил Железный крест 1-го класса и значок за ранение.

— Вы еще что-нибудь читали из книг Гамсуна?

— «Соки земли», — ответил я. — Мне очень понравилось.

— Значит, у нас похожие вкусы, — сказал Маннхард. — Садитесь и расскажите о себе.

Я коротко рассказал о моей прошлой жизни и, в свою очередь, узнал, что унтершарфюрер родом из Вестфалии, из Мюнстера. Маннхард попросил у меня книгу Гамсуна, сообщив, что для этого у него есть особая причина: он отправляется на боевое задание — вместе с ротой дивизионной разведки ему приказано выступить на северный фланг и действовать там в контакте с отрядом норвежских добровольцев. Я не знал, что у нас в дивизии есть норвежцы, и это известие вызвало во мне интерес. Маннхард объяснил, что они поступили на службу в войска СС, чтобы помогать финнам. Сначала это была только одна рота. Затем она численно разрослась и стала лыжным батальном СС «Норвегия». Эти парни были опытными лыжниками, прекрасно знавшими суровые земли Заполярья. Северный фланг находился севернее нашего расположения и представлял собой не четко обозначенную передовую, а немногочисленные заставы и опорные пункты разного размера. Они были выстроены для ведения круговой обороны и хорошо оснащены боеприпасами и продовольствием и находились на обширном пространстве, покрытом болотами, озерами и лесами. Военные действие на этом участке фронта сводились, по сути, к патрулированию ничейной земли. Маннхарду уже приходилось нести там службу, прежде чем он был направлен в офицерскую школу. Таким образом, эти места ему хорошо знакомы.

Все это разожгло мое воображение. Заметив мой интерес,

Маннхард небрежно произнес:

— Похоже, что вы были бы не против отправиться вместе со мной в дозор.

— Конечно, почему бы нет? — ответил я, еще не зная, что мое решение будет иметь самые серьезные последствия.

Дозор на северном фланге

В марте 1944 года, когда день значительно удлинился, разведывательная деятельность нашей дивизии на этом участке фронта активизировалась. Двенадцатичасовой световой день, замерзшие озера и покрытая снегом местность представляли собой идеальные условия для проведения лыжных дозоров. Они имели жизненную важность для наших застав и дивизии в целом, поскольку позволяли выслеживать врага, прятавшегося в складках местности, давали возможность находить и уничтожать опорные базы советских войск.

Эта зима оказалась мягче предыдущих. Мы, в нашем блиндаже, относительно спокойно пережили ее. И все же при взгляде в прошлое кажется невероятным, что линия фронта могла проходить в таких суровых климатических условиях. Однако блиндажи представляли собой землянки с дополнительной теплоизоляцией, с крышей в несколько накатов, спасавшие даже от сильного артиллерийского огня. Таким образом, условия для проживания были относительно неплохие. Отрицательное воздействие на наш моральный дух почти постоянной темноты с ноября по февраль нейтрализовалось «батальонным шнапсом», щедро выдававшимся один раз в неделю. Долгие часы, которые приходилось проводить в блиндаже, мы коротали за карточной игрой «семнадцать и четыре», разновидностью покера. Играли мы на советские рубли, которым не удавалось найти иного применения.

Кроме того, мириться с зимними неудобствами нам также помогала наша молодость, свойственные ей жизнерадостность и напускная храбрость. Кроме того, нам, молодым парням, постоянно хотелось есть, и чувство голода не могли насытить никакие дополнительные пайки. Голод усиливался также и постоянным нервным напряжением. Большинству из нас постоянно хотелось сладкого, и, получая еженедельную порцию фруктового джема, мы практически молниеносно съедали ее.

В начале месяца меня вызвали на командный пункт роты, где я узнал, что меня переводят в разведывательный батальон СС «Норд», расквартированный на северном фланге. То ли Маннхард замолвил за меня словечко в штабе дивизии, то ли это была случайность — истинной причины я так и не узнал. С одной стороны, я чувствовал, что буду скучать по товарищам из моего взвода, с другой стороны, я специально учился совершать лыжные рейды в разных условиях на открытой местности и успел заскучать от жизни в окопах. Во всяком случае, не последнюю

роль в моем намерении отправиться в дальние лыжные рейды сыграл новый эпизод, когда я в очередной раз увидел диких гусей. Так же, как полет гусей следовал за зовом природы, так и нам самой судьбой было уготовано выполнить нашу миссию в далеком Заполярье. Через несколько дней я уже находился на борту грузовика, отправлявшегося на север. Мы ехали по дороге, проложенной нашим инженерным батальоном среди просторов полярной пустыни, ее холмов, озер и болот примерно в десяти километрах от линии фронта и протянувшейся параллельно ей. Она была сложена из бревен и помещенных на них досок. Я нисколько не сомневался в том, что, выстраивая ее, саперы столкнулись с немалыми трудностями.

Дорога заканчивалась возле берега замерзшего озера, где стояло несколько заброшенных деревянных лачуг и две перевернутые вверх дном лодки. На санях мы перебрались на противоположный, восточный, берег озера. Там мы увидели небольшое поселение — сложенные из бревен домики, которые использовались нашим разведывательным батальоном в качестве опорного пункта. Разведчики блокировали проход между двумя озерами в нескольких километрах к востоку от базы.

На командном пункте я доложил о своем прибытии. Мне сообщили, я назначаюсь в роту Маннхарда. Как выяснилось, через несколько дней в дозор одновременно уходят три группы лыжников. Они будут действовать независимо друг от друга. Ими руководят три командира: Маннхард, норвежский офицер и, к моему удивлению, фон Хартманн.

Наша группа, состоявшая из трех взводов, была малочисленной. В ней насчитывалось всего 32 человека, из них один офицер и два унтер-офицера. Один из взводов был полностью укомплектован норвежскими добровольцами. Мы получили задание найти вражеские боевые отряды в русском тылу, взять пленных и сразу вернуться. Остальным предстояло два следующих дня проводить разведку на севере и на юге от нашей базы. Наши приготовления уже были в самом разгаре. Я получил лыжи и финские лыжные ботинки. Мне разрешили оставить винтовку. Примерно половина нашей группы была вооружена автоматами. На несколько саней мы погрузили боеприпасы, продукты (среди прочего и новшество для разведывательных групп — смесь из лесных орехов, изюма и миндаля), палатки и запасные лыжи для пленных, которых предполагали взять.

Нам предстояло выступить в поход сразу после наступления сумерек. Мы надеялись оказаться в тылу русских войск на следующее утро. Сбор назначили на семь часов вечера. Маннхард

был вооружен русским автоматом с круглым иском — надежное, мощное и испытанное в боях оружие. Касок мы надевать не стали, только вязаные шапки, более соответствующие характеру предстоящей боевой операции.

Нам потребовалось около получаса, чтобы оказаться на месте сбора всей нашей группы. После короткого отдыха мы двинулись цепью по тропинке, проложенной среди минного поля, и вскоре оказались на скрытой густыми сумерками ничейной земле.

Мы предполагали, что русские действуют на участке между двумя озерами, расположенными примерно в десяти километрах от линии фронта. Нам предстояло обогнуть по дуге это место и внедриться во вражеский тыл. Наш дозор неплохо знал эту местность. У нас были географические карты, на которых указывались озера (они были пронумерованы), реки, невысокие холмы, а также болота. Опыт предыдущих рейдов помогал нам без особых трудностей ориентироваться на ничейной земле. Кроме того, были отмечены места, где находились тела наших погибших товарищей, которые не удалось забрать с собой. Позднее я убедился в том, что в отдельных местах этого участка фронта никогда не ступала нога человека.

Мы прошли через редкий лесок и открытые пространства, продрались через густой кустарник и преодолели канавы и лужи с замерзшей водой. Приходилось постоянно обходить обломки камней и поваленные деревья. Временами мы находили тропинки, оставленные ранее нашими солдатами. Сани мы тащили по очереди, сменяя друг друга. Поход был тяжелым, и наши тела, несмотря на холод, покрылись потом. После довольно долгого времени, проведенного в окопах, я утратил спортивную форму. Время от времени дозор останавливался, когда лежащую впереди местность следовало проверить, чтобы неожиданно не наткнуться на противника. Вперед уходило несколько наших лыжников, а остальные терпеливо ожидали их возвращения. Устанавливалась такая тишина, что было слышно, как шумит в ушах кровь.

Ближе к полуночи мы сделали остановку. Все собрались в небольшом подлеске. Здесь было относительно безопасно, и поэтому каждый из взводов развел костер, чтобы вскипятить чай, как нас тому научили финны. Делалось это так. Бралась пустая консервная банка, по бокам которой ближе к низу пробивались отверстия. Внутрь закладывались полоски бересты и крошечные обломки березовых веток. Получался костерок, достаточно сильный и почти бездымный. Огня хватало для того, чтобы получить теплый напиток. Солдаты столпились вокруг, разговаривая приглушенными голосами. Над нами простиралось

огромное бездонное небо, совсем не такое, как в моих родных краях.

Я разговаривал с Хервегом, командиром норвежского взвода, который уже не раз ходил вместе с Маннхардом на такие задания и очень уважал нашего унтершарфюрера. Неожиданно к нам приблизился Маннхард.

— Слышите? Что это? — спросил он. — Всем замолчать!

Снова стало тихо, и я услышал высоко в небе приглушенные крики диких гусей. Они были далеко, но постепенно приближались к нам. Все, как зачарованные, смотрели на небо, где вскоре появилась стая этих свободных птиц. Они летели с юга на север, и их пронзительные крики сливались в одну бесконечную жалобную песнь. Я не мог не вспомнить песню, которую пели в нашем отряде юнгфолька.

Дикие гуси в ночной тиши
Пронзительно кричат, летя на север.
Опасен путь, будь острожен!
Что будет с нами всеми?
Лети вперед, гусиный клин,
Лети, лети, лети на север!
И если осенью вернуться нам не суждено,
Прощайте навсегда!

В эти мгновения полет диких гусей показался мне своего рода символом нашего боевого задания, высшей целью которого была борьба с большевизмом в этом суровом краю долгой полярной ночи. Я нисколько не сомневался, что сейчас многие мои товарищи вспоминают слова этой простой и всем известной песни. Не думаю, что мы понимали пророческий смысл отдельных ее строчек, людям не дано знать о будущих поворотах собственной судьбы.

Мы отправились дальше на восток. В темноте не было видно никаких следов противника. Двигаясь цепью, мы старались не нарушать тишины лесов. Слышались лишь негромкие звуки скользящих по снегу лыж и легкое постукивание лыжных палок. Час шел за часом, напряжение нарастало. Казалось, что никогда не будет конца этому безграничному белому пространству. Лишь изредка нам встречались отдельно стоящие деревья.

Перед рассветом мы снова сделали привал. Маннхард посовещался с двумя другими командирами взводов, разглядывая карту при свете фонарика. Повернув на юго-запад, мы неизбежно, рано или поздно, пересечем линии коммуникаций русских войск. Как только начало светать, мы стали передвигаться более

осторожно, больше не делали остановок и все чаще рассматривали местность в окуляры биноклей.

Примерно в десять часов утра мы приблизились к озеру № 20, располагавшемуся в шести километрах южнее нашего ночного маршрута. По сигналу Маннхарда все залегли в снег. Перед нами простиралась гладь замерзшего озера, со всех сторон окруженного лесом. Маннхард и командиры взводов еще раз осмотрели окружающее пространство в бинокли. Вскоре они обнаружили противника. Мы услышали далекие, еле различимые голоса. Я подался немного вперед и увидел отряд русских солдат, двигавшихся по льду озера на восток. С ними было двое саней, запряженных лошадьми. Из леса навстречу им вышли несколько человек.

Маннхард жестом приказал нам отползти обратно в лес. Мы свернули к северо-западной части озера параллельно берегу и линии коммуникаций противника. Тем временам две группы русских встретились прямо посередине озера и вместе направились на запад. Мы достаточно быстро оказались на западном берегу, позволив норвежцам Хервега незаметно зайти Иванам в тыл и затаиться среди деревьев. Между тем взвод Маннхарда двинулся в противоположную сторону. Третий взвод оставался в резерве. Русские медленно приближались к нам. Наш командир позволил им подойти на расстояние 50 метров и неожиданно крикнул по-русски:

— Руки вверх! Бросайте оружие!

Противник решил не сдаваться.

В следующее мгновение красноармейцы спрятались за санями и наугад открыли по нам огонь из стрелкового оружия. Мы сбросили с ног лыжи и рассредоточились по краю озера, готовясь к атаке. Маннхард, укрываясь за стволом дерева и наблюдая за противником в бинокль, стал громко и четко отдавать нам приказания. Под его командой, поддерживаемые огнем из винтовок, наши товарищи, вооруженные автоматами, устремились вперед. Бежать по снегу было тяжело, и они передвигались прыжками. В это время мы поливали Иванов огнем, не давая им высунуться из-за саней. Противник сопротивлялся отчаянно, но шансов на успех не имел никаких. Вскоре русские почти прекратили стрельбу, хотя последние оставшиеся в живых продолжали отчаянно сопротивляться. Наши товарищи были уже рядом с противником, так что нам пришлось прекратить огонь, чтобы не задеть их. Взвод Маннхарда через считаные секунды оказался позади саней, зайдя с тыла.

Еще несколько автоматных очередей, и все было окончено.

Мы встали. К нам приблизился один из норвежцев. Он вел за

собой единственного пленного русского. Тот шел, подняв вверх руки. Все его товарищи погибли. С нашей стороны потерь не было. Вскоре вся наша группа собралась вместе. Среди убитых красноармейцев оказался командир лыжного батальона противника, что объясняло упорное сопротивление русских солдат. Забрав у него документы и карты, мы осмотрели сани, в которых нашли большой запас продуктов.

Было понятно, что больше нельзя терять ни минуты. Хотя бой продолжался не более 20 минут, его звуки вполне могли встревожить все русские тылы. Мы направились к озеру № 17, на северо-запад, где предполагали соединиться с отрядом фон Хартманна. К сожалению, наш храбрый пленник оказался скверным лыжником и поэтому мы были вынуждены двигаться очень медленно. Мы поставили позади себя несколько противопехотных мин и двинулись дальше. Наша осторожность оказалась не лишней, и мы с удовлетворением услышали у себя за спиной, спустя примерно час, грохот взрыва.

Ближе к полудню мы, наконец, добрались до расположения отряда фон Хартманна. Хотя мы находились в пути вот уже 20 часов, нам еще предстояло идти не менее трех. Часть отряда фон Хартманна присоединилась к нам, и дальше мы пошли вместе. На двух санях они тащили скорбный груз: тела трех наших солдат, погибших в бою еще в начале зимы и пролежавших в снегу до этого дня. Теперь их забрали, чтобы переправить на кладбище.

Остальная часть отряда фон Хартманна осталась, чтобы, если понадобится, прикрыть нас и встать на пути русской боевой группы, которая предположительно действовала в этих местах. Мы, выполнив в целом задание, почувствовали, как напряжение последних суток постепенно начинает спадать. Почти двадцатичетырехчасовой лыжный рейд изрядно вымотал нас. Прошел примерно час, когда мы услышали доносившиеся откуда-то сзади звуки перестрелки. Скорее всего, это люди фон Хартманна вступили в бой с врагом где-то в районе озера № 17. Спустя какое-то время все стихло. Интересно, что там случилось? Позднее, уже после полудня, до нашего слуха снова донеслись звуки боя. Сейчас дело показалось нам более серьезным. Прежде чем установилась тишина, мы услышали грохот взрывов и выстрелы из тяжелых минометов. Стало ясно, что отряд фон Хартманна попал в беду.

Мы же добрались до наших позиций без приключений.

На следующий день отряд фон Хартманна вернулся. Из тридцати человек погибло пятеро. Пятнадцать человек получили ранения. Они выложили тела своих погибших товарищей на снег перед домиком, в который я прибыл несколько дней назад. Среди

погибших был и фон Хартманн. Новость о его смерти распространилась со скоростью степного пожара. Он умер от прямого попадания осколка мины.

Два дня отдыха, которые мы получили после возвращения, были омрачены гибелью нашего командира. Конечно, потери у русских были более тяжелые, но мы все равно считали, что заплатили за рейд на ничейную землю слишком высокую цену. Смерть фон Хартманна я воспринял как личную утрату. Мне казалось, что мы потеряли хорошего человека и образцового офицера. Я видел, как он проверял готовность своего отряда за день до рейда. Он строго и в то же время уважительно обращался с подчиненными. Фон Хартманн в последнее время хромал уже меньше, но все равно не расставался с тростью.

Немного освоившись на новом месте, я стал воспринимать северный фланг по-другому. Теперь он казался мне более привлекательным и привычным. До этого трагического происшествия я надеялся, что найду возможность пообщаться с моим бывшим командиром, и когда узнал о его гибели, то на мгновение почувствовал себя брошенным на произвол судьбы. Это стало новым шагом в обретении военного опыта.

Однажды Маннхард пригласил меня зайти в его дом, чтобы забрать томик Гамсуна. Мы сели за стол возле жарко натопленной печки. Убранство комнаты было спартанским. Когда-то в этой скромной бревенчатой хижине жили люди, наверное какая-то семья, которой пришлось эвакуироваться со всем скарбом и домашним скотом. Остался лишь пустой дом, в котором уже ничто не напоминало о его прежних обитателях.

— Этот дом как будто сошел со страниц гамсуновских «Соков земли», — сказал Маннхард. — Это — настоящий мир Исаака и Ингер, их первое жилище в Селланраа, наверное, было именно таким.

Его слова не требовали подтверждения. Какое-то время мы молча смотрели на огонь, размышляя о том, насколько изменчива человеческая судьба. Война занесла нас в удивительный мир, не похожий на тот, к которому мы привыкли, и так напоминающий романы великого норвежского писателя. Маннхард был в подавленном настроении и нуждался в собеседнике. Он продолжал переживать не только из-за смерти фон Хартманна. Его потрясло недавнее известие о бомбежках в Вестфалии, где было разрушено много домов, в числе которых и дом его родственников. Маннхард сказал, что война уже не ограничивается уничтожением военной силы противника, а перешла к истреблению мирных городов и их обитателей. Этим занимаются уже не противоборствующие стороны,

принадлежащие к разным культурам. Старая Европа перешла к самоуничтожению. Если так будет продолжаться и дальше, сказал мой собеседник, то Европа станет легкой добычей для Красной Армии.

Когда он попросил меня рассказать о моей семье, я сообщил, что дом на Стене в моем Брауншвейге недавно был уничтожен, и «райский уголок» Изы сгорел до основания. Я также поведал о последнем письме матери, которая написала, что мой младший брат Петер поступил во вспомогательную службу люфтваффе и приписан к зенитному расчету, расположенному в окрестностях Брауншвейга. Он стал четвертым солдатом в нашей семье. Отец сейчас находится в Италии, а старший брат Ник учится в офицерской школе во Франции, в Суассоне. В общем, новости были малоутешительные.

Примерно в это самое время англичане и американцы приняли к действию формулу «безоговорочной капитуляции», которая, как выяснилось из моего разговора с Маннхардом, не оставляла нам никакого выбора. Теперь полное уничтожение грозит либо им, либо нам. Наша миссия здесь, в Заполярье, предельно ясна: как можно дольше удерживать эти земли от натиска большевиков. Маннхард считал, что наше дело еще не проиграно. Его надежда основывалась на том, что он называл «возникновением нового европейского духа». Это понятие разделяют наши братья по оружию финны, наши норвежские товарищи, а также все молодые добровольцы разных званий и чинов из Франции, Дании, Бельгии, Нидерландов и даже Швейцарии. (В годы Второй мировой войны на стороне Германии воевало около двух тысяч швейцарских добровольцев, — в большинстве своем в рядах войск СС, — начиная с лета 1942 года. Главным образом они проходили службу в составе 6-й горно-пехотной дивизии СС «Норд». Более подробно об этом рассказывается в книге Винсента Эртле «Швейцарские добровольцы на стороне Германии».) Я признался моему собеседнику, что разделяю его взгляды, и рассказал о том, что попал в войска СС благодаря доводам Филиппа. Мое небрежное упоминание о том, что Филипп сейчас служит в дивизии «Викинг», мгновенно насторожило Маннхарда.

— Я сам раньше служил в «Викинге» и попал в состав дивизии «Норд» после выхода из госпиталя. Я тогда был еще унтер-офицером.

Мы немного поговорили об этой дивизии, а затем я поинтересовался, за что его наградили Железным крестом.

— Я получил его в госпитале, наградило меня командование «Викинга». Я подбил пять русских танков. Чистое везение. Такое

бывает только раз в жизни. Танки стояли в ряд прямо перед моим противотанковым орудием и не могли быстро развернуться.

Маннхард замолчал. Мы наблюдали за языками пламени и подбросили в печку дров. Несмотря на разницу в званиях мы впоследствии сблизились на основе общих интересов и взглядов.

Боевой дозор

Я вернулся в батальон еще до наступления Пасхи. Полковое начальство потребовало моего возвращения после того, как командир другого пулеметного расчета был убит вражеским снайпером. Мне предстояло заменить его. Это означало другую позицию, другой взвод, другой блиндаж и даже другое боевое снаряжение. Теперь вместо винтовки я буду носить пулемет и пистолет.

Сектор обстрела новой огневой точки, располагавшейся севернее моего старого пулеметного гнезда, представлял собой небольшой подлесок. Русские позиции находились довольно далеко от нас. Линия фронта уходила на север и смыкалась с восточной бухтой озера № 70. Здесь простиралась обширная равнина, превращавшаяся летом в сплошное болото, с немногочисленными малыми высотами, которые мы называли ребрами. Окопы, соединявшие старую и новую огневые точки, были неглубоки и представляли собой не очень надежное укрытие. Именно в них мой предшественник при свете дня встретил неожиданную смерть от пули советского снайпера.

Я с нетерпением ждал нового назначения не в последнюю очередь потому, что знал, что встречусь со Штрикером, моим товарищем из учебного лагеря, уроженцем Южного Тироля. Благодаря ему в новом блиндаже меня встретил теплый прием, когда Шапер, командир нашего взвода, представил меня моим новым товарищам. Штрикер был вторым номером пулеметного расчета. Первым номером был Бинг, эльзасец, солдат из числа ветеранов дивизии, участвовавший в боях за Саллу. Со временем он показал себя прекрасным пулеметчиком, проявлявшим в опасных ситуациях удивительное хладнокровие и выдержку. Одним из стрелков был Отто Бергер, парень из рабочей семьи, до войны живший в Баварии. Он обожал фюрера, которого считал спасителем своей семьи. По словам этого парня, от голодной смерти, отчаяния и унижения его родственников спасла первая программа по созданию рабочих мест, инициированная Гитлером. До этого отец Бергера довольно долго оставался безработным.

Наступил апрель. Земля все еще была покрыта снегом, но с началом весеннего равноденствия рассвет начинался почти в нормальное, привычное для нас время. Я стоял в карауле перед нашим блиндажом. Над землей, все еще не оттаявшей от зимних холодов, простирался огромный, необозримый купол неба. На юго-востоке над линией горизонта повисли в безмятежной неподвижности огромные облака. На смену рассвету пришел

день. На востоке, среди темных елей, кромка неба сделалась розовой. После этого, прямо у меня на глазах, она стала превращаться в темно-оранжевую, поднимаясь выше и заливая светом все небо у меня над головой. На фоне этого интенсивного свечения облака сделались темно-фиолетовыми, затем приобрели оттенок лаванды и зелени и в конечном итоге стали ярко-шафрановыми.

Прильнув к окулярам стереотрубы, я наблюдал за нашим сектором обстрела уже в свете яркого дня. В поле зрения попала огневая точка противника, она располагалась прямо передо мной. Впереди мелькнули две фигуры в меховых зимних шапках. Мне были видны только головы, иногда приподнимавшиеся над бруствером и появлявшиеся в амбразуре вражеского пулеметного гнезда. Сомнений не оставалось — два русских солдата готовили, и довольно беззаботно, пулемет к бою. Увидев их увеличенное изображение и даже разглядев черты лица, я испытал странное чувство. Это были два солдата, которых большевистские комиссары отправили на войну с западной культурой, люди, которые превращали церкви в склады и свинарники. С такого малого расстояния они казались странными, чужими, нецивилизованными и пугающими. Эти солдаты, насколько нам было известно, воевали в составе лыжной бригады Красной Армии, одной из лучших и наиболее боеспособных военных частей. Разве не эти люди — или, по крайней мере, их старшие братья и отцы — совсем недавно наполняли великолепные православные храмы пением своих прекрасных голосов? Разве не их могучие и трогательные церковные гимны, столь непривычные для церквей Германии, взывали к Богу, которому молимся и мы, немцы? Разве симфонии Чайковского, которыми я не устаю восхищаться, не опираются на высокую духовность русского народа?

Я продолжал размышлять на эту тему, когда два офицера, сопровождаемые Шапером, появились на нашей огневой точке. Одним из них был сменивший Маннхарда недавний выпускник офицерской школы, второго я узнал по знакам различия. Это был гауптштурмфюрер Хансен, командир нашего батальона, с которым я впервые столкнулся лицом к лицу. Батальонный, как мы назвали его за глаза, насколько я помню, пользовался любовью и уважением подчиненных.

Его уважали за мудрое командование и личную храбрость, а также за человечное отношение к тем, кто был ниже по званию. Внешность и манеры Хансена, как я сейчас понимаю, идеально соответствовали его человеческим качествам и служебной репутации. Я слышал о том, что он выглядит молодо, однако он

оказался еще моложе, чем я думал. Гауптштурмфюрер выслушал мой рапорт, отсалютовал и, немедленно прильнув к стереотрубе, принялся осматривать вражеские позиции. Время от времени он переговаривался с офицером из 12-й роты и указывал вперед, туда, где затаился противник. Затем подтвердил свое решение, видимо, относившееся к какому-то вчерашнему обсуждению. Речь шла о боевом задании, которое нам предстояло выполнить в тылу врага сегодня ночью.

Имелся в виду рейд боевого дозора. Чуть позже Шапер попросил меня отправиться вместе с дозором и прикрыть в случае необходимости его левый фланг огнем моего пулемета. Выступать в поход нужно было завтра на рассвете.

В нашем блиндаже жарко натоплено и сильно пахнет печным дымом, дымом сигарет, кожей и потной одеждой. Солдаты столпились вокруг карбидной лампы, и поэтому в помещение темно. На головах у нас каски с зимним камуфляжем, к белым курткам ремнями привязано всевозможное снаряжение. Участники боевой группы набирают с собой как можно больше ручных гранат и патронов для автоматического оружия — в общем, столько, сколько удастся унести. Мы — Бинг, Штрикер и я — перекидываем через плечо пулеметные ленты. Я прижимаю к себе пулемет MG 34. Теперь я первый номер нашего расчета.

В комнате становится тихо. Приготовления закончены. Цель задания ясна: прорыв во вражеский тыл, внедрение в систему окопов и блиндажей и быстрое возвращение с «языком». Нисколько не сомневаюсь в том, что мои товарищи так же, как и я, волнуются. Я раз за разом повторяю про себя: все будет хорошо, мы отличная команда, у нас прекрасный командир. Нам все удастся, если мы правильно поведем себя. Не волнуйся и, ради всего святого, сохраняй спокойствие! Смотрю на строгие лица товарищей, лица которых изредка освещаются огоньком сигареты.

Четыре человека стоят у входа, дистанцировавшись от остальных. На каски наброшены капюшоны курток. Оружия у них нет, но вместо него у каждого на груди по несколько килограммов взрывчатки. Это команда из взвода штрафного полка. Им дана возможность искупить свою вину в бою. Они совершили различные нарушения воинской дисциплины, такие, как, например, халатность при несении караула, злоупотребление алкоголем, неподчинение старшим по званию, проступки во время нахождения в тылу вроде кражи государственного имущества или изнасилования. Им дано задание разминировать проходы в наших минных полях, чтобы открыть путь для диверсионной группы, которая устроит взрывы во вражеских блиндажах и ходах сообщения. Меня тревожит характер их

задания, то, что у них нет оружия, да и само их присутствие, которое усиливает гнетущую атмосферу. По знаку их командира, сапера-фельдфебеля, они выходят наружу и приступают к разминированию. Мы терпеливо ждем. Минуты кажутся нам вечностью.

Командир дозора смотрит на часы.

— Пора.

Мы с облегчением хватаем снаряжение и устремляемся к выходу — сначала боевая группа, а затем мы, силы прикрытия. Проходя мимо печки, бросаем в нее окурки и выбираемся в ходы сообщения. В том месте, где начинается расчищенная в минном поле тропа, стоит наш батальонный. Он провожает нас и каждому по возможности дает напутствие, обращаясь по имени, машет вслед рукой. Когда я прохожу мимо него, он приветливо улыбается, наверно, вспомнив утреннюю встречу на нашей огневой точке. Мы втроем незаметно приближаемся к заранее выбранной позиции, и я готовлю пулемет к бою, прячась за поваленным деревом. Слева от нас простирается открытое голое пространство. Впереди, на расстоянии примерно 70 метров, проходят позиции русских войск. Смутно узнаю темный треугольник амбразуры вражеского пулеметного гнезда на линии занесенных снегов огневых укреплений, которую я разглядел утром. Беру цель на мушку.

Бах! Бах! Вижу две вспышки справа, прямо перед вражескими позициями. Бах! — грохочет третий взрыв. Боевая группа бросается к окопам неприятеля. В небо взлетает сигнальная ракета. В следующую секунду оживает русский пулемет. В ответ посылаю прямо во вражескую амбразуру половину ленты трассирующих пуль. Отдача ударяет мне в плечо, а сошки подрагивают от мощных очередей. Наша стрельба заставляет замолчать русский пулемет как раз вовремя, позволив саперам прорваться вперед. Затем снова оживает пулемет противника. Вскоре диверсионной группе удается забросить трехкилограммовый заряд в амбразуру огневой точки. Сложенное из бревен сооружение с глухим взрывом взлетает в воздух. Наши солдаты с обеих сторон врываются во вражеские окопы. Раздаются автоматные очереди, рвутся ручные гранаты. Две огневые точки противника подавлены.

Все происходит в течение считаных секунд. Теперь бой кипит в окопах противника. Мы постоянно слышим короткие автоматные очереди и, по всей видимости, звуки рукопашной. Мне кажется, что в любое мгновение русские начнут стрельбу из минометов. Грохот взрывов и треск выстрелов противника неожиданно прекращаются. Снова становится тихо. Вижу фигурки

наших солдат, стремительно возвращающихся обратно. Они бегут прямо на нас и в следующее мгновение попадают под огонь пулемета, который Иваны каким-то чудом ухитрились установить слева от разрушенной огневой точки. Я резко разворачиваюсь и беру на мушку то место, откуда ведется стрельба. Русский пулемет необходимо уничтожить любой ценой. Бинг, лежащий рядом со мной, заправляет в наш MG 34 новую ленту с трассирующими пулями. Даем несколько очередей, и пулемет противника захлебывается. Пора менять позицию, поскольку мы уже обнаружили себя перед врагом.

Наконец настает очередь русских минометов. Узнаю характерные звуки залпов. Инстинктивно пересчитываю их. Раз, два, три, четыре. После первого веера попаданий мы вскакиваем и прячемся в двух свежих воронках. Грохочут новые взрывы, и на землю дождем летят новые осколки. Следует еще одна серия залпов, за ней другая и так далее. Они сливаются в сплошной гул. Каждый взрыв заставляет нас тревожно напрячься. Обстрел был худшим из всех, которые мне пришлось испытать до этого. Неумолчно грохочут взрывы, от которых мощно содрогается земля. Не знаю, сколько это продолжалось. Я не верил, что нам удастся живыми и невредимыми вырваться из этого кромешного ада. И все же, лежа под мощным обстрелом в воронках, мы изо всех сил вжимали тела в землю, надеясь, что каждый новый снаряд обязательно упадет мимо и пощадит нас. Однако, несмотря на наши чувства или надежды, нас никто не избавлял от необходимости прикрывать отступление товарищей. Неожиданно приходит спасение! В конце концов, в игру вступают наши 10.5 см горные гаубицы, обрушивающие свои смертоносные снаряды на огневые позиции вражеских минометов. Когда обстрел немного утихает, мы поднимаем головы над землей и видим, что никто из нас троих не пострадал, все живы и здоровы.

Устанавливается тишина, и в небо взлетает еще одна русская сигнальная ракета. Штурмовая группа, должно быть, уже вернулась на наши позиции. Почему же они никак не сообщили нам об этом? После нашего ухода прошло полтора часа. Скоро наступит рассвет. Неожиданно откуда-то сзади появляется посыльный и бросается в воронку рядом с нами. Он передает нам новый приказ. Мы должны оставаться на месте и прикрывать новый боевой дозор. Захваченный нами «язык» на обратном пути погиб. Батальонный решил довести дело до конца. Он отправил разведгруппу обратно, пообещав надежную огневую поддержку.

Посыльный уходит раньше, чем наши артиллеристы открывают огонь из гаубиц и минометов. Мы видим, как снаряды лавиной обрушиваются на русские позиции. Наша боевая группа

снова врывается в проход в минном поле, двигаясь быстрыми длинными прыжками. Огонь наших батарей прекращается так же внезапно, как и начинается. На русских позициях слышны звуки перестрелки из стрелкового оружия, но не такой сильной, как раньше. Неужели нам снова удалось захватить Иванов врасплох? Вскоре мы видим возвращающихся товарищей. Они все так же двигаются прыжками, отстреливаются, падают в снег, снова отстреливаются. На этот раз находившийся напротив нас пулемет молчит. На правом фланге неожиданно оживает наш пулемет, артиллерия обрушивает залпы на огневые позиции противника. В ответ открывают стрельбу русские минометы, пославшие дождь смертоносных осколков, которые заставляют нас снова крепко прижаться к земле. Но на этот раз целью обстрела становятся тылы, где по предположению противника уже находится наш боевой дозор.

Уже наступил рассвет, когда нам дают сигнал возвращаться. Все еще находясь на огромном открытом пространстве, мы хорошо видны противнику. Нам приходится пережить немало тревожных минут, прежде чем нам удается вернуться в окопы. Я уже не помню точно, как все было, в моей памяти осталось лишь то, что все это время продолжался обстрел из минометов и что наши артиллеристы прилагали все мыслимые усилия, чтобы подавить огонь противника.

Вернувшись на наши позиции, мы с огромным удовольствием закуриваем, радуясь тому, что остались живы. Для нас это было главнее, чем успех боевой операции, о котором мы пока ничего не знаем. Мы испытываем лишь неописуемое счастье, временное и абсолютно ложное ощущение физической целостности, нахлынувшее вместо страха смерти, который мучил нас два последних часа.

Я зашел в блиндаж, чтобы доложить о выполнении боевого задания. Батальонный еще не успел отправиться на командный пункт и сидел за столом вместе с командиром дозора и несколькими солдатами. Среди них был и русский пленный. Он курил сигарету, а переводчик задавал ему вопросы. Из него пытались вытянуть свежие разведывательные данные о наступлении русских войск, которого мы ожидали на Пасху. Здесь, на передовой, русский практически ничем не отличался от нас, немецких солдат, да и обращались с ним как с обычным солдатом. Я пришел к выводу, что наше задание увенчалось успехом. У нас оказалось всего двое убитых: посыльный, сраженный осколком шрапнели, и один солдат из штрафного взвода, своей гибелью искупивший вину. Их тела отправили в тыл.

Когда я вышел из блиндажа, в небе по-прежнему неподвижно висели облака, изменился лишь их оттенок.

Лишь после полудня я почувствовал, что осознал смерть посыльного. Мы с Штрикером отправились к Шаперу. Сквозь редкий лесок проникали лучи солнечного света, отбрасывая длинные тени на мерзлую землю. Перед блиндажом медицинского поста стояли сани, на которых лежало прикрытое плащ-палаткой тело. Штрикер приподнял ткань, и мы увидели неживое, восковое лицо посыльного. Он получил смертельное ранение в шею, и вся его куртка был заляпана замерзшей кровью. Я был потрясен увиденным. Мы потеряли товарища, которого хорошо знали.

В следующее мгновение я понял, что смерть всегда ходит где-то рядом. Она незримо следует за мной и моими товарищами. Так будет продолжаться до тех пор, пока будет продолжаться война и мы будем воевать в рядах нашей военной части. Теперь мне стала понятна мрачная, трагическая сторона солдатского долга, и в моем сознании возник вопрос: «Видишь? Как тебе это нравится?» С той минуты в меня вселилось понимание неизбежного характера смерти. Мысль о бренности бытия навсегда стала моим суровым спутником.

Штрикер осторожно опустил край ткани на лицо убитого. Мы отвернулись от нашего погибшего товарища и пошли дальше, слыша, как хрустит снег у нас под ногами. День понемногу угасал. Я заметил, что кора на стволах деревьев стала темнее обычного. Это был первый признак приближающейся весны.

Летние дни

1 июня 1944 года мне исполнилось девятнадцать лет. Свой день рождения я встретил в тундре, в местах северо-восточнее Киестники. В этот день полярная зима сменилась коротким северным летом. Последние две недели стояла теплая и ясная погода. Солнце уже высоко поднималось над горизонтом, и световой день длился около двадцати часов. Началась пора белых ночей. Мы любуемся игрой света, окрашивающего небо в самые невообразимые, сказочные оттенки. Снег растаял, уступив месту зеленому морю тундры. Земля снова задышала. В воздухе стоит густой запах сосновой смолы, почвы и мха. Поверхность земли пропитана влагой. Болота стали еще глубже и непролазнее, чем раньше, сделавшись настоящим рассадником неистребимой мошкары. Под елями и березками вспыхнуло буйное разнотравье. Глаз радуют яркие полевые цветы и всевозможные ягоды.

С наступлением нового времени года мы переходим на летнее обмундирование. Плотная теплая зимняя одежда заменяется легкими камуфляжными рубахами, на каски натягивается маскировочная ткань. Кстати, такого вида каски становятся характерной чертой наших боевых частей. Зеленые противомоскитные сетки, закрывающие лица, дополняют наш наряд, позволяющий полностью сливаться с просторами заполярной тундры.

Ожидаемое в конце зимы наступление русских войск так и не состоялось. Сейчас, когда земля раскисла и окружающая местность превратилась в болото, вести военные действие практически невозможно. На всем участке фронта, где дислоцировалась наша дивизия, наступило затишье. Пришло время передышки, особенно для тех взводов, которые постоянно находились в блиндажах, где у солдат сильно износились нервы за долгие месяцы несения охранной службы, когда постоянно приходится вглядываться и вслушиваться в темноту. Настало время отдыха от тягот боев и монотонных будней коротких промежутков между ними.

Мы старались максимально использовать солнечную погоду. Когда ветер немного отгонял мошкару в сторону, в редкие часы досуга мы выбирались в небольшую низину позади нашего блиндажа, и, раздевшись до пояса, загорали, наслаждаясь каждой минутой затишья, жмуря от удовольствия глаза. Стоило нам открыть их, как нашим взглядам представала весьма прозаическая картина — бледнокожие, незагорелые молодые мужчины выбирали вшей из швов нижних рубашек и мундиров.

То, что я находился среди них, было сродни чуду. Весной, когда наступила оттепель, я как-то раз отправился на наши старые позиции, чтобы повидаться с Генрихом. Был ясный погожий день. Вместо того чтобы обойти холм, я пошел прямо по траншее, которая, как я уже говорил ранее, была неглубока и представляла собой некоторую опасность для передвижения по ней. Я бежал по ней, лишь слегка пригибаясь. Неожиданно до моего слуха донесся пронзительный свист и шлепок пули, вонзившейся в стенку окопа возле меня. Я мгновенно бросился плашмя на дно окопа и быстро отполз в более глубокое ответвление траншеи. Когда я добрался до моего старого блиндажа, Генрих ужаснулся тому, как я выглядел.

— О, боже! Ты что, заболел? На тебе лица нет. Ты белый как мел.

— Со мной все в порядке, — отозвался я. — Все нормально. Просто я споткнулся в окопе и упал.

Генрих моментально все понял, потому что явственно слышал один-единственный винтовочный выстрел, нарушивший безмятежную тишину утра.

— Думаю, что мне не помешал бы добрый глоток шнапса, — виноватым тоном произнес я. — Да побольше, если ты не возражаешь.

Теперь, в утро моего дня рождения, настала очередь Генриха прийти ко мне. Он принес мне бутылку шнапса из своего месячного рациона. Мы сидели на солнце позади блиндажа и допивали то, что осталось после того, как я угостил парней из моего взвода. Я получил суточный отпуск. Шапер предложил мне побывать в дивизионном доме отдыха для солдат. По словам Генриха, он располагался в деревянном сооружении, построенном нашими саперами. Он тем не менее предупредил меня:

— Возможно, это будет совсем не то, что ты ожидаешь увидеть. Сходи и сам посмотри.

Через полчаса я отправился в путь. Не знаю, что было тому причиной, выпитый алкоголь, или прекрасная погода, или и то, и другое, но я шел вприпрыжку. Тропинка петляла по лесу, я поднимался вверх по склонам холмов и спускался вниз, переходил заболоченные низины и ручьи по настилам из досок и бревен. Я не переставал восхищаться небом Заполярья, его бескрайним голубым сводом, по которому были развешаны белые кучевые облака. Артиллерийские огневые позиции остались позади. Напряжение, которое я испытывал в последнее время на передовой, постепенно отпускало меня, и я почувствовал, как у меня становится радостно на душе.

Здесь, в зоне коммуникаций, земля сохраняла первозданную,

ничем не опороченную чистоту. За последний час я не встретил ни единого человека и лишь позднее увидел стадо коров, которое сопровождали на выпас два пастуха. Отойдя в сторону, я пропустил их и проводил взглядом. На плече у меня был небрежно накинутый ремень автомата, который должен был усиливать контраст между бесстрашным, закаленным в боях солдатом-фронтовиком, коим я считал себя, и мирным населением, живущим в тылу.

В поисках точки лучшего обзора я попытался найти какое-нибудь возвышение в стороне от тропы. С высоты безлесного холма открывался прекрасный вид на безмятежную всхолмленную болотистую местность, поблескивающую водную гладь далекого озера. Меня неожиданно поразила чистая суровая красота этого края, я испытал спокойную тихую радость на грани с блаженством. Все горести последних месяцев и страх смерти куда-то отступили. Я сел на камень, наслаждаясь волшебными минутами бытия, сентиментально желая заключить весь мир в объятия. Я был один и мог никого не стесняться и вскоре почувствовал, как слезы катятся по моим щекам. В моем романтическом настроении я зашел настолько далеко, что стал думать о том, что если мне суждено погибнуть на этой войне, то было бы неплохо погибнуть в этих прекрасных местах.

Вспоминая этот летний день 1944 года и пытаясь найти объяснения моему настроению, я думаю, что оно было вызвано тем, что я, молодой солдат, провел несколько счастливых минут, которые наша земля порой дарит людям, как, например, первым охотникам северной Карелии две тысячи лет назад, когда они бродили по пустынным землям этого замечательного края.

Меня вывели из этого радостного, почти эйфорического состояния и снова вернули на землю тысячи злобных комаров, неожиданно набросившихся на меня. Я подумал, что если хочу добраться до дома отдыха к обеду, то мне следует поторопиться.

Я прибыл на место вовремя и сразу же получил добрую порцию гуляша с лапшой. Мне довольно редко удавалось так насытиться, как сегодня, потому что молодому организму обычного пайка хронически не хватало. Чуть позже, покончив с едой и закурив сигарету, я стал наблюдать за тем, как две медсестры Красного Креста обслуживают посетителей у барной стойки и оживленно беседуют с солдатами. Я понял, насколько это замечательно, — увидеть молодых женщин и услышать их мелодичные голоса. Мы уже давно были лишены женского общества. Я почувствовал неловкость из-за того, что одет в пропахшую потом, не первой свежести форму и не слишком чистые сапоги. Наблюдая за милыми девушками в легких платьях

и белых передничках, я понял, о чем предупреждал меня Генрих. Мне стало неуютно. Когда одна из медсестер случайно коснулась моего лица своим платьем, я чрезвычайно смутился. Затем быстро встал, вышел наружу и отправился в кино.

Когда я смотрел кинохронику, у меня возникло впечатление, что дела на Восточном фронте обстоят для нас крайне неважно. На экране показывали боевые действия наших танковых и пехотных войск. Меня почему-то впервые поразило несоответствие изображения и неестественно бодрого голоса диктора, сообщавшего о каких-то фантастических победах вермахта. Вопреки всем намерениям пропагандистов возникло впечатление фальшивого, неуклюже сфабрикованного показа истинных событий.

Сеанс продолжился художественным фильмом «Это была превосходная ночь бала», в котором рассказывалось о жизни Петра Чайковского. По сюжету это была романтическая история, сопровождавшаяся музыкой великого композитора. Очевидно, я был не вполне готов к восприятию и того, и другого, особенно музыки. После долгих месяцев, проведенных в отрыве от культурной жизни, я испытал прилив эмоций и сильно растрогался. Мне стало жалко Чайковского, его возлюбленной Надежды Филаретовны, жалко самого себя. В конце фильма Чайковский, уже заболевший холерой, дирижирует оркестром, который исполняет его «Патетическую симфонию». Последние такты вызвали у меня слезы, и я поспешил выйти из зала. Снаружи ярко светило солнце, и вместо последних драматических эпизодов фильма я увидел умиротворяющую картину прекрасной летней природы. Мне захотелось поскорее вернуться в реальный мир и снова заняться исполнением солдатского долга.

Перед тем как отправиться обратно на позиции, я купил немного еды и конфет и решил не спешить и оставшееся время посвятить мирному отдыху под теплыми солнечными лучами и встретить закат на природе.

Сеннозеро

Когда настала новая неделя после дня летнего солнцестояния, началось наступление русских войск, которое мы так долго ожидали.

Сначала мы услышали отдаленные звуки канонады со стороны северного фланга. Затем огневой вал противника обрушился на позиции 12-го горно-пехотного полка войск СС, наших соседей слева. Обстрел был настолько силен, что первой волне русской пехоты удалось вскоре прорваться на передовые позиции полка. Тем не менее наши соседи стремительно провели контратаку и отбросили врага. Однако под прикрытием артиллерийского огня Иванам удалось закрепиться на новых позициях в опасной близости от линии фронта. Мы ответили массированным обстрелом из гаубиц и тяжелых минометов. В конечном итоге русские были вынуждены отступить.

Несмотря на потери, которые понесли обе стороны, эта боевая операция была лишь прелюдией грядущих великих событий. Следующие несколько дней канонада, доносившаяся с северного фланга, по-прежнему вызывала у нас тревогу. До нас дошли слухи: отважные норвежцы из лыжного батальона «Норвегия» были вытеснены со своего аванпоста. Остальные опорные пункты наших войск были, судя по всему, тоже оставлены. Среди них находился и тот, с которого мы в марте отправлялись в дозоры на земли озерного края. Мысль о причастности Маннхарда к происходящим событиям усиливала мою обеспокоенность, с которой я вслушивался в нескончаемые звуки канонады. Неужели он находился на одной из тех застав, что подверглись осаде противника? Жив ли он? Прошло несколько дней, но гром артиллерийских орудий не ослаб, а, напротив, усилился. Он не смолкал даже ночью, хотя ночей как таковых летом в Заполярье нет. Говорили, что с нашей стороны в бомбардировках позиций противника участвовали даже пикирующие бомбардировщики «штука», которые мы называли «летающей артиллерией». Они обычно применялись для уничтожения вражеских блиндажей, огневых укреплений и мостов.

В те дни мы впервые услышали название Сеннозеро, самого северного нашего опорного пункта. Это была местность вокруг большого озера, с бесчисленными болотами и редкими невысокими холмами. Там же находилось несколько жилых домов. Здесь, как нам вскоре стало известно, русские сосредоточили оперативную группу в составе семи батальонов,

цель которой состояла в том, чтобы открыть путь для прорыва большой группировки Красной Армии в тылы нашей дивизии.

В первых числах июля нас подняли по тревоге. Шапер ворвался в наш блиндаж в семь часов утра. Батальону в полном боевом снаряжении предстояло покинуть позиции в течение ближайших суток.

Оказавшись в тылу, мы обнаружили, что на командном пункте полка жизнь бьет ключом. Унтер-офицеры отдавали приказания различным подразделениям готовиться к сбору. Боевое снаряжение менялось и дополнялось, выдавался паек на несколько дней. Наконец, наш взвод выстроился для получения дополнительного вида довольствия. Оно вручалось за столом, установленным под елью, и представляло собой круглую металлическую банку с двумя круглыми плитками «шока-колы», темного шоколада, сдобренного кофеином, на одного человека. Подобная щедрость была явным признаком того, что дела предстоят серьезные.

Я хорошо запомнил эпизод, свидетелем которого мне довелось стать. Я впервые увидел наш взвод в полном составе. Все были одеты в камуфляжные костюмы. Головные уборы сняты, потому что ветерок отпугивал комаров. Лица у всех загорели от долгого пребывания на солнце в последние недели. Я увидел смелого и надежного Бинга с пулеметом на плече. Штрикера, чьи светлые волосы развевались на ветру. Польцера, пулеметчика из моего расчета, уроженца Южного Тироля, румяного и сильного. Бергера с простым открытым лицом рабочего. Старика и его парней, смеющихся над его шутками. Весельчака Шмидхена. Боймера, рядом с которым стоял Генрих, также державший на плече пулемет. Неожиданно меня охватила гордость за моих товарищей, за наш взвод и батальон, которые кажутся мне несокрушимыми.

Неподалеку стоят грузовики, места в которых нам предстоит занять. На крыльце сложенного из бревен домика мы видим знакомую невысокую фигуру. Командир дивизии провожает нас в поход. На его петлицах поблескивают серебряные дубовые листья. Он задумчиво смотрит вслед 2-му батальону, который отправляется на северный фланг для поддержки защитников опорного пункта Сеннозеро, мужественно отбивающих атаки врага.

* * *

Наступила полночь. Перед нами тянулась дорога, выстланная

бревнами и уходящая далеко на север. Она пролегала по всхолмленной местности и представлялась не вполне надежной. Каждый раз, когда мы поднимались на вершину очередного холма, а затем машина снова ныряла вниз, нам казалось, будто прямой ряд безлесных бугров тянется до самого горизонта. Прямо впереди, на севере, огромный красный диск солнца собирался взойти, чтобы начался новый боевой день.

Дорога закончилась возле Окуневой Губы, деревушки, состоявшей всего из нескольких изб. Она находилась на крошечном полуострове, точнее мысе, между двумя рукавами Елецозера. Судя по нескончаемой канонаде, до наших артиллерийских огневых позиций было рукой подать. Мы направились через полуостров по узкой тропе, ведущей на север. Идти было трудно из-за тяжелой боевой выкладки, ноги увязали во влажном пружинистом мхе. По обе стороны тропы тянулись густые заросли кустарника. На нас тут же набросились стаи мошкары. Шли мы медленно. По какой-то причине тропа то и дело обрывалась. В таких случаях мы бросали на землю оружие и коробки с боеприпасами и сами ложились на землю, устраивая кратковременный отдых. Неожиданно звуки канонады прекратились. Мы ждали команды двигаться дальше, не зная, кто нам встретится по пути.

Первое, на что мы обратили внимание, было похрапывание мулов где-то на тропе впереди. Затем над кустами показались их длинные уши и скоро они возникли перед нами, представляя собой целый караван с навьюченной на них поклажей. Это был скорбный груз — тела наших погибших товарищей из 6-го разведывательного батальона войск СС, найденных в зоне боев. Перекинутые через спины животных, они казались спящими, а вовсе не мертвыми. О том, что они мертвы, свидетельствовали лишь торчащие из рукавов неестественно белые руки. Это была длинная вереница, состоявшая из двадцати пяти — тридцати мулов, на каждом из которых лежало прикрытое плащ-палаткой бездыханное тело.

Мы встали и сняли фуражки и накомарники и в полной тишине проводили взглядами мрачную процессию.

За мулами шли солдаты, которые несли носилки с тяжело раненными товарищами. Их лица были залиты потом, они негромко чертыхались, когда спотыкались или их ноги увязали в вязкой болотной почве. Наконец путь был свободен. Мы подхватили с земли оружие и боеприпасы и зашагали дальше.

Добравшись до берега озера, мы стали ожидать прибытия парома, который должен был перевезти нас на другую сторону. Мы с Генрихом сели на землю у подножия сосны. Мой друг

принялся выстругивать палку с помощью финского ножа-пукко. Остальные солдаты нашего взвода собрались вокруг причала. Здесь были навалены в кучу коробки с боеприпасами, мешками с кормом для мулов и канистрами бензина для моторных лодок. Мы наблюдали за тем, как с той стороны к нам приближается паром. На корме виднелась одинокая фигура паромщика, стоявшего возле румпеля.

— Видишь этого парня? — спросил я Генриха. — Похож на Харона, переправляющего души умерших через Стикс. Что мы можем дать ему вместо оболов?

— Когда настанет наш час, — ответил мой товарищ, — мы отдадим ему все, что у нас есть. Не беспокойся, он с пониманием отнесется к этому.

Когда паром пристал к берегу, стало понятно, что понадобится наша помощь, чтобы разгрузить его. Это был все тот же груз: тела погибших, накрытые камуфляжной тканью. Миф превратился в реальность. Мулы скоро снова вернутся к причалу.

На другом берегу озера лежали лодки. Это были незатейливые на вид посудины: длина примерно четыре метра, плоское дно, квадратная корма и острый нос. Они были перевернуты вверх дном. Сделаны лодки были из легкого металла и выкрашены зеленой краской. Рядом с ними я увидел три мотора — два массивных цилиндрических блока, установленных на верхнем конце длинного ведущего вала. Впереди у мотора имелась рукоятка. К заднему концу вала крепился винт. Именно такие лодки часто показывали в кадрах кинохроники, когда они со штурмовыми группами на борту с ревом мчались по воде к вражескому берегу, оставляя за собой пенный след.

Мы ждали проводника, который должен был довести нас до Сеннозера. Чтобы скоротать время, мы столпились вокруг лодок, разглядывая их устройство. Мы продолжали беспечно болтать, когда кто-то прервал нас: «Тихо! Слушайте!» Шапер, стоявший на краю леса вместе с каким-то офицером и шарфюрером-сапером, позвал нас. Его спутники, судя по всему, только недавно прибыли на берег озера прямо с передовой. Мы тут же собрались вокруг них.

— Унтерштурмфюрер Маннхард из разведывательного батальона объяснит вам вашу задачу, — сказал Шапер и отошел в сторону, дав Маннхарду возможность продолжить.

— Части вашего батальона и наши подразделения в семь утра начинают прорыв на ту сторону Сеннозера. Повторяю, в семь часов. Эти части отправятся на подмогу тем батальонам, которые окружены на той стороне, на плацдарме Сеннозеро. В таком случае наши потери будут сведены к минимуму. Нам потребуется

огневая поддержка тяжелых пулеметов с этой стороны озера. Десантироваться будем вот на этих трех лодках. Это означает, что вам придется вовремя доставить их на берег озера. Расстояние — примерно семь километров. Все снаряжение взять с собой, здесь ничего не оставлять. Нам понадобится каждая винтовка, каждый пулемет и каждая патронная лента. Идти придется долго, и я знаю, что вам будет очень трудно, но с задачей нужно справиться так, как вы справлялись и раньше. — С этими словами он посмотрел на часы. — Пора. Не будем терять ни минуты.

Я огляделся по сторонам. На узком озерном берегу собрались только два наших взвода. Если по шесть человек понесут каждую лодку, и по пять — мотор, то на берегу останется лишь половина солдат, которой придется тащить снаряжение.

Выслушав наставления Маннхарда, я восхитился его способностью внушать подчиненным чувство долга и уверенности в собственных силах. Этот молодой офицер в видавшей виды полевой форме с лицом сурового воина, казалось, ничем не отличается от всех нас. Ради него мы были готовы пойти и в огонь, и в воду.

Каким-то образом нам удалось подобрать солдат примерно одинакового роста для лодочного десанта и солдат покрепче вроде Польцера и Бергера для переноски моторов. Лишнее оружие и боеприпасы привязали к груди и спинам остальных солдат. Мы быстро, без задержки, отправились в путь.

Тропа петляла по местности, где твердая почва сменялась болотами и ручьями, а непроходимые участки были выложены бревнами. Кое-где даже были сооружены небольшие мостки. Эта линия подвоза удовлетворяла нужды естественного передвижения для егерей и вьючных мулов, но совершенно не подходила для поставленной перед нами задачи. Лодки были значительно шире, чем протоптанная тропа и большая часть бревенчатого настила. Ощущая болезненную тяжесть лодочного планшира на плечах и шагая чаще всего сбоку от тропы, мы изо всех сил старались не оступиться, потому что это имело бы катастрофические последствия для всей нашей группы. Когда мы переходили по настилу первое болото, нам пришлось нагнуть головы под днищем лодки, которую при этом направляли лишь двое наших товарищей, державших ее нос. Тем, кто нес моторы, было легче, потому что они тащили их вчетвером, положив на две палки, и шли близко друг к другу. Пятый сзади придерживал хвостовую часть мотора. Остальные двигались цепью, неся самый трудный груз, их плечи и ноги постоянно сгибались под немалой тяжестью снаряжения.

После часа пути мы услышали чье-то громкое проклятие и

увидели, что лодка впереди нас полетела на землю. Мы тут же поставили свою ношу, радуясь нежданной передышке. Как оказалось, двое солдат, поскользнулись и по колено увязли в болоте, из-за чего лодка и упала. К счастью, при этом никто не пострадал.

Шапер, увешанный патронными лентами и коробками с боеприпасами, покинув хвост колонны и пройдя вперед, заметил, что солдаты близки к отчаянию и очень устали. Над верхушками деревьев уже появилось солнце. Тучи мошкары прилетели, привлеченные запахом человеческого пота. Было мучительно досадно признавать, что мы прошли лишь малую часть пути.

— Пошли дальше. Не растягиваться и шаг не сбавлять. Скоро отдохнем, парни, — сказал Шапер и помог нам вскинуть на плечи лодку. Остальные также подхватили свою поклажу, и колонна снова пришла в движение.

Теперь, преодолевая очередную преграду, мы старались проявлять осторожность и терпение. Выбравшись из болота, мы радовались тому, что снова ощущаем под ногами твердую почву, однако при этом нередко спотыкались о камни и пни. Время от времени мы останавливались, чтобы немного отдохнуть, но после отдыха идти было еще труднее, так, во всяком случае, казалось. Маннхард, шарфюрер-сапер и Шапер умело выделяли среди нас тех, кому было уже невмоготу двигаться дальше. Они подбадривали таких солдат, подменяли на время тех, кто нес моторы или брали у наших ослабших товарищей коробки с боеприпасами. Поход уже почти лишил нас последних остатков сил. Сердце бешено стучало в груди, жилы на шее вздулись жгутами, тела покрылись липким потом. Наши измученные тяжестью лодок и моторов плечи нещадно болели. Если бы только нашим ногам наконец удалось найти ровную твердую почву! Вместо этого нам по-прежнему приходилось мириться с прежними нескончаемыми препятствиями. Спотыкаясь и увязая в болотной топи, солдаты по-разному проявляли особенности темперамента. Раздавались ругательства и агрессивные выкрики различной громкости и на самых разных диалектах. Южнотирольский, например, был для слуха других солдат практически недоступен и представлялся набором непонятных звуков высокого тембра.

В конце похода нам было уже все безразлично. Мысли были направлены только на одно — только бы поскорее добраться до места назначения. Мы уже не обращали внимания на огонь русских артиллерийских орудий, снаряды которых падали все ближе от нас, по мере того, как мы приближались к Сеннозеру. В эти минуты нас не слишком занимали мысли о бое, в который

нам предстояло ввязаться в самое ближайшее время. Мы уже и думать забыли о караване с мертвыми телами, который встретился нам несколько часов назад. Тем временем будущие экипажи лодок двигались независимо друг от друга, ведомые своими собственными командирами. Промежутки между привалами стали все короче и короче. Маннхард, как овчарка свое стадо, подгонял нас вперед, то подбадривая, то покрикивая на нас.

В конечном итоге ему каким-то чудом удалось довести нас до цели. Спустя два с половиной часа мы добрались до места высадки. Оно располагалось позади холма, протянувшегося вдоль южного края Сеннозера. Отупев от усталости, мы передали лодки и моторы поджидавшим нас саперам, доплелись до бухты, где можно было найти укрытие от артиллерийского огня противника, и растянулись на земле. Мучимые жаждой, мы с жадностью припали к своим котелкам и фляжкам.

Вскоре меня позвали на совещание с командиром. Я посмотрел на часы. Шесть. У нас остается всего час. Я был рад воспользоваться представившейся возможностью поговорить с Маннхардом прежде, чем мы отправимся в бой. Я нашел его за приготовлениями к боевой операции. Он что-то обсуждал с Хансеном, нашим батальонным, который получил новое назначение: ему надлежало заменить раненого командира ближнего опорного пункта и возглавить боевую группу. Наши солдаты, оказавшиеся в кольце противника, вот уже несколько дней несли потери под ураганным огнем вражеских орудий и минометов и мужественно отбивали бесконечные атаки русской пехоты. По словам Маннхарда, противник временно захватил некоторые наши внешние позиции и даже смог прорваться близко к командному пункту, но в конечном итоге в результате рукопашного боя был отброшен назад. Новое назначение, похоже, было сродни самоубийству. Маннхард сказал, что ему надо идти, и показал на офицеров, собравшихся садиться в лодки, которые образуют первую волну атаки. Среди них был и Хансен, который ничем не отличался от простых солдат. На нем был такой же, как и у нас, камуфляжный костюм и каска, на плече ремень автомата. Кроме него, в первой волне атаки был и наш батальонный хирург.

— Берегите себя! — напутствовал их Маннхард. Я также пожелал им удачи.

Моя огневая позиция находилась на небольшом возвышении, с которого открывался хороший вид на озеро. На другом берегу, примерно на расстоянии километра, находилась деревушка под названием Сеннозеро, где отчаянно сражались за свою жизнь солдаты двух наших батальонов. Русским удалось блокировать

все сухопутные подходы к ней. Нашему десанту предстояло высадиться в небольшом заливе слева, который благодаря складкам местности оставался вне поля зрения врага. После того как лодки выйдут из-за холма, мысом вдававшегося в воды озера параллельно южному краю и пересекут открытое водное пространство, они неизбежно окажутся под огнем противника. Наша задача состояла в подавлении русских пулеметов, установленных на другой стороне озера справа. Поскольку солнце било прямо в глаза, я даже при помощи бинокля не смог обнаружить их замаскированные пулеметные гнезда. Мы решили немного подождать, потому что наши трассирующие пули немедленно обнаружили бы наше местонахождение. Штрикер опустил сошки пулемета на землю, вогнав их в мягкую влажную почву. Бинг установил на них ствол пулемета и подрегулировал прицел. Мы были готовы к бою.

Ровно в семь часов заговорили пушки и минометы. С нашей господствующей высоты мы могли видеть, как снаряды кучно ложатся там, где в восточной части озера находились предполагаемые укрепленные огневые позиции противника. Несмотря на грохот выстрелов, мы слышали рев лодочных моторов. Вскоре наш десант появился из бухты — сначала две лодки рядом, затем четыре и еще шесть. Они летели по озеру, задрав нос над водной поверхностью, оставляя за собой пенный след. Все сидели, пригнувшись, и лишь рулевые стояли на корме в полный рост, крепко сжимая руль.

Как только лодки оказались на открытом пространстве, рулевые резко крутанули румпель вправо, двинув влево по широкой дуге, взяв курс прямо на противоположный берег. Это было живописное зрелище! Лодки двигались очень быстро, и все равно это были всего лишь утлые суденышки, представлявшие прекрасную цель для огня вражеской пехоты. Сначала русские прекратили стрельбу — либо от неожиданности, либо вынужденные замолчать под ливнем нескончаемого огня нашей артиллерии. После нескольких минут, показавшихся мне бесконечностью, лодки влетели в бухту на противоположном берегу. Батальонный, Маннхард и солдаты первой волны атаки благополучно достигли цели.

Однако это было лишь началом порученного нам боевого задания. Спустя какое-то время лодки снова показались на поверхности озера. Они возвращались обратно, на нашу сторону. В бинокль я увидел, что они полны раненых. В этот момент Иваны, похоже, оправились от удивления. Над озером взлетел дождь трассирующих пуль. Стреляли из двух пулеметов, установленных на правой стороне озера. Пришла пора

действовать, теперь мы знали, откуда противник ведет пулеметный огонь. Бинг открыл ответный огонь — сначала одиночными выстрелами, затем долгими мощными очередями. Мне все еще было непонятно, насколько действенными они оказались. Тем временем лодки, разбросанные по всему озеру, ревя моторами, устремились в сторону наших позиций, спеша укрыться от смертоносного дождя пуль противника. Наши действия поддержал Генрих, открыв огонь из своего пулемета и быстро расстреляв целую патронную ленту. Теперь, похоже, мы кое-чего добились, — один вражеский пулемет замолчал, правда, второй вывести из строя нам еще не удалось. Однако лодкам посчастливилось выскочить из опасной зоны. Они, одна за другой, врывались в бухту на стороне наших позиций. Им снова повезло.

Судя по всему, Иваны наконец поняли серьезность сложившейся ситуации. Если они позволят нашим подкреплениям перебраться на ту сторону озера, то это создаст опасность для всей боевой операции — мы сможем разомкнуть кольцо блокады вокруг двух наших батальонов. Как бы то ни было, но наши огневые точки на южном краю Сеннозера сейчас стали целью их артиллерии и минометчиков, обрушивших на нас ураганный огонь. Тяжелые артиллерийские снаряды — главным образом от скорострельных 76 мм орудий — один за другим разрывались слева от нас, щедро осыпая землю осколками.

Когда стартовала вторая линия нашей атаки, по нашим новым лодкам и огневым позициям открыли беглый огонь вражеские минометы. У нас не было времени окопаться, но мы смогли найти укрытие в складках местности, прячась за огромным валунами. Поэтому когда лодки оказались на открытом пространстве и два русских пулемета открыли по ним огонь, мы также ответили противнику. Мы подсчитывали выстрелы из минометов и быстро прятались прежде, чем успевал разорваться очередной снаряд. Затем снова высовывались и выпускали мощные очереди по пулеметным гнездам противника. Теперь мы били по врагу более точно и на время вывели из строя два его пулемета.

До сих пор помню то восхищение, с которым я относился к рулевым лодок из саперного батальона. Мужественно выпрямившись в полный рост на корме, они вели свои суденышки вперед под шквальным пулеметным огнем противника и осколками снарядов, выпущенных из минометов.

Артиллерия противника безжалостно продолжала обстрел нашего десанта и вела дуэль с нашими орудиями. Благодаря тому, что они находились близ железнодорожной ветки далеко у

себя в тылу, их снаряды перелетали далеко за позиции наших пушек.

Мы ждали возвращения лодок. Шапер приказал нам переместиться в другое место на краю озера, потому что на нашей прежней позиции оставаться было опасно — туда слишком кучно били минометы противника. Я стал искать удобное место. Быстро, между двумя выстрела из миномета, перепрыгивая из воронки в воронку, мы приблизились к холму у берега озера. И вот тогда упал Бергер. Как выяснилось позднее, это было прямое попадания снарядного осколка. Он угодил в нашего товарища, когда тот бежал. Видимо, он немного отстал от других у него были коробки с боеприпасами и бежать ему было тяжело. Я отправил одного из моих солдат посмотреть, что с ним. Тот вскоре вернулся с серым, как пепел, лицом. Он сообщил, что Бергер мертв.

Мы увидели, что лодки снова возвращаются с новой партией раненых. На этот раз минометный обстрел противника еще больше усилился. У наших лодок не оставалось выбора. Они отказались от движения зигзагом и теперь мчались прямо вперед под огнем противника. Один из русских пулеметов снова ожил. Выпущенные из него трассирующие пули попадали в самую гущу нашей флотилии. В следующее мгновение мощным огнем двух пулеметов мы снова заставили его замолчать, однако один из рулевых был убит. Его лодка беспомощно закрутилась на воде, но кто-то из членов экипажа вовремя перехватил румпель, и она благополучно вошла в бухту.

Орудийный огонь, которым обменивались противоборствующие стороны, усилился до адского грохота. Итог боя с каждой секундой становился все более сомнительным. Однако в следующее мгновение в небе неожиданно появились «штуки». Они уже много лет не вылетали на боевые задания на данный участок Восточного фронта. Обычно их использовали в других краях, и чаще всего они бомбили конвои американских кораблей в морях Северного Ледовитого океана.

Их отправляли на выручку сухопутным войскам в тех местах, где возникала критическая ситуация, как, например, на плацдарме Сеннозеро. Боевых крылатых машин было три. Они казались мне похожими на хищных птиц. Да они и вели себя как пернатые хищники, яростно обрушившись на вражеские окопы и огневые позиции русской артиллерии. Душераздирающий вой их сирен дополнял картину абсолютной власти самолетов над своими жертвами, которым происходящее наверняка казалось кошмаром.

Обстановка качнулась в нашу пользу. Под прикрытием

«штук» лодки с нашим десантом благополучно достигли противоположного берега. На этот раз они доставили лишь боеприпасы и продовольствие. Над вражескими позициями вздымались клубы черного дыма. Скорее всего, наши летчики разбомбили вражеский артиллерийский склад. Орудийный и минометный огонь со стороны противника временно прекратился. Заметив результаты первой бомбежки, «штуки» обрушили на укрепления русской пехоты огонь своих пушек. Сделав еще один заход над полем боя, они улетели обратно. Враг был застигнут врасплох во второй раз за этот день, и его моральный дух был явно сломлен.

Прошло некоторое время, и солнце оказалось у нас за спиной. Перестрелка постепенно стихала. Мы по очереди ложились поспать. Проснувшись и сразу же вспомнив события последних двенадцати часов, я чувствовал, что мои ощущения складываются в какую-то странную нереальную картину. Постоянный яркий солнечный свет, недостаток сна и огромная физическая усталость — именно они и вызывали такое необычное полусонное состояние. Где-то сзади, на холме, с которого мы недавно вели огонь по другому берегу, осталось тело убитого Бергера, накрытое плащ-палаткой. Мне вспомнились наши с ним разговоры в блиндаже. При простодушной, бесхитростной любви этого парня к фюреру, его воля к жизни могла бы быть сильнее, если бы этим утром судьба поставила его перед выбором. Такого выбора у него не оказалось, и он погиб, сохранив незапятнанной верность своему кумиру.

Ближе к вечеру мы получили приказ возвращаться. Мы начали осторожно спускаться вниз по склону холма, неся на плащ-палатке тело нашего погибшего товарища. К нашему удивлению, обстрел со стороны противника прекратился.

По пути обратно на место сбора мы прошли по низине, где наши товарищи несли на носилках раненых, тех самых парней, которых удалось вывезти из окружения. Многие из них выглядели крайне неважно и находились на грани жизни и смерти. Я увидел раненого командира блокированного гарнизона. Его лицо заросло многодневной щетиной, одна рука была перебинтована. Он сидел на корточках возле носилок, на которых лежал молодой офицер с восковым лицом. Командир, увидев нас, попросил передвинуть носилки в тень. После этого он оставался возле раненого, что-то успокаивающе говорил ему, держа за руку.

— С тобой все будет в порядке. Скоро тебя подлечат, и ты выздоровеешь, — приговаривал он.

Однако жить молодому офицеру оставались считаные минуты, и мы все прекрасно понимали это. Прежде чем

умирающий потерял сознание, я услышал, как он прошептал своему командиру:

— Никогда… не предавайте… фюрера!

Лишь сейчас я понял, что в тот день среди равнин и холмов северной Карелии мы увидели умирающего офицера, пытавшегося показать свою преданность воинскому долгу в свой последний, смертный час.

Несмотря на все то, что нам пришлось пережить за последние часы, мы не надеялись на продолжительный отдых. Немного еды из пайка, несколько глотков чая, полтора часа глубокого, бездонного сна — лишь на это мы могли надеяться в подобных обстоятельствах. Нас ожидало новое срочное боевое задание, и, кроме того, следовало как можно быстрее доставить раненых в тыл.

Что на это можно сказать? Разве другим подразделениям, участвовавшим в этой операции, было лучше, чем нам? Разве нам не повезло, по сравнению с другими солдатами, ранеными и убитыми? Поэтому мы со спокойным стоицизмом поделились друг с другом боеприпасами и отправились собирать раненых. На этот раз наша поклажа была значительно легче, чем утром. Но разве мы не расстреляли сегодня целую уйму патронов? Когда мы подняли носилки и понесли вперед наших стонущих от боли товарищей, изо всех сил балансируя на неверной тропе, нам не верилось, что у нас хватит сил благополучно проделать обратный путь.

До нас не сразу дошел смысл нашего следующего задания. Мы предполагали, что боевая группа в Сеннозеро, даже вместе с подкреплением, сможет вырваться из окружения без существенной помощи извне. Мы полагали, что нашим товарищам из осажденного гарнизона повезет и они смогут спастись. Однако мы не знали, что батальон 12-го горно-пехотного полка войск СС пробирается через болота к северной части озера, чтобы атаковать части противника с тыла. Наша задача, как выяснилось позднее, состояла в том, чтобы выйти к южной части Сеннозера, нащупать левый фланг русских войск и произвести ряд атак, чтобы связать действия противника в этой местности.

Доставив раненых на сборный пункт, мы отправились обратно, но свернули с тропы и взяли курс на восток. Нам предстояло идти по совершенно незнакомому краю. Раньше разведывательные дозоры на участок между Сеннозеро и Елецозеро еще ни разу не отправлялись. Места эти считались непроходимыми для войск любого рода. Считается, что горные егери являются единственными мобильными войсками,

способными преодолеть местность любой степени сложности. Однако здешние сложности превосходили все мыслимые масштабы. Лес был полон всевозможных препятствий: стволов деревьев, практически повсюду устилающих землю, густых зарослей кустарника, валунов, ручьев и болот, которые снова и снова вставали у нас на пути, серьезно затрудняя передвижение. Среди моря зелени часто встречались уходящие свечами в небо старые сосны, лишенные коры и как будто беззастенчиво выставляющие напоказ гладкую серебристо-серую поверхность стволов. Они были давно мертвы, но все еще сохраняли вертикальное положение, символизируя идеальную сохранность в условиях здешнего сурового климата. За исключением доносившихся до нашего слуха звуков отдаленной канонады, в лесу стояла зловещая тишина. Постоянное отсутствие привычной ночи и причудливая игра солнечного света, по-моему, усиливали тот ужас, который большинство из нас испытывали в этом незнакомом, диком царстве леса.

Мы шли вместе с солдатами 13-й роты сначала цепью, следуя за передовым дозором, прокладывавшим тропу, а затем боевым порядком. Вскоре мы вышли на относительно открытое пространство. Мы были в пути вот уже несколько часов, когда неожиданно наткнулись на русский обоз, направлявшийся к озеру. Не раздумывая, мы тут же атаковали врага. Вспыхнул бой с применением всевозможного стрелкового оружия. Когда сопротивление Иванов ужесточилось, мы поняли, что наткнулись на свежее подкрепление противника, одержать верх над которым нам не удастся. Мы отступили и поспешно принялись окапываться. Нашему пулеметному расчету пришлось спрятаться за невысоким бугром, с которого открывалось отличное поле обстрела.

На этих импровизированных позициях нам пришлось оставаться в течение шести следующих недель.

Пока продолжались бои за Сеннозеро, мы прилагали все возможные усилия, чтобы сделать жизнь русских войск на левом фланге максимально невыносимой. В первую неделю несколько дней прошли без боев по обе стороны этой импровизированной линии фронта.

Наша защита от вражеского артиллерийского огня была слабой. О создании фортификационных укреплений не могло быть и речи. Любое движение в полный рост мгновенно вызывало на себя бешеный огонь противника. И все же в короткие часы сумерек нам удалось защитить наш окоп подобием крыши из веток, накрытых плащ-палаткой. Это помогало укрыться от дождя. Для того чтоб спастись от влаги, просачивающейся сквозь землю,

мы положили на дно нечто вроде решетки из тех же веток.

Следующим из моего пулеметного расчета погиб Польцер. Мы не сразу это заметили. Он находился в карауле, когда начался артиллерийский обстрел. В короткий промежуток между выстрелами я выполз из окопа и увидел, что он, как обычно, сидит за пулеметом. Когда он не откликнулся на мой зов, я сначала не придал этому особого внимания и отправился проверить других караульных. Вернувшись обратно, я заметил, что Полыдер лежит безвольной массой. Щеки были серыми, как пепел, глаза незряче смотрели куда-то в пространство. Небольшая рана в левом виске была единственным свидетельством того, что осколок пробил ему череп, вонзившись прямо под краем каски.

В конце июля русские прекратили наступление на осажденный гарнизон Сеннозеро. Наш соседний полк вырвался из окружения, и дальнейшие яростные атаки русских войск, сопровождавшиеся сильными потерями с их стороны, оказались бесплодными. Наша дивизия одержала победу и удостоилась упоминания в сводке Верховного командования. На нашем участке фронта русские отступили и как будто исчезли куда-то. Через несколько дней мы отправили разведывательную группу во вражеский тыл, которая провела там полный день. Мы двигались вперед клином и время от времени останавливались. Такой маневр мы назвали войной с индейцами. Мы осматривали зеленое море лесов в бинокли в поисках затаившегося врага, который мог находиться на любом расстоянии от нас. Окоп или замаскированное орудие могли быть спрятаны где угодно. Мы искали необычное в том или ином месте возвышение, камень, слишком высокий пень и тому подобное. В тот день нам повезло, и мы взяли несколько пленных. Однако в короткой стычке с врагом ранили нашего Старика. Пулей ему раздробило кость руки. Его пулемет теперь нес Генрих.

Парадоксально, но наше боевое задание проходило в условиях удивительно красивой природы. В места между Сеннозеро и Елецозеро рано пришла пора золотой осени. Из-за дождей и ночных заморозков конца августа листья берез неожиданно вспыхнули новыми яркими красками. Из зеленых они стали желтыми, розовыми и красными. Огненно-алым пылали ягоды на кустиках клюквы. При ярком солнечном свете мох на камнях и стволах поваленных деревьев отливал благородной медной патиной.

Однако в те дни мы не ценили очарования величавой северной природы. Наши мысли были заняты исключительно войной. Поскольку мы пробыли в районе Сеннозеро бессменно вот уже много недель, жизнь казалась нам ужасной и сводилась к

элементарным нуждам выживания: еде, поиску тепла и надежного укрытия, отдыху, сну. Мы были вынуждены постоянно оставаться начеку, чтобы выжить в условиях «индейской войны».

Особенно мы были не готовы к тем великим событиям, которые ожидали нас в ближайшем будущем. Всего через несколько дней обстановка в Финляндии приняла совершенно непредсказуемый оборот.

В плену в Германии

Со сторожевой вышки нашего нового поста прозвучали звуки горна. Торжественная красота этого звукового сигнала приглашала к сбору всех обитателей лагеря, американских военнослужащих и немецких пленных, навевая спокойные и меланхоличные мысли. Наступил май второго года моего плена.

Два месяца назад я закончил работу над предыдущей главой, в которой рассказывал о боях в районе Сеннозеро. Госпитальную клетку в Ромильи закрыли вскоре после того, как лагерь опустел. Говорят, что большую часть пленных передали французам, других отпустили на свободу — больных и тех, кто имел какой-нибудь привилегированный статус. Например, Вальтеру каким-то удивительным образом восстановили его австрийское гражданство и быстро отпустили. Большинство из нас, тех, кто относился к больничному персоналу лагеря, отправили в училище военной полиции США, которое находилось на территории Германии.

Фактически мы были придворными королевского двора, набранными из заключенных лагеря для военнопленных в Ромильи: лакеями, официантами, санитарами, поварами и кухонными рабочими, всевозможными ремесленниками, садовниками, музыкантами (имелся настоящий оркестр), кучерами (водителями), уборщиками и так далее. Мы даже имели ливреи в виде аккуратной формы армии США, украшенные огромными буквами «PW», «военнопленный» от английских слов «prisoner of war».

Новым местом заключения должны были стать бывшие казармы ныне несуществующего люфтваффе неподалеку от Бремена. Удивительно, но бомбардировки англо-американской авиации почти не разрушили этот город в отличие от других крупных населенных пунктов к северу и югу от него. Казармы люфтваффе были построены из привычного нам красного кирпича и внешне выгодно отличались от невзрачных казарм французской армии. Здесь, как я уже говорил, размещалось училище военной полиции США. Мы, пленные, разбили палатки внутри огромной прямоугольной клетки, обтянутой колючей проволокой и охранявшейся часовыми у входа и на двух сторожевых вышках. В общем, все как обычно.

Мысль о том, что я вернулся в родную страну, но все еще не свободен, еще больше усиливала тяготы моего плена. Когда поезд, наконец, выехал из Ромильи, это показалось мне многообещающим началом. Будущее представлялось не таким уж

безрадостным. Мы ехали домой, и одной мысли об этом было достаточно для того, чтобы наполнить нас радостным ожиданием. Чем глубже мы въезжали на территорию Германии, тем большее воодушевление я испытывал. Вскоре мы увидели вершины Гарца, возникавшие из легкой дымки на востоке. Затем мы повернули на север, и пейзаж изменился. Все чаще на глаза попадались ужасные раны на многострадальном теле моей родной страны, оставленные в последние годы войны. Мы ехали все дальше и дальше и видели на своем пути разрушенные вокзалы, города и промышленные зоны. А что еще мы ожидали увидеть? Какое-то чудо? Мы миновали Маннгейм, Кассель, Ганновер и Бремен. Никакого чуда не было. Нам пришлось столкнуться с суровой реальностью послевоенных дней.

Между островками разрушения возникали деревни и сельскохозяйственные угодья, которые были в полном цвету, так как уже наступил май. Это были своего рода символы надежды на возрождение. Придет время, и наша страна восстанет из руин, расцветет, как эти поля и сады, и счастье придет в каждый дом под красной черепичной крышей. Мне почему-то вспомнились довоенное детство и урок французского языка в школе. Это было в 1940 году, в те дни, когда мы одержали победу над Францией. Наш учитель предложил для анализа цитату из речи маршала Петэна. Слова французского командующего тогда произвели на меня глубокое впечатление. Я попытался представить себе чувства, которые испытывала побежденная нация. Это было обращение к народу, который призывали не терять бодрости духа. Я попытался вспомнить их, это было примерно следующее: «Французы!.. Страна не отвергнет нас. Она остается нашим пристанищем, наша страна как таковая. Невозделанное поле — это часть Франции, которая умирает. Вспаханное заново поле — это та часть Франции, которая возродится…»

Слова надежды и ободрения. Если бы только мы сейчас были свободны и могли помочь нашей стране возродиться из пепла…

Вопросы свободы мы совсем недавно обсуждали в разговоре, в котором принимали участие Петер, наш капеллан и я. Это было после церемонии освящения нашей новой часовни, располагавшейся также в палатке, куда меня затащил мой товарищ. Во время проповеди капеллан пытался успокоить прихожан рассказом о надежде и вере, убеждал верить всех — и тех, кто на свободе, и тех, кто пребывает в неволе. Он говорил о том, что надежда сродни лучу спасительного маяка.

Петер похвалил проповедь и признался, что она воодушевила его. Я решил, что тоже должен выразить свои чувства.

— Извините, святой отец, — сказал я, — но дома я редко

посещал храм. Но я могу понять, какое значение для верующих имеет утешение. Надежда окрыляет людей, придает им силы.

— А как же вы сами? — с улыбкой поинтересовался священник.

— Боюсь, что я не питаю радостных надежд. Должно быть, тому виной моя некрепкая вера. Мне почему-то кажется, что я попал в ловушку.

— Мне жаль вас, сын мой, — сказал он. — Но вы хотя бы согласны с моими рассуждениями о свободе?

— Я понимаю, что вы имели в виду свободу воли и свободу почитания Бога как последнее утешение нам, страждущим. Это верно. Прошу простить меня, святой отец, но мне кажется, что наша главная проблема здесь — желание поскорее выбраться отсюда. В этом, по-моему, и заключается свобода — возможность распоряжаться собственной судьбой.

— Все правильно, и все же я настаиваю на своей точке зрения. Даже за стенами лагеря вы не будете таким свободным, как думаете. Всегда существуют моральные обязательства, или требования закона, или простое «хочу», которое ограничивает вашу свободу. Осмелюсь заметить, что в этой клетке свободы больше, чем вы имели в последние годы, когда были солдатом. Разве не так? Я без колебаний пойду в рассуждениях даже дальше: вы даже можете сказать в свою защиту, что были освобождены.

Хотя подобные утверждения я слышал и раньше, меня все-таки потрясло услышанное.

— Как вы можете говорить такое? Я должен напомнить вам о жителях Бремена, лишившихся крова в результате бомбежек вражеской авиации, о миллионах людей, изгнанных с востока. Как, по-вашему, они чувствуют себя освобожденными? Что же касается меня, то я пошел на военную службу добровольно.

— Именно это я и имею в виду. Вы были связаны моральными обязательствами, вашей собственной волей, подобно тому, как другие связаны обычаями или религиозными догмами. Именно в духовной сфере возникают самые строгие ограничения личной свободы. Но поскольку теперь вы свободны от прежних обязательств, то вы обрели большую свободу, которой спокойно можете пользоваться здесь.

— Насколько я вас понимаю, обязательство моего личного выбора было заменено обязательством, которое моим выбором отнюдь не являлось.

— Главный выбор — выбор между жизнью, обращенной к Господу и отвращенной от него. В нем вы совершенно свободны, поступайте, как хотите. Тот, кто действительно верит, всегда

свободен в желании вести жизнь, угодную Богу. Вот что самое главное.

— Всегда ли? А что вы скажете о жизни под игом большевизма? Разве люди, страдающие от него, свободны в том смысле, который вы вкладываете в свои слова? Я сомневаюсь в этом, очень сильно сомневаюсь. Хотя, давайте предположим, что вы все-таки правы, но в таком случае нам придется примириться с большевизмом. Что вы на это скажете?

— Мой дорогой друг, это всего лишь вопрос веры.

Если только ваша вера крепка, то главным в вашей жизни будет только она. Вера способна двигать горы.

Я не смог найти утешения в убежденности священника. В конечном итоге такая вера заканчивается подчинением тем обстоятельствам, в которые вы попадаете волей судьбы. Вера обещает духовное спокойствие, подобно тому, как величавые звуки горна навевают торжественные мысли. Она приводит вас в состояние согласия, покорности. Кажется, будто она призывает вас замолчать, не беспокоиться, смириться с происходящим, убеждает, что все не так уж плохо. Когда-нибудь тебя освободят, а пока спи и верь мне, сон — великий утешитель.

Однако наши дни в лагере были главным образом наполнены бытовыми проблемами и в значительно меньшей степени — спорами о свободе и смирении. Оказывается, жизнь при королевском дворе более полезна, чем мы сначала предполагали, по крайней мере, в отношении тех обязанностей, которые мы с Петером должны были исполнять. В то время как мой товарищ по-прежнему работает помощником американского дантиста — это занятие ему очень нравится, — моим господином и властелином является юрист из Чикаго.

Он носит звание капитана армии США и его фамилия Герберт. Он отвечает за юридическую подготовку в нашем училище. Капитан Герберт лично читает нам курс уголовного права. Он красивый мужчина, немного полноватый, примерно того же возраста, что и мой отец. У него длинные блестящие, уже начавшие седеть волосы. Его отличают властные манеры, он внушает уважение. Я перепечатываю на машинке его лекции по темам «Убийство», «Непредумышленное убийство», «Грабеж», «Воровство» и так далее. Утром он расхаживает по своему кабинету и диктует мне своим сочным басом с раскатистой «р».

Я печатаю не очень хорошо, но это не так важно, как я выяснил на моем первом собеседовании с капитаном, состоявшемся шесть недель назад. Ему было очень трудно найти среди персонала тех, кто умел бы печатать под диктовку, не делая орфографических ошибок, особенно в словах латинского или

саксонского происхождения. Моя проблема состояла в том, чтобы делать как можно меньше опечаток, пытаясь поспевать за диктовкой, работая лишь двумя пальцами.

Тем не менее наши отношения сложились. Эта работа приносила мне удовлетворение, ведь передо мной открывался совершенно новый мир знаний. Взгляд на мир с точки зрения закона казался мне чрезвычайно привлекательным. Это даже изменило мое отношение к Нюрнбергскому трибуналу. До недавнего времени оно было иррациональным, и я не мог точно выразить его словами. Отныне я стал расценивать его с юридической точки зрения, с учетом легальных процедур. Я понял, что такое толкование тех или иных статей закона, что такое свидетельства и так далее. Мой новый жизненный опыт явился чем-то вроде упрощенного, точнее элементарного юридического образования. Он представлялся мне очень интересным и позволял более критично и менее эмоционально относиться к жизни.

Я получил свой первый урок однажды вечером, когда капитан Герберт поздно вернулся в свой кабинет, чтобы забрать распечатку текста, который он диктовал утром. Шеф остался доволен моей работой и был в приподнятом настроении. Герберт предложил мне сигарету и поинтересовался, нравится ли мне работать у него. Я признался, что работа мне интересна, и упомянул о том, что удивлен тем, что является основой военного уголовно-процессуального права. Судя по всему, мое признание показалось ему любопытным. Он понял мои сомнения и предложил, не стесняясь, задавать любые вопросы.

— Немцу трудно поверить в справедливость, оказавшись в руках у трибунала, учрежденного победителями для суда над побежденными, — сказал я.

— Конечно, международный военный трибунал стал результатом победы над Германией, — начал капитан. — Тем не менее политическая идея состоит в том, что это не месть, а превентивная мера. Предупреждение будущих военных преступлений. Мы исполнены решимости принять меры по недопущению будущей военной агрессии. Подумайте о том, что пришлось пережить народам в годы Первой и Второй мировых войн. Это не должно повториться вновь. Агрессор должен получить внятное и весомое предупреждение. И все равно это юридическая процедура, а не простая политическая акция.

— Вы хотите сказать, что над всем главенствует закон? Но почему немцы обязаны подчиняться ему? Мы не подотчетны этому закону. Разве это не сомнительно — обвинять подсудимых в соответствии с чужим для них законом? Боюсь, что народ

посчитает этот закон и соответствующие судебные процедуры обычной фикцией.

— С юридической точки зрения нет ничего противоправного в том, что союзники судят страну, совершившую военные преступления. Нет никаких сомнений в том, что после падения Третьего рейха державы-победительницы получили право на исключительную власть в побежденной стране. Законы международного военного трибунала юридически обоснованны и обязательны для исполнения, как и любые другие законы.

— Но разве это справедливо? — настаивал я. — Они ведь были установлены не сразу, а спустя какое-то время, верно? В 1930-е годы не существовало никакого военного уголовно-процессуального права. Я где-то читал, что это является нарушением старого юридического принципа, заключающегося в том, что подсудимый не может быть наказан без предварительного легального предупреждения. Говорят, что этот принцип берет начало еще в римском праве и признан во всех цивилизованных системах законодательства.

— Это весьма формальное возражение. Не стоит обольщаться на сей счет. Вы не можете серьезно отрицать, что преступления против человечности, такие как убийство, изнасилование, депортация и прочие различные преступления, известны вот уже много веков и признаны таковыми среди цивилизованных народов.

— Да, я понимаю вас: нарушение прав человека, — признал я. — Однако чем больше все стороны вовлекаются в широкомасштабную войну ради собственного выживания, тем быстрее начинают ветшать эти признанные человечеством законы.

В целом я согласился с тем, что нарушение прав человека подлежит наказанию, однако с новопризнанными преступлениями дело обстоит не так. Сообщив об этом, я продолжил:

— Что вы скажете о так называемом преступлении подготовки к агрессивной войне, главном преступлении, рассматриваемом трибуналом? Ведь раньше такого наказуемого преступления не было, не так ли?

— Видите ли, следует обратить внимание на то, признает ли суд вину по данному пункту обвинения, — ответил капитан. — Но, по крайней мере, ведущими юристами многих стран было признано, что после Первой мировой войны агрессивные войны считаются запрещенными мировым сообществом.

Я испытал воодушевление от спокойного тона капитана Герберта, неторопливо и терпеливо объяснявшего юридические

аспекты интересовавшего меня вопроса.

— Есть еще один вопрос, — продолжил я, — который занимает меня с тех пор, как я в лагере во Франции прочитал о международном военном трибунале, — положения о преступном сговоре и уголовном характере отдельных организаций. Меня чрезвычайно огорчило то, что преступными были признаны регулярные боевые части, в том числе и войска СС.

При моем упоминании войск СС благодушное настроение капитана Герберта явно пошло на убыль. Однако он и дальше продолжил играть роль мудрого наставника, обучающего неразумного ученика.

— Вы наверняка понимаете, — начал он, — что преступный характер СС сегодня очевиден всем людям, как немцам, так и людям других национальностей, разве не так? Теперь позвольте мне в свою очередь спросить вас: следует ли мне углубляться в эту тему? Суд непременно займется ее изучением.

Я дошел до довольно опасной черты, однако я понимал, что не следует сразу уходить от данной темы, чтобы не вызвать в нем подозрений, и поэтому продолжил.

— Позвольте я вам все объясню. Один мой друг был офицером войск СС. Он отличался благородством и безупречной репутацией храброго солдата. Его убили в бою. Из того, что мне довелось в последнее время читать, следует, что если суд объявит войска СС виновными в военных преступлениях, то этот человек посмертно будет признан преступником просто потому, что в 1942 году стал служить в этих войсках. Более того, его сослуживцы, оставшиеся в живых, также будет признаны таковыми, невзирая на степень их личной вины. А как же тогда быть с принципом личной ответственности, о котором вы говорите в своих лекциях? Как же он вписывается в законы международного военного трибунала?

Герберт встал и бросил на меня задумчивый взгляд. Затем подошел к полке и стал что-то искать на ней. Из-под стопки бумаг он рывком вытащил какой-то документ. Это оказался закон международного военного трибунала. Полистав, капитан нашел нужное место, содержавшееся в Статьях 9 и 10.

— …трибунал может в ходе судебного процесса против одного человека или группы людей или организации в связи с деяниями подсудимого, в которых он признан виновным, объявить такую группу или организацию, в которой состоял обвиняемый, преступной организацией… В подобном случае любая из четырех держав-победительниц может привлечь любого бывшего члена такой организации к суду; таким образом, преступный характер такой организации является неоспоримым.

Капитан Герберт ненадолго задумался над прочитанным и продолжил:

— Я не думаю, что личная вина останется неучтенной при рассмотрении дела о членстве в подобных организациях. Если суд признает ту или иную организацию виновной по Статье 9, то он определенно примет меры предосторожности против групп членов организаций, чья вина может пользоваться плохой репутацией. С другой стороны, если мы решили проявить справедливость к тем, кто пострадал от действий СС, то будет недопустимо позволить подсудимым поднять вопрос о том, была ли СС преступной организацией.

Я почувствовал, что капитан Герберт преуменьшает обвинения в адрес войск СС.

— Простите мою настойчивость, господин капитан, но я недавно упомянул о преступном сговоре, в котором обвиняют солдат. Им инкриминируют совершение преступлений против мира, их считают виновными в военных преступлениях и преступлениях против человечности. Я нахожу немыслимым само предположение о том, что сотни тысяч немецких солдат могли преднамеренно объединиться для совершения именно таких преступлений. Как можно доказать подобное? На скамье подсудимых ведь пока нет ни одного солдата из войск СС.

Капитан по-прежнему сохранял спокойствие, даже невозмутимость. Ему суд международного военного трибунала казался всего лишь одним из массы судебных процессов. Он немного подумал и сказал:

— Как я уже сказал ранее, есть немало людей, которые считают, что преступления СС в целом известны им, и поэтому тот, кто состоял в этой организации, должен рассматриваться как инструмент преступлений. Однако лично я сомневаюсь в том, что обвинение в преступном сговоре может быть удовлетворено в целом. Само определение сговора остается достаточно спорным, даже в Соединенных Штатах. Не исключено, что суд не станет рассматривать его как часть международного закона.

Слова капитана Герберта заставили меня прийти к решению прервать дальнейшие рассуждения на эту щекотливую тему. Наш разговор, по-моему, зашел слишком далеко. Размышляя над этим, я понял, что есть смыл в обвинении тех, кто нарушает права человека. Однако с тем, что все члены СС поголовно виноваты в преступлениях, якобы признанных всем человечеством, я не согласен. Ведь из этого следует, что добровольцы, вступавшие в эту организацию, изначально имели бесчестные намерения. Какое безнадежное противоречие между этой логической структурой и реальностью! Перед моими глазами возникает вереница мулов,

везущих мертвые тела моих товарищей, которые погибли в боях за Сеннозеро. Вижу Бергера, вспоминаю молодого офицера, который завещал нашему командиру оставаться верным своему солдатскому долгу. Эти люди верили в честь и правоту дела, которому присягали. Какая страшная переоценка былых ценностей! Как верна строка Шекспира: «…. где мерзость справедлива, а справедливость так омерзительна».

Через несколько дней я нахожу на столе в своем кабинете конверт с письмом от капитана Герберта. В нем отчет о свидетельских показаниях Рудольфа Гесса, бывшего коменданта концлагеря «Аушвиц».

Прочитав его, испытываю состояние крайнего смятения, в котором пребываю до сих пор. Три миллиона людей прошли через газовые камеры или были замучены голодом всего за двадцать семь месяцев на территории лишь одного концентрационного лагеря! Это означает, что за один день убивали три-четыре тысячи человек. Включая воскресенья и праздники. Подобное просто уму непостижимо! Разум не способен принять такое, однако Гесс сам подтвердил эти цифры во время допроса на судебном заседании. Но разве можно представить себе реальность таких деяний? Разве мы можем хотя бы мысленным взором увидеть использовавшиеся для этого приспособления и ежедневные операции по умерщвлению людей? Каково же было ментальное состояние тех, кто буднично лишал жизни узников лагерей?

В тщетной попытке осознать чудовищный характер этого дела, я думал о другом событии, случившемся много лет назад. Наверное, это был третий год моего обучения в школе в лесу близ Гандерсгейма, небольшого городка, в котором мы тогда жили. Местные власти обратились ко всем школам в округе с просьбой помочь в решении одной срочной проблемы. В то время в тех местах случилось необычайное по Масштабам нашествие майских жуков. Как-то на рассвете все классы нашей школы отправились в лес, где начали трясти деревья и собирать в мешки жуков, жестких и холодных после ночной прохлады. Нашу добычу мы принесли на школьный двор. Я хорошо помню тот ужас, который охватил меня, когда я наблюдал за тем, как жуков высыпают в огонь топки, как они шипят в ревущем пламени.

От названных Гессом цифр следует абстрагироваться. Они не столь важны для понимания сути произошедшего. Наверное, самое главное в том, что массовое истребление евреев — беспомощных мужчин, женщин и детей — происходило в течение нескольких лет в ходе заранее обдуманной долгосрочной стратегии, одобренной верховными властями страны. Я

представил себе, что было бы с моими родственниками, если бы новоявленные властители Германии признали их представителями «неполноценной расы», арестовали и отправили в газовую камеру. Чем сильнее я пытался представить себе это, тем больше убеждался в том, что подобные картины неподвластны моему воображению. Другая неоспоримая истина состояла в том, что вышеупомянутая стратегия и ее выполнение было делом рук СС, людей, которые носили на своей форме те же руны, что и я. По признанию Гесса, тридцать пять тысяч человек в такой же форме занимались охраной лагерей и способствовали бесперебойной работе конвейера смерти. Участвовала в этом и значительная часть служащих войск СС.

Вспоминая хмурое утро 1943 года, когда наш поезд стоял на железнодорожных путях, я осознаю зловещую суть того, что стояло за увиденной мною картиной.

Принимая эту истину, понимаю, что обвинение войск СС в том, что они были преступной организацией, отчасти состоятельны. Похоже, что наше начальство, отправляя солдат из войск СС на охрану концлагерей, сделало неоспоримым такое обвинение. Возможно, это было частью их замысла, чтобы вовлечь боевые части в массовые убийства людей.

Есть и еще одно заключение, которое я делаю благодаря признаниям Гесса. Политический режим, отвечающий за такие массовые убийства, настолько прогнил, что не заслужил права на дальнейшее существование. Это позор, что мы не свергли его сами, но оставили его врагу для искоренения.

В эти дни, когда я провожу долгие часы в кабинете капитана Герберта, я порой ловлю на себе его взгляды. Нетрудно догадаться, о чем он думает. «Что бы ты ни думал об обвинении преступных организаций и преступном сговоре, — говорит выражение его лица, — войскам СС нечем гордиться».

В настоящее время у меня есть ответ на эту фразу.

Однако я должен вернуться к моим воспоминаниям и продолжить записи. Ответ придет, когда я завершу свою работу.

Финляндия выходит из войны

В начале сентября 1944 года стало известно о том, что финны и русские договорились о перемирии. В то время я был не со своим батальоном, а находился на излечении в полевом госпитале.

Новость облетела все палаты со скоростью лесного пожара. Вскоре все знали о том, что финны уже довольно долго вели за нашей спиной переговоры с Москвой, в соответствии с которыми немецкая армия «Лапландия» должна покинуть территорию Финляндии до 15 сентября. Для нас это стало настоящим потрясением. Как можно уйти из Финляндии менее чем за две недели? Через несколько дней пришла другая новость: финская армия согласно условиям перемирия обязана «выдворить» немецкую армию из своей страны не позднее названной даты. Нам казалось невероятным, что наши братья по оружию повернут против нас штыки. Как это ни странно, но наше отношение к финнам практически не изменилось, так же как и отношение к этому мужественному народу, не побоявшемуся в 1939 году, в отличие от государств Прибалтики, дать отпор агрессору. Ведь наши народы связаны исторической судьбой, и наше географическое положение обязывает нас стать преградой на пути большевизму. Разве мы не воевали плечом к плечу против общего врага?

В моей палате лежал сапер в звании шарфюрера СС, получивший ранение в руку. Он участвовал в десанте на Сеннозеро и был рулевым одной из лодок. За свою доблесть он был награжден Золотым орденом германского креста, по степени важности занимавшим среднее место между Железным крестом 1-го класса и Рыцарским крестом. Он считал, что наши перспективы выиграть войну день ото дня становятся все более сомнительными, и не скрывал своего скептицизма на этот счет. По его мнению, было вполне объяснимо, что финны выходят из войны, потому что это их единственная возможность сохранить национальную независимость, и мы не вправе осуждать их.

В условиях спокойной госпитальной жизни у меня было много времени для размышлений над будущей судьбой моей родной страны. Если случится то, что мой разум отказывается даже представлять себе, то неужели наша дивизия, находящаяся на южном фланге армии «Лапландия», окажется в полной изоляции? Неужели мы проиграем битву? Или нам все-таки удастся выжить в районе бескрайних лесов, разбившись на отдельные полки или даже батальоны? Поскольку мы относились

к егерскому полку, то могли бы находить пропитание, охотясь на дичь, собирая ягоды и грибы подобно североамериканским индейцам. Однако мы знали, что война вспугнула лесных зверей и в последние годы они покинули эти леса. Может быть, мы в таком случае сумеем обзавестись коровами и овцами, создать что-то вроде крестьянского хозяйства и дождаться благополучного окончания войны?

Наше воображение не знало границ, но в наших разговорах никогда не возникала тема капитуляции. Мы знали, что выбору финнов следовать никогда не станем. Для нас оставался только один выбор — победа или безоговорочная капитуляция. Иного у нас не было — англичане и американцы официально заявили об этом на конференции в Касабланке, сформулировав свои цели в нынешней войне. Нам не оставалось ничего другого, как вести ее до конца, какой бы тяжелой она ни была для нас. До нас, наконец, дошло, что больше оставаться в Лапландии мы не можем. Придется с боями пробиваться на родину.

Несмотря на неуверенность, испытываемую мной в те дни, я, тем не менее, наслаждался чистотой и спокойствием жизни на берегу озера, где находился госпиталь. Однако по ночам, лежа в темноте и думая о батальоне, боевых товарищах и моем вынужденном бездействии, я мучился собственным бессилием и невозможностью выполнять солдатский долг.

Однажды я проснулся после кошмарного сна. Мы находились в районе между Сеннозеро и Елецозеро. Ночь была ясной и холодной. Я чувствовал, как боль пульсирует в правой лодыжке и поднимается вверх по ноге. Я испытывал боль еще вчера и приспустил сапоги, прежде чем лечь спать. Не помню, чтобы я разувался на ночь последние пять недель. Вскоре я начинаю дрожать и понимаю, что у меня поднялась температура. Меня лихорадит. Далее я обнаруживаю, что у меня сильно намок левый бок. Этой ночью вода сильно поднялась над импровизированным полом нашего спартанского жилища. Я осторожно выползаю наружу, не вполне уверенный в том, что увижу, сняв сапог. Но чем упорнее я пытаюсь стащить его, тем больше он не поддается. Кажется, будто он врос в ногу. Черт побери! Мне нужно было обратиться к врачу еще несколько дней назад. Я сильно рискую — меня могут отправить в тыл, тогда как мои товарищи останутся на передовой.

Бинг, сидящий в карауле за пулеметом в десяти метрах от нашего окопа, оборачивается, услышав производимый мною шум.

— Что случилось? Как там твоя нога? — спрашивает он, понизив голос.

— Все в порядке, просто лодыжка стала в два раза толще

обычного. У меня кружится голова, как у пьяного… Не говоря уже о том, что я не могу ходить, — вынужден был признаться я.

Мой товарищ все сразу понял.

— Похоже, что тебе требуется срочная помощь, дружище. Давай-ка я приведу к тебе медика. Присмотри пока за пулеметом.

С этими словами он помог мне выбраться из окопа. Я мог лишь ползти, выпрямиться был не в состоянии.

— Видно, плохи твои дела, приятель, — сказал врач, когда ему удалось взрезать сапог и осмотреть мою многострадальную лодыжку. — Если не вскрыть нарыв немедленно, то последствия могут быть самые плачевные. Не исключено, что ты лишишься ноги, — мрачно добавил он. — В госпиталь, причем немедленно!

Последующие события смешались в моей памяти, мне действительно стало плохо. Меня положили на носилки, и вскоре я оказался на берегу озера, на том месте, куда привозили раненых во время десанта на Сеннозеро. Вокруг находилось много таких же носилок с ранеными солдатами. Тот же самый паром переправил нас на другой берег. Там находился медицинский пункт. Здесь меня поместили на волокушу — специальное финское средство передвижения, примитивное, но крайне удобное. К мулу привязали прямоугольной формы раму, сделанную из тонких березовых хлыстов, которая должна была волочиться по земле. На раму положили меня вместе с носилками.

Вскоре мы двинулись в путь. Мул шел достаточно быстро и был явно привычен к передвижениям такого рода. Лежа на волокуше, я наблюдал за проплывавшим мимо пейзажем.

Далее меня повезли на машине скорой медицинской помощи. Последняя часть пути была ужасной. Машину жутко трясло, и это причиняло мне сильную боль. До полевого госпиталя мы добрались лишь к вечеру. Доктор вскрыл нарыв и удалил большое количество гноя.

Полевой госпиталь по сравнению с медицинским пунктом на передовой оказался чем-то вроде информационного центра. Не прошло и недели после сообщения о советско-финском перемирии, как мы узнали о подробном плане вывода армии «Лапландия» из Финляндии на север, к границе с Норвегией.

Согласно этому плану наша дивизия должна прикрывать южный фланг армии, протяженность которого составит примерно 300 километров от восточного края передовой до Оулу в направлении Ботнического залива. Нашей дивизии предстояло стать арьергардом армии по пути ее следования к норвежской границе. При этом 11-й и 12-й горно-пехотные полки должны были пройти по данному пути. Остальные части дивизии

отдавались в распоряжение армии «Лапландия». О том, какое расстояние отделяет нас от Норвегии, мы имели лишь смутное представление, а оно, тем не менее, составляло около 900 километров. В самое ближайшее время нам предстояло на собственном опыте узнать, что это будет за переход.

Рана на моей лодыжке зажила довольно быстро. Полевой госпиталь уже готовился к передислокации на запад, в Куусамо. Прежде чем покинуть его, я отправился посмотреть на могилу Бергера на соседнем дивизионном кладбище. Вместе со мной пошел мой новый знакомый, шарфюрер-сапер. На кладбище мы увидели, как несколько солдат вытаскивают из земли живые руны из березовых стволов, установленных на могилах. При отступлении любой воинской части обычно уничтожается все, что мог бы использовать противник, заняв ее бывшие позиции, особенно временные строения, склады и блиндажи. Это вполне естественно и ни для кого не является секретом. Однако мы были не готовы к тому, что увидели на кладбище. Считается, что таковы меры предосторожности, чтобы русские не потревожили прах наших погибших товарищей. Я испытывал невыразимую печаль и утешал себя единственной мыслью: мы никогда не забудем вас.

Когда я вернулся в расположение батальона, он уже отправился в Куусамо. Своих товарищей я догнал в небольшом местечке под названием Тухкалла.

Из Тухкаллы в Куусамо

Через неделю после объявления перемирия дивизия отошла со своих прежних позиций, протянувшихся между северным флангом и Киестинки. Под прикрытием темноты батальон благополучно и в полном составе покинул блиндажи и траншеи.

Над нами нависла опасность лишь тогда, когда настала очередь нашего полка стать арьергардом отступающей армии по пути из Киестинки в Куусамо. Где-то посередине находилась Тухкалла, небольшое местечко на полуострове возле дороги, примерно в 40 километрах к западу от Киестинки. В пылу преследования русские безжалостно наступали нам на пятки, пытаясь обойти наш полк, когда мы растянувшейся колонной медленно шли на запад.

Как только густой лес, окружавший нас с обеих сторон, немного поредел и обзор улучшился, мы почувствовали себя в относительной безопасности. Хотелось надеяться, что арьергард полка не позволит противнику взять себя в клещи. Тем не менее этим надеждам не суждено было сбыться. В тот вечер, когда я вернулся в свой взвод, русские обхватили нас с фланга и смогли выставить два дорожных заграждения, соответственно, к западу и востоку от Тухкаллы. Таким образом, полк оказался отрезанным от дивизии и, как будто этого было недостаточно, рассечен на несколько частей.

Мы поднялись на холм, с которого открывался вид на глубокий овраг. Через него был перекинут небольшой мостик. На другую сторону его в западном направлении вела извилистая тропинка. Где-то в лесу затаились русские солдаты, готовые в любую минуту перекрыть нам путь. Мы предприняли несколько атак, но вырваться из вражеского кольца так и не смогли. В данный момент полк пытался преодолеть заграждения противника восточнее Тухкаллы, стремясь таким образом сомкнуться с арьергардом. Судя по выстрелам из стрелкового оружия, там разгорелся нешуточный бой. Чем дольше продолжалась стрельба, тем больше сомнений мы испытывали относительно шансов на спасение. Час шел за часом. Неужели наше отступление закончится здесь, на русской территории?

Наконец перестрелка стихла. Мы поняли, что арьергард смог оторваться от противника и полк воссоединился. Вскоре мы заметили, как ведутся приготовления к прорыву западных заграждений. Несколько рот егерей перешли мост и вместе с нашими другими подразделениями сосредоточились перед заграждением. Мой пулеметный расчет получил приказ усилить

фланг севернее моста. Спускаясь вниз, я заметил два 2-сантиметровых зенитных орудия, устремившихся по мосту на запад. Стало ясно, что немедленного боя с противником избежать не удастся. В следующую секунду я заметил нашего батальонного командира. Он сидел в коляске мотоцикла, громко отдавал приказы окружавшим его солдатам и явно организовывал прорыв. Хотя ситуация была близка к критической, его присутствие и решительность вселили в нас уверенность.

Два зенитных орудия открыли огонь по вражеским заграждениям на дороге. Одновременно с этим рота егерей устремилась на противника через лес и атаковала его с северного фланга. Затем по всей протяженности дороги началась фронтальная атака. Три роты бросились на врага, ведомые нашим батальонным командиром, который стрелял, как и все остальные, от бедра. Под их натиском враг обратился в бегство, освободив дорогу. Мы бросились вдогонку, немедленно закрыв фланги от контратак красноармейцев, отошедших в лес. Тем временем основная часть полка двинулась на запад, обойдя нас сзади.

Бой оказался во всех отношениях успешным. Когда мы вырвались из окружения, батальон 12-полка, отдыхавший на обочине, встретил нас аплодисментами. Правда, мы понесли потери, среди которых были три убитых офицера. Но самое неприятное и мучительное состояло в том, что два пулеметных расчета были обречены на верную гибель, оставшись прикрывать наше отступление возле моста.

Это было наше последнее сражение с русскими войсками. Дальнейших приказов вступать с ними в бой не поступило, и через несколько дней мы благополучно добрались до советско-финской границы.

Вспоминая то время, когда батальон 12-го полка находился на русской территории, я считаю, что мы не совершили ничего такого, что запятнало бы солдатскую честь. Я твердо убежден в том, что это в равной степени верно и в отношении других военных частей. Так же, как и мои боевые товарищи, я гордился тем, что служу в нашей дивизии. Действительно мне повезло? Повели бы мы себя бесчестно, окажись в более сложной обстановке, иной, чем та, где нет никаких сомнений в том, где друг, а где враг?

Не знаю, но мне кажется, что наше чувство чести ничем не отличалось от чувства чести любой другой боевой части. То же касалось и русских солдат. Обе сражающиеся стороны были обычными людьми, молодыми мужчинами, которые не хотели умирать; которые любили и были любимыми; которые желали лучшей жизни, такой, как они понимали ее.

Куусамо стало местом, где ярко проявилась наша готовность выполнить солдатский долг.

Батальон добрался до деревни утром, простояв несколько дней на знаменитой линии Маннергейма, полосе укреплений, протянувшейся от Куусамо до самой границы. Здесь 12-й полк занял позиции арьергарда армейского корпуса. Остановка была короткой. Ночью нам предстояло выступить дальше, предположительно в направлении Рованиеми. По всей деревне тыловые части готовили к эвакуации или уничтожению боеприпасы и снаряжение, которые накопились за долгие годы на главной базе снабжения дивизии. Чувствовалось, как растет напряжение, обычно предшествующее срочному отступлению.

Незадолго до вечера я отправился вместе с Шапером поискать где-нибудь в деревне запасные части к пулемету. Проходя мимо церкви, мы поразились необычному зрелищу. Несколько саперов занимались на колокольне чем-то непонятным.

— Что это вы здесь делаете? — спросил Шапер одного из них.

— Снимаем колокола, — последовал ответ. — Спасаем их.

— Зачем? — удивленно спросил Шапер.

— Чтобы они благополучно дождались окончания войны, — ответил один из солдат. — Мы закопаем их во дворе церкви.

— От кого же вы их спасаете? — полюбопытствовал я. — Мне кажется, что для финнов война уже окончена, они же заключили мир с Советами.

Сапер посмотрел на меня таким взглядом, что я тут же понял бессмысленность своего вопроса.

— Оглянись вокруг, парень. Разве в деревне остался хотя бы один финн? Они все покинули свои дома, опасаясь вторжения русских. Они не верят в мир с Россией. Местные жители хорошо знают, что такое приход Красной Армии.

— Если местные ушли, то, значит, вы делаете это без их ведома? — задал вопрос Шапер.

— Да, конечно, по велению собственного сердца. Финны и сами сделали бы это, будь у них время и необходимые средства. Колокола вряд останутся целыми, когда русские все-таки уйдут отсюда. Если, конечно, финны смогут и захотят вернуться.

Мы отправились дальше по своим делам, размышляя о только что увиденном. Неожиданна на глаза нам попался мотоцикл, который резко развернулся и неожиданно остановился перед нами. Из коляски выпрыгнул какой-то офицер. В следующее мгновение я узнал в нем Маннхарда.

Мы отсалютовали ему, но он жестом приказал нам воздержаться от рапорта. Мы были рады видеть друг друга живыми и здоровыми. В последний раз я видел Маннхарда близ

Сеннозера, когда он уходил вместе с десантом, о чем я и поспешил сообщить ему. Тот, в свою очередь, сказал, что слышал о наших действиях в Тухкалле.

Как выяснилось, Маннхард командовал арьергардом разведывательного батальона и собирался в ближайшее время покинуть деревню. Он признался в своем глубоком восхищении нашим батальонным командиром Хансеном. В Куусамо, во время нашего пребывания на линии Маннергейма, только и говорили о бое в Тухкалле. Лишь сейчас, слушая Маннхарда, я понял, насколько опасна была сложившаяся там обстановка. Очень многое в ней зависело от инициативы Хансена и умелых действий полка, благополучно выбравшегося из смертельной ловушки.

Я с радостью рассказал о картине, увиденной только что в церкви, еще не ведая о причастности Маннхарда к этому делу.

— Я знаю, — сказал он, лукаво улыбнувшись. — Я имею к этому небольшое отношение, потому что именно из-за этой церкви я и задержался здесь еще на один день.

После этого он рассказал мне о том, что когда наблюдал за финнами, покидавшими деревушку, то вспомнил одну девушку, Лотту из Тампере, как он назвал ее, с которой познакомился здесь. («Лотта Свярд») — финская женская организация, занимавшаяся помощью финской армии, нередко в непосредственной близости от передовой. Состоявших в ней женщин часто называли Лоттами. — Прим. автора.) Он познакомился с ней раньше, во время трехдневного отпуска накануне праздника Нового года. Они мгновенно влюбились друг в друга и провели вместе два замечательных дня. Они отправлялись на прогулки и подолгу разговаривали, сидя у костра. Однажды они проходили мимо церкви и услышали, что там идет служба. Девушка затащила его внутрь. Маннхард не понял ни слова из проповеди пастора, однако был тронут скромным внутренним убранством храма, сложенного из бревен. Когда они вышли и проходили возле колокольни по церковному двору, их буквально очаровал сладкозвучный колокольный звон. После того как его возлюбленная отправилась выполнять какое-то задание своей организации, он больше ничего о ней не слышал. Должно быть, она потеряла номер его полевой почты.

Теперь, вернувшись в Куусамо и увидев эту самую церковь, он был огорчен мыслью о том, что колокола могут быть безвозвратно потеряны, если о них не позаботиться прежде, чем сюда придут русские. На следующий день после приезда он договорился с командиром саперов, проявившим понимание к его довольно необычной просьбе.

Я сказал, что это было прекрасное намерение и

действительно благородное дело, ведь такие поступки стали в последние годы большой редкостью.

— Не стоит уделять этому много внимания, — ответил Маннхард. — Мы не слишком часто проявляем великодушие к бедным людям, страдающим от войны. Тем более что нам это не трудно. Кто знает, как нам придется отнестись к ним в будущем, если их армия не позволит нам мирно покинуть территорию их страны.

— Вы на самом деле считаете, что финны могут повернуть оружие против нас, когда мы вынуждены спешно покинуть Финляндию?

— Сказать точно ничего не могу, но мы скоро это сами узнаем. Я отправляюсь в Кемь. Мой батальон будет дислоцироваться где-то между Кемью и Оулу.

— Неужели? Но ведь оттуда до Норвегии очень далеко.

— Верно, но верховное командование крайне встревожено обстановкой именно в этом районе. Начальство считает, что с учетом особенностей рельефа финны могут сосредоточить там мощную военную группировку, угрожающую безопасности нашего южного фланга.

— Судя по всему, вы очень хорошо информированы. Такие, как я, многого не знают, — заметил я.

Маннхард рассмеялся и ответил:

— Да полноте вам. Я обычный офицер-фронтовик и ничем не отличаюсь от простых солдат. Просто я недавно встретил одного офицера, который имеет чин повыше моего, и тот в общих чертах поведал мне о сложившейся обстановке. У него были сведения, так сказать, из первых рук, о том сильном давлении, которое русские оказывают на финнов, требуя нашего вывода из их страны. Я также в курсе некоторых подробностей плана наших боевых действий. Кстати, операция носит кодовое название «BIRKE». Мне также рассказали о важности боевого задания нашего арьергарда для южных корпусов армии «Лапландия».

— Что вы думаете об этом плане? Он выполним?

— Мне сказали, что подобного еще никогда не было в военной истории, но мой собеседник был уверен в его выполнимости. Многое зависит от того, как сложится обстановка в Кеми.

Мы снова вернулись к церкви. Саперам за это время удалось спустить на землю колокола. Помню, как Маннхард сказал, посмотрев на опустевшую колокольню:

— Надеюсь, когда-нибудь вернусь сюда вместе с той девушкой, о которой я только что рассказывал. Два колокола, которые зароют в землю, станут моими талисманами.

Когда наши взгляды встретились, мы прочитали в глазах друг друга страх и двусмысленность последних слов моего собеседника.

Подъехал мотоциклист. Маннхард сел в коляску, и мы попрощались.

Через несколько часов над деревней опустился закат. Батальон выстроился на главной площади, над которой вскоре разнесся хрипловатый голос Хансена.

— Товарищи! Сегодня вечером мы отправляемся в поход. Он продлится несколько месяцев и не закончится даже тогда, когда мы доберемся до порта на берегу Северного Ледовитого океана. Как вы знаете, — продолжил он, — капитуляция Финляндии не оставила нам другого выбора. Нам приходится уйти из страны, которой мы помогали отражать нападки большевизма, нашего общего врага. Восточная граница Финляндии имеет протяженность в несколько тысяч километров. Ее невозможно защитить без нашей помощи. Однако вопреки всему: климату, географическому положению и скудным людским ресурсам, нам это удавалось. И если Финляндия до сих пор остается независимым государством, то она обязана этим нашим совместным усилиям трех последних лет. Поэтому, хотя мы и покидаем эту страну, мы уходим достойно, гордясь тем, что сделали здесь для борьбы с большевизмом.

Вы знаете, что финны в соответствии с условиями перемирия вынуждены после 15 сентября повернуть оружие против немецких войск, находящихся на территории их государства. Мы не знаем, как они поступят. Я не могу представить себе, что они повернут штыки против своих братьев по оружию, однако в целях предосторожности наша армия будет действовать так, будто находится на вражеской территории. Поэтому я обращаюсь к вам, товарищи. Если они решат атаковать нас, мы будем готовы к этому.

Верховное командование армии решило, что два егерских полка будут прикрывать южный фланг «Лапландии». Сначала мы преобразуемся в боевую группу «Восток», а позднее становимся единственным арьергардом армии. Мы можем гордиться заданием, возложенным на нас. Кроме того, мы хорошо подготовлены. Горная артиллерия, зенитные орудия и тяжелые пулеметы — грозная сила. Мы хорошо знаем, что любая задержка, вызванная приказом или нашей личной небрежностью, может нам дорого обойтись. Я лично не допущу ничего подобного, это я вам твердо обещаю. Я намерен довести вас до дома целыми и невредимыми.

Я знаю, что могу положиться на вас, парни, на ваше мужество

и упорство, на ваш опыт воинов, закаленных в боях на землях Карелии, на вашу доблесть и верность. Я знаю, что мы выполним поставленную перед нами задачу.

Он отсалютовал нам, и строй отозвался громкими одобрительными возгласами.

Когда Хансен ушел, роты заняли стойку «смирно» и построились в колонну по три, готовые по команде выступить в поход. Наконец приказ поступил, и мы двинулись вперед. Сзади следовали навьюченные мулы, на спинах которых висели корзины с боеприпасами и прочим снаряжением. Стало совсем темно. Тропа освещалась лишь полоской скудного лунного света. Начался долгий переход, каждый день и ночь которого не отличались от предыдущих. Впереди шли наши роты, за нами цепью двигались егери, за ними следовали мулы со своей тяжелой поклажей, затем обоз с телегами и повозками, за ним снова егери и так далее.

Прошел час, и я догнал Генриха, шагавшего впереди. Мы не виделись со дня моего возвращения из госпиталя, и я был рад возможности поговорить с ним. Мне хотелось узнать, что он думает по поводу напутствия, данного нам Хансеном.

— Мне кажется, что он все правильно сказал, пояснил, что ждет нас в будущем. Яркая речь. Что ты на это скажешь?

— Прекрасная речь, согласен, но что в ней яркого? Не знаю. Не разделяю твоего оптимизма. Ты вообще-то представляешь, сколько нам предстоит идти? Знаешь, сколько топать до этого морского порта? Восемьсот или девятьсот километров. Может, и вся тысяча, если нужно будет идти в обход. А как, ты думаешь, поведут себя финны? Ты согласен с батальонным?

— Откуда мне знать? Я думаю, что чем меньше они станут мешать нашему уходу, тем лучше будет для обеих сторон.

— Твои бы слова да Богу в уши. Ходят слухи, что финскими войсками теперь будут командовать русские комиссары. Представь себе, что будет, если финны под нажимом Советов применят к нам тактику окружения в условиях сложного ландшафта! Именно этого и ждут от них русские! Финны ведь знают эти края как свои пять пальцев.

Я оставил невысказанный вопрос товарища без ответа. Немного помолчав, Генрих заговорил снова.

— Скоро пойдет снег. И прежде чем мы успеем понять это, ударят сильные морозы. Скоро мы окажемся без крыши над головой. За целый день нам не встретится ни одна деревня, ни одна хижина, где можно было бы переночевать. Чем дальше мы будем двигаться на север, тем тяжелее будет наш путь. Нам не на что рассчитывать в этой глуши. А финны будут постоянно

наступать нам на пятки.

— Да ладно, Генрих! Ты еще скажи, что они будут выскакивать из лесов и нападать на изможденные части армии «Лапландия», как кровожадные казаки на остатки наполеоновской армии, бежавшей из России зимой 1813 года! Я не верю, что нас ждет участь несчастных французов. Мы же не шайка беглых наемников, а дисциплинированная воинская часть с хорошим командиром и прекрасно вооруженная. Разница немалая, я бы сказал.

— Посмотрим. Хочу, чтобы ты оказался прав. Но ты ведь не станешь отрицать, что нас ждут серьезные испытания? И что будет, если мы, наконец, выйдем к берегу океана? В лучшем случае мы сможем сесть на борт какого-нибудь транспорта для перевозки войск. А что будет дальше? Я скажу тебе, что будет дальше. Нам придется пройти морем еще не одну тысячу километров, опасаясь встреч с британскими военными кораблями, которые подстерегают нас там, где мы этого меньше всего ожидаем. Есть и другой вариант — пробиваться на родину пешком, но об этом не стоит даже и думать. Это — чистое безумие в здешних природных условиях, среди тундры, фиордов и неприступных гор.

— Все верно, я восхищен твоим знанием географии. Если бы я не знал тебя, то, пожалуй, подумал, что ты бывал здесь и раньше.

— Здесь я, разумеется, никогда не был, — ответил мой товарищ, — но география была в школе моим самым любимым предметом.

— Интересно, что же будет дальше? — немного раздраженно произнес я.

— Я скажу тебе, что будет. Хансен обещал, что доведет нас до дома целыми и невредимыми. Давай пока опустим слова «целыми и невредимыми». Но каким будет наш «дом»? Я не удивлюсь, если как только мы доберемся до него, нас сразу же снова отправят на Восточный фронт. Или на Западный, если повезет.

Впрочем, если не случится ни того, ни другого, может выйти так, что мы окажемся в самой скверной ситуации — попадем домой, когда война закончится.

— Твой пессимизм граничит с упадническими настроениями, Генрих. Надеюсь, ты больше ни с кем не станешь делиться своими мыслями.

— Мой дорогой Иоганн, разумеется, я ни с кем не стану делиться ими. Но почему я должен держать тебя в неведении и молчать о том, что может случиться с нами и с нашей страной? Я тоже люблю Германию, но нужно трезво смотреть на вещи и быть

готовым к самому скверному повороту событий. Так что я нисколько не подрываю боевой дух такими рассуждениями.

Мы обменялись понимающими взглядами. Генрих явно ожидал дальнейшего продолжения разговора, но я ничего больше не сказал, ограничившись коротким кивком. На этом наша беседа закончилась. Мы молча шагали по темной дороге. В размеренном ритме наших шагов и звуках, издаваемых вьючными животными, было что-то успокаивающее. Генрих преподал мне небольшой урок. Мне стало понятно, что человек он сильный и решительный, раньше я не всегда замечал в нем это. Я был не вполне уверен, что могу найти в себе те же качества.

Киттилэ

Батальон добрался до Киттилэ в октябре. Позади четыре недели пути и расстояние в 250 километров. Мы прошли территорию Финляндии с востока на запад и оказались за Полярным кругом.

Вообще-то в этой маленькой деревушке я не заметил ничего примечательного, она была всего лишь еще одним населенным пунктом, который мы прошли, двигаясь на север. Однако она, тем не менее, надолго врезалась мне в память. После того что я узнал, мое восприятие войны сильно изменилось. Здесь я узнал о гибели Маннхарда и кровопролитных боях между бывшими братьями по оружию, состоявшимися на берегу моря близ Торнио и в Кеми. Таким образом, рассказ о Киттилэ — это рассказ о печали и роковой судьбе, о нарушенных обещаниях и умирающих надеждах.

В день нашего прибытия в деревню эшелон поддержки нашей дивизии должен был отправиться дальше на север. Здесь собралась масса грузовиков, машин скорой медицинской помощи, обозов. Особенно много было раненых и медицинского персонала. Полевой госпиталь нужно было эвакуировать еще несколько дней назад, однако с юга постоянно продолжали прибывать раненые, и поэтому эвакуация все время откладывалась. Говорили, что совсем недавно прибыл транспорт, которому пришлось сделать большой крюк и проехать по территории Швеции. Подобный слух раньше показался бы невероятным, но сегодня могло произойти все, что угодно.

Возле госпиталя я случайно наткнулся на Хервега из разведывательного батальона, в котором служил Маннхард. Он передвигался на костылях, поскольку его нога была закована в гипс. Хервег тоже узнал меня и сообщил, что был ранен под Торнио и прибыл в Киттилэ несколько дней назад, когда полевой госпиталь перевели туда из Рованиеми. Когда я спросил его, известно ли что-нибудь о Маннхарде, он уклонился от ответа, заявив, что ему нужно идти. Уже поздно, сказал он. Не мог бы я вечером навестить его в госпитале? То, как Хервег внезапно прервал разговор, встревожило меня. Торнио? Я вспомнил, что слышал это название несколько недель назад. Так назывался городок, располагавшийся прямо на границе со Швецией. От шведского города Хапаранда его отделял мост, перекинутый через реку Торнио, впадающую в воды Ботнического залива. Кто-то из врачей на перевязочном пункте что-то рассказывал о Торнио. Это случилось в тот день, когда советские истребители

совершили налет на так называемый Арктический тракт, что проходит к северо-западу от Рованиеми. Вражеские самолеты оставили после себя жуткую картину: мертвые и умирающие люди и животные в лужах крови, залившей место, которое совсем недавно казалось таким идиллическим. Когда мы ждали прибытия машин скорой помощи, врач рассказал, что финны захватили один из госпитальных обозов в Торнио и что там прошел тяжелый бой.

Сейчас я вспомнил эту новость, вызвавшую в нас тогда чувство невыразимой горечи. Мы никак не ожидали от вчерашних братьев по оружия захвата госпитального обоза, которому не позволили выйти к морю, а вместо этого перенаправили на север. Причина подобных действий финнов оставалась для нас непонятной. Позднее стало известно то, о чем в свое время предупреждал Маннхард. В начале октября мощная финская группировка высадилась в Торнио, другие части наших бывших союзников двигались на этот город с юга, вооруженные новенькими немецкими штурмовыми орудиями, поставленными Германией еще летом и использовавшимися в дни наступления советских войск в южной Карелии. Наши войска были вынуждены оставить этот район. В числе прочих ушел из этих мест и наш разведывательный батальон. Говорят, что обе стороны понесли огромные потери.

Солдаты нашего батальона понимали, что финны стали врагами. Они обязательно атакуют наши части, образующие юго-восточный фланг отступающей армии «Лапландия», чтобы уничтожить хотя бы ее арьергард. И все же вместо того, чтобы как можно скорее отходить на запад, батальон должен был действовать в соответствии с графиком отхода армии, и порой без особой надобности ему приходилось занимать те или иные позиции. Там мы обычно рассматривали окружающую местность в бинокль и отправляли дозоры, чтобы заранее обнаружить противника. До сих пор финны никак не препятствовали отступлению, но мы постоянно чувствовали, что за нашими передвижениями внимательно наблюдают. Например, в Рованиеми, через считаные минуты после того как мы переправились на другой берег, мост взлетел на воздух. Мы остались довольны тем, что оставили район, где могли произойти серьезные бои с финскими войсками. В конечном итоге 12-й полк первым, так сказать, скрестил шпаги с нашими бывшими союзниками и, в результате, на полдня замедлил отступление.

По пути в Киттилэ наш батальон увеличил скорость движения до 30 километров в день. Признаться, мы шли налегке, неся лишь винтовки и автоматы. Пулеметы, боеприпасы и прочее

снаряжение находились в корзинах на спинах наших верных мулов. Однако погода вскоре ухудшилась. Пошел дождь, а ночью ударил мороз. В этом году зима запоздала, и по пути в Киттилэ снег практически не препятствовал нам.

Хервег ждал меня у входа в госпиталь. Мы протиснулись в узкий коридор и прошли в комнатушку, которая освещалась карбидными лампами. Она была вся заставлена носилками с ранеными. Медицинский персонал самоотверженно занимался выполнением своих привычных обязанностей. Мрачная атмосфера, царившая в помещении, отвечала моему не слишком радостному настроению и недобрым предчувствиям, которые я в эти минуты испытывал. Хервег отвел меня в угол, где находился раненый, который сидел на деревянном ящике, прислонившись спиной к стене, и курил. Его правое плечо и рука были в гипсе. Услышав наши шаги, он обернулся.

— Старик, что ты здесь делаешь?

— Рад видеть тебя, дружище, — с присущим ему хладнокровием ответил мой товарищ. — Я знал, что ты придешь, Хервег сказал мне. — Он протянул левую руку. — Что-то все хуже становится моей клешне, — с натянутой улыбкой добавил он.

— Я думал, что ты уже находишься на пути домой, — признался я, садясь на соседний ящик. Хервег последовал моему примеру.

— Нет, все не так, это лишь часть истории, которую ты сейчас услышишь, — сказал Старик и повернулся к моему спутнику.

Хервег вытащил пачку сигарет, угостил меня и неуклюже вытащил сигарету для себя. Затем он замолчал, устремив взгляд на пол и затягиваясь дымом.

— Что случилось? — я первым нарушил молчание.

— Он погиб, Фосс. Погиб в бою под Торнио три недели назад, — неестественно низким голосом ответил Хервег. — Жаль, что я не могу рассказать тебе ничего утешительного.

У меня возникло такое чувство, будто я всегда знал об этом. Мы снова замолчали, глубоко затягиваясь.

— Это была его идея, — наконец снова заговорил Хервег. — Конечно, потом, задним числом, задаешь себе вопрос: было ли это неизбежностью? Можно ли было поступить иначе? Я скажу только одно, он сам этого захотел. Он сказал мне: давай попробуем их выручить, там ведь много раненых, они совершенно беспомощны. Он имел в виду транспорт с ранеными, который захватили финны.

— Насколько я понимаю, ты вместе с ним отправился в этот рейд, верно?

— Каждый из нас там по-своему был, — вступил в разговор

Старик. — Я в транспорте, а Хервег участвовал в рейде.

— Неужели? Не может быть! Ты же сказал, что транспорт был захвачен финнами, — удивился я. — Расскажи мне все с самого начала.

— Как ты, наверно, уже знаешь, разведывательный батальон в сентябре находился в районе между Оулу и Кемью, — начал Хервег — В конце месяца разразился сильный буран. Он бушевал целых два дня. Не успел он утихнуть, как финны высадились в Торнио. Прошло два дня, и они захватили город. Даже после этого мы оставались с ними в дружеских отношениях. Насколько мне известно, командиры частей, дислоцировавшихся в Кеми, договорились о том, что дороги и мосты сохранят в нормальном состоянии, чтобы мы могли благополучно пройти по ним. Однако финские войска, высадившиеся в Торнио, повели себя совсем не миролюбиво. Они успели захватить все склады, обозы и транспорты с нашими ранеными. Не было никакого сомнения в том, что так может вести себя только враг. Оставлять это без ответа было нельзя.

— Это ведь был госпитальный транспорт, так? Мы что-то слышали об этом, — вставил я.

— Нет, не так, — проговорил Старик. — Мы уже оставили транспорт и собирались следовать на север с конвоем наших собственных грузовиков и машин скорой помощи.

— Через два дня, будучи в составе армейской боевой группы, мы атаковали Торнио, — продолжил Хервег. — Разразился жестокий бой. С обеих сторон ударили минометы, артиллерийские орудия повели прицельный огонь. Финны отчаянно сопротивлялись, заняв господствующие высоты и стреляя из всех видов оружия. Мы в свою очередь спустились с холмов и стали прорываться к окраине города. Нашей главной целью был прорыв к дороге, что ведет на север. Мы отступали медленно и, наконец, смогли занять ее. Наши потери были огромны.

Мы получили приказ остановиться и удерживать занятые нами позиции, а затем освободить местность, находившуюся южнее. В тот же самый момент, совершенно случайно, Маннхард заметил в бинокль транспорт с ранеными. Среди деревьев обнаружились машины немецкого производства, главным образом со знаком Красного Креста. Он указал в этом направлении, и я тоже увидел их. С десяток машин стояли в небольшой роще на крохотном полуострове, там, где находился финский береговой плацдарм.

— Что ты на это скажешь? — спросил меня Маннхард, и по выражению его лица я сразу же понял, что он задумал. —

Хервег, — продолжил он. — Быстро приведи семь человек. Проверь, чтобы у всех были автоматы. Возьми один пулемет и побольше ручных гранат. Как только стемнеет, мы отправимся туда.

Судя по сложившейся обстановке, мы вряд ли смогли бы выбить финнов с того плацдарма. Мы могли лишь спасти раненых, да и то, если бы действовали быстро и решительно. Иначе они куда-нибудь вывезли бы их, и они навсегда пропали бы. Те, кто выживет, скорее всего, попадут в Сибирь.

— Быстрота и решительность, — сказал Маннхард. — Это наш единственный шанс.

Прежде чем закончить рассказ, Хервег закурил еще одну сигарету.

— Мы получили разрешение на эту операцию и отправились выполнять ее, как только стемнело. Мы добрались до берега незамеченными, потом украдкой двинулись вдоль края леса к полуострову. Наш план был такой — уничтожаем финские караулы и при условии, если обоз готов к отправлению, немедленно прорываемся к дороге. Не доходя метров триста до рощи, мы остановились, и Маннхард прошел вперед, чтобы лучше разобраться в обстановке. Он велел нам дожидаться его сигнала светом фонарика. Я наблюдал за ним в бинокль. Сначала он шел прямо, но, вскоре, ближе к краю рощи, стал двигаться, сильно пригибаясь к земле. Все случилось примерно через пару минут. Должно быть, кто-то из караульных услышал подозрительный шорох или заметил Маннхарда и тут же выпустил ракету. На светлом песке сразу стала хорошо видна темная фигура. Раздались крики, и почти мгновенно финны открыли огонь. Он попытался выстрелить, но не успел, и в следующее мгновение с близкого расстояния его буквально изрешетили пулеметной очередью.

— Разве вы не успели прикрыть его огнем из вашего пулемета? — спросил я. — Вы же его для этого и брали, разве не так?

— Мы никак не смогли бы помочь ему в те секунды, потому что попали бы в машины с нашими ранеными, — печально покачал головой Хервег. — Мы действительно никак не могли помочь ему. Лишь после того, как финны выскочили из машин и окружили его, мы сумели быстро занять подходящую позицию и открыли по ним огонь. Но для него все уже было окончено.

— Значит, вы его там и оставили? Вы уверены, что он погиб? Вы точно убедились в этом? — спросил я.

— Я тебе точно говорю, он погиб, тут никаких сомнений быть не может, — вставил Старик и начал свой рассказ. — Смерть,

скорее всего, наступила мгновенно.

По его словам, он все видел собственными глазами сразу после того, как в небо взлетела сигнальная ракета. Маннхард погиб не напрасно! Воспользовавшись замешательством финских часовых, Старик и еще несколько раненых, способных передвигаться, завладели оружием и уничтожили тех, кто их охранял. Начальник обоза, военный врач быстро оценил обстановку и отдал приказ немедленно прорываться к своим. Санитарные машины, ревя моторами, устремились к дороге. Ведя стрельбу из передних и задних машин — посередине ехали автомобили с тяжелоранеными, — они сумели вырваться из вражеского кольца. Чтобы вывезти своих подопечных из опасной зоны, начальник обоза отдал приказ по мосту переправиться на другой берег реки. Этот маневр удался. Спустя какое-то время они оказались на шведской стороне, в городке Хапаранда.

— Что же случилось с телом Маннхарда?

— Мы ничего не знаем о нем, — ответил Хервег. — Извини, друг. Было бы самоубийством попытаться забрать тело. Уверен, что финны похоронили его со всеми почестями.

Я ответил, что хочется верить в это. Маннхард с радостью бы воспринял известие, что задуманная им операция успешно выполнена. Старик продолжил свой рассказ. Шведы встретили их радушно — осмотрели и подлечили тяжелораненых и поездом переправили в Норвегию. Остальным разрешили вернуться в свои части. Им позволили сохранить оружие и снабдили бензином для машин. Два шведских врача проводили их до самой границы. Наши товарищи пересекли в нижнем течении реку Муонио и прибыли в Киттилэ всего несколько дней назад.

Прошло больше часа. Мне нужно было возвращаться на место. Я попрощался и пожелал однополчанам удачи. Хервег проводил меня до дверей. Прежде чем уйти, я услышал, как врач сказал ему, что его отправляют вместе со следующим транспортом, который отъезжает через час. К сожалению, нам так и не представилась возможность спокойно поговорить наедине. Я узнал, что те, кто участвовал в операции под Торнио, сумели без потерь добраться до своих. Хервега ранило спустя несколько дней где-то между Кемью и Торнио. По его словам, большая группировка финнов атаковала Кемь с юга и одновременно несколько островов, расположенных возле побережья.

Однако они не выполнили то, чего требовали от них русские, и не стали окружать и уничтожать немецкую боевую группу, оказавшуюся в этом месте. Бои были ожесточенные, и обе стороны понесли внушительные потери. Говорят, что сама Кемь лежит в руинах.

Когда я вернулся на наши квартиры, то застал товарищей за превосходным занятием — они пили коньяк. Мы, наконец, обрели пристанище и крышу над головой, а завтра нас ждал день отдыха. Я охотно присоединился к компании. Мне было приятно находиться в их обществе, слышать их голоса и смеяться их шуткам. Коньяк немного унял мою печаль, и в моем сознании появилась мысль о том, что эта война, видимо, подобно всем прочим войнам, идет своим чередом, не обращая внимания на высокие принципы, цели и правила и всех тех, кто ими руководствуется. По этой причине лучшие погибают первыми.

Муонио

Прежде чем приступить к описанию событий, произошедших в Муонио, хочу еще раз вернуться к судьбе Маннхарда. Странная все-таки вещь подсознание. Она заставляет нас делать то, что диктуется некими потаенными причинами, и в конце концов позволяет нам открыть то, что полно скрытого смысла. Написав о смерти Маннхарда, я перелистал карманную Библию, которую несколько дней назад капеллан подарил мне для спасения моей души. Я случайно наткнулся на строчки из Евангелия от Иоанна: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих».

Сначала эти слова поразили меня своей красотой, но чуть позже я понял, что они могут послужить прекрасной эпитафией для Маннхарда. Если бы понадобилось сделать надпись на могильном камне для места его последнего упокоения на берегу Ботнического залива, то ничего лучше этих слов и найти нельзя. На мой взгляд, они отражают истинную суть характера этого человека и раскрывают главное значение обстоятельств его жизни и смерти. Они также подытоживают короткие жизни всех других добровольцев, погибших на этой войне.

Два года назад, в конце октября 1944 года я был далек от того, чтобы искать утешение в Библии. Было очевидно, что-то языческое в том, как я пытался облегчить свое горе, услышав печальную весть от Хервега и Старика. Когда мы покинули Киттилэ, на глаза мне в очередной раз попался косяк диких гусей, летящих по осеннему небу и резкими криками возвещавших о себе. Они, как всегда, летели, невзирая на войны и границы.

> И если осенью вернуться нам не суждено,
> Прощайте навсегда!

Я до сих пор помню слова этой песни, которые приобретали для меня иной смысл в те часы долгого марша на север. Да, я встретил на войне новую осень, и многим из нас не суждено вернуться домой из этих высоких широт. Казалось, будто вольные птицы говорят нам: «Выполните ваше боевое задание. Следуйте своему долгу так, как мы следует зову природы!» Через несколько дней мы снова вступили в бой.

Он начался примерно в пятнадцати километрах к югу от Муонио, куда мы прибыли после тяжелого трехдневного похода.

Деревня находится на берегу реки Муонио, являющейся в

этом месте естественной границей между Финляндией и Швецией. Здесь дорога Рованиеми — Киттилэ встречается с дорогой из Торнио, которая тянется вдоль границы на север из Ботнического залива до норвежского побережья Баренцева моря. В те дни эта дорога была единственной возможностью выбраться из Финляндии и была переполнена войсками, двигавшимися на север. Для финнов этот перекресток путей стал местом главных оперативных действий против немецких войск, все еще находившихся на территории Финляндии.

Однако в те дни я плохо представлял себе общую обстановку, которую сегодня сумел восстановить при помощи карт. Будучи простым командиром взвода, я знал лишь то, что Муонио остается у нас в тылу и мы по какой-то причине не можем оставить это место до конца месяца. Несколько дней нам придется вести здесь бои. Поступил приказ, согласно которому 12-й горно-пехотный полк войск СС должен блокировать дорогу из Киттилэ, тогда как нашему полку предписывалось сделать то же самое с дорогой из Торнио, чтобы отразить наступление врага с юга.

В тот день мы видели, как последние части боевой группы покинули Кемь — Торнио и прошли мимо наших позиций. Егерские части, принимавшие участие в боях нескольких последних недель, устало брели на север. За ними следовала горная артиллерия, точнее караван мулов, тащивших разобранные орудия. Время от времени проезжали грузовики, затем, наконец, прошагал егерский батальон нашего полка, до этого находившийся в арьергарде. Наши войска под покровом темноты продолжали марш на Муонио и далее на север. Им предстояло пройти еще несколько сот километров.

Пока мы готовили оборонительные позиции и занимали окопы по обе стороны дороги, нашему пулеметному расчету поступил приказ защищать правый фланг батальона.

— Правое ограничение огня — шведская граница, — сообщил Шапер, указывая на карте на голубую нитку реки. Для того чтобы добраться до берега, нужно было пройти по лесу всего один километр. Туда следовало отправить разведывательный дозор, потому что оголять дорогу было нельзя — в любой момент финны могли прорваться на нее с обеих сторон. Мы вошли в лес и отправились в указанном направлении. Чем больше мы углублялись в него, тем тревожнее становилось у меня на душе. В лесу явственно ощущался запах врага — где-то рядом, впереди, на полевой кухне готовилось пища.

И все же мы выбрались к берегу реки, не вступив в боевой контакт с противником, и нашли бревенчатый домик, названный

в качестве ориентира. Там мы установили наш пулемет. Обыскав хижину, мы поняли, что совсем недавно в ней кто-то был. Об этом свидетельствовали еще теплые угли в печи и остатки еды на столе. Тем не менее следов финских солдат мы так и не нашли. Рядом протекала река. Всего в нескольких метрах от нас она с шумом несла свои воды на юг. Ее ширина составляла примерно триста метров. Глубина была, видимо, не слишком велика. Противоположный берег представлял собой спокойное, почти идиллическое зрелище: лес, крошечный поселок, красные крашеные стены коттеджей с белыми наличниками окон. Их жители занимались своими повседневными делами, явно не замечая нас. Когда наступил вечер, в домах зажглись огни, отбрасывая яркие отсветы на водную гладь реки.

— Матерь Божья! Просто невероятно! Я уже забыл, что люди могут так мирно жить! — произносит Штрикер, удивленно покачав головой. Мы с ним вдвоем залегли за пулеметом и внимательно вслушивались в подозрительные звуки. Рядом со мной вижу очертания пулемета и профиль Штрикера. Снова и снова бросаю взгляды на ту сторону реки, где постепенно, одно за другим, гаснут окна. Мне почему-то вспоминается бабушкин дом и то, как в нем было уютно. Неожиданно где-то сзади нас разгорается бой. Примерно в километре позади наших позиций раздается стрельба из пулеметов и автоматов, грохочут разрывы ручных гранат. В первые секунды нам кажется, что это ложная тревога, но вскоре после короткой паузы перестрелка возобновляется и становится более интенсивной. Значит, финнам удалось обойти нас на этой стороне дороги. Вслушиваясь в перестрелку, пытаемся представить себе, что за бой кипит рядом с нами. Стрельба продолжается около получаса и в конечном итоге прекращается. Весь остаток ночи проводим в тревожном ожидании.

На рассвете Бинг сменяет меня за пулеметом. Как только я собираюсь немного поспать, мой товарищ замечает приближение врага и будит меня. Прямо перед нами, примерно в 150 метрах, там, где река делает поворот, появляется группа финских солдат. Их не менее взвода, и где-то сзади, возможно, движется еще один отряд. Очевидно, они не ожидают, что мы находимся на этом берегу, во всяком случае, пока.

Не теряя времени даром, мы тут же открываем огонь — чтобы не пропустить их дальше и оповестить наш батальон. В бинокль можно разглядеть лишь тени финских солдат, которые быстро ныряют в укрытие и нехотя ведут ответный огонь. Мы занимаем более выгодную позицию. Находясь под прикрытием хижины, мы имеем прекрасное поле обзора. Обстреливаем все, что движется,

и держим противника на расстоянии. В конечном итоге финны отступают. Разведывательный дозор 12-й роты проходит возле нашей позиции и через полчаса возвращается с сообщением о том, что они ушли и что берег пуст.

Перестрелка всполошила людей на шведской стороне. Проснувшись, они выскочили из домов и собрались на берегу реки. Среди них находятся и какие-то солдаты в белых касках и с полевыми биноклями в руках. Они с любопытством наблюдают за зрелищем, которое, пожалуй, больше никогда в своей жизни не увидят. Опасаясь за жизнь детей, матери спешат загнать их домой. Теперь, когда противник находится у нас за спиной, может произойти все, что угодно. Обстановка угрожает в любую минуту приобрести самый драматический характер. Может разразиться кровопролитный бой, такой, как в Торнио. Нам кажется, что на глазах у мирного населения соседней нейтральной страны вот-вот произойдут события исторического значения. Меня поражает мысль о том, что поскольку в непосредственной близости от нас присутствуют свидетели, мы не должны разочаровать их и мужественно повести себя, если дело примет скверный оборот.

Обстановка на самом деле ухудшилась самым серьезным образом. От посыльного нам становится известно, что финны устроили засаду обозу нашего батальона, в котором везли раненых и продовольствие. Убито несколько человек и мулов, есть раненые. Батальон финских солдат захватил большой участок дороги между нами и Муонио. И, как будто этого оказалось недостаточно, мощный финский дозор, действующий у нас в тылу, ночью напал на командный пункт нашего полка. В короткой перестрелке погиб командир полка, скошенный очередью из автомата. Издалека, с северо-западного направления, доносятся звуки канонады. Там предположительно находится еще один полк нашей дивизии. Так что нет ничего удивительного в том, что, находясь на берегу Муониойоки, мы пребываем в состоянии тревожного ожидания.

Между тем шведы на противоположном берегу собираются заняться своими повседневными делами.

Через несколько часов возвращаемся на дорогу. Далее события развиваются со стремительной быстротой. Встречаю Генриха и его товарищей. Поступает приказ — наши два пулемета должны оказать поддержку 13-й роте. Движемся на север. На первом повороте должен находиться командный пункт роты. Говорят, что финны блокировали дорогу где-то справа. Видим, что неподалеку от КП собрались егери из разных рот. Все ожидают боя в любую секунду. Проходим мимо огневых позиций наших минометов и вскоре с радостью замечаем на краю леса

замаскированное зенитное орудие с полугусеничным прицепом. Штрикер чертыхается из-за тяжести пулеметного станка на спине, но все равно не сбавляет шаг. Идем дальше.

Внезапно оказываемся возле указанного поворота. В следующее мгновение небо озаряется настоящим фейерверком. Первыми открывают стрельбу автоматчики, затем в бой вступают финские минометы, осыпающие все кругом смертоносным дождем осколков. Неожиданно оказываемся в самом центре обстреливаемой местности, в самой гуще боя. Откуда-то сзади на безумной скорости появляется мотоцикл с коляской, направляющийся прямо к повороту. Мы не сразу понимаем, что это наш батальонный. Он явно намеревается взять под контроль бой, разразившийся ранее предполагаемого времени. Как нам его недоставало в те минуты, которые предшествовали обстрелу финнов! «Вот отчаянная голова!» — восхищенно произносит Бинг, глядя вслед нашему отважному командиру, устремившемуся вперед по обстреливаемой территории.

Мы еще не успели дойти до расположения 13-й роты, когда увидели, что батальонный командир на всей скорости летит обратно. Мотоцикл резко остановился в считаных сантиметрах от нас.

— Устанавливайте пулеметы прямо здесь! — крикнул он, указав на кюветы по обе стороны дороги. — Прикрывайте зенитное орудие, как только оно подъедет сюда!

Мы поспешили к повороту. Не успели мы установить пулеметы, как к нам подкатило зенитное орудие.

Оно остановилось прямо посреди дороги. Теперь, лишившись укрытия, оно было хорошо видно врагу и достаточно уязвимо для огня финских пулеметов. Единственной защитой артиллеристам служил лишь броневой лист щита. В следующее мгновение на него обрушился град трассирующих пуль. Мы тут же определили место, где прячется противник, и ответили длинными очередями. Через секунду после этого ожило зенитное орудие, ударившее по позициям финских пулеметчиков.

Впереди мы увидели первых солдат из нашей штурмовой группы. Они бежали, держась кромки леса, и от бедра, веером, вели огонь из автоматов. Рядом с ними снова возник батальонный на мотоцикле, буквально летевший по дороге, по обе стороны которой залегли наши солдаты после очередного минометного залпа. Я услышал, как он крикнул им:

— Вперед, парни! Мы их сделаем! Покажем им, что такое настоящий ад!

В едином порыве батальон бросился вперед, сметая сопротивление врага на почти километровом расстоянии. Сняв

пулемет со станка, мы побежали вслед за остальными. Мы в буквальном смысле расчищали путь для наших товарищей-автоматчиков, преследовавших финнов по всему лесу. Таким образом, батальону удалось с честью вырваться из устроенной противником ловушки.

Финны отступили в лес, а затем отошли дальше на восток. Те из них, кто находился ближе к нам, на западной стороне, устремились к реке, взяв курс на шведский берег. Когда мы вышли к воде, то увидели, что они пытаются переплыть реку. Разве мы имели право в чем-то обвинять их на данном этапе войны? Мы позволили им безнаказанно перебраться на территорию Швеции.

По пути в Муонио мы проехали мимо того места, где утром в западню попал наш обоз. Жуткая картина. Перевернутые, покореженные взрывами машины и повозки. Убитые мулы, все еще лежащие у дороги. К счастью, раненых уже успели вывезти, равно как и убитых.

К полуночи добираемся до Муонио.

Оставаться там было невозможно. Финская артиллерия била по нам без остановки. Мы расположились неподалеку от реки, пройдя мимо наших дымящихся полевых кухонь. Они были готовы к нашему приходу и приготовили к раздаче горячий гороховый суп с грудинкой. Вот уже поистине роскошное пиршество!

На следующее утро нам снова приказали перейти в арьергард и занять позиции перед первыми домами деревни. Здесь мы должны продержаться до наступления темноты. Генрих приходит к нам, чтобы поболтать. Он только что встретил посыльного, который сообщил свежие новости. 12-й горно-пехотный полк войск СС пережил недавно примерно то же самое, что и мы, — сначала подвергся атаке командный пункт полка, после чего попал в окружение их арьергардный батальон. Ему также пришлось с боем прорываться из вражеского кольца, понеся более высокие, чем у нас, потери. (Более полно об этом бое 3-го батальона 12-го горно-пехотного полка войск СС рассказывается в книге «Семь дней в январе» Вольфа Цепфа. — Прим. автора.)

Прежде чем уйти, Генрих говорит:

— Пойдем, я тебе кое-что покажу. Ты обязательно должен это видеть.

Его пулемет установлен возле дороги под указателем с названием деревни.

— Вот, смотри! — говорит он и указывает на него. К столбу прибито несколько финских военных медалей. Прямо над словом «Муонио» видны слова Das war… («Это был»), небрежно

написанные черной краской. Заметив мое недоумение, Генрих поясняет. Финские награды прибил наш батальонный, а офицеры последовали его примеру. Когда батальонный командир добрался до того места, где финны устроили засаду нашему обозу, он увидел, что раненые спасены и на земле лежат лишь трупы мулов. Многие из животных были убиты из винтовок, висевших у них на шее, и из этого следовало, что они не ожидали, что их убьют. Этот факт настолько разъярил нашего командира, что он решил отомстить. Но что еще он мог сделать, кроме как уничтожить место, которое в любом случае будет предано огню? В результате все закончилось церемониальным актом мести. Так и появился этот «позорный столб».

На закате мы покинули позиции. Проходя через деревню, мы увидели саперов, готовивших к разрушению то, что не тронули взрывы и осколки снарядов. После того как финны стали нашими врагами, при отступлении мы должны были уничтожить все, что могло послужить им в качестве опорной базы. Выйдя за околицу, мы не пошли по дороге, а свернули на тропу, уходившую в лес и поднимавшуюся на холмы, которые вздымались к востоку от дороги. Ходили слухи о том, что финны прячутся где-то среди деревьев, собираясь обстреливать немецкие войска из засады. Идя по лесу, мы услышали, как в деревне один за другим грохочут взрывы. Спустя какое-то время мы устроили привал. С вершины холма, возвышавшегося над Муонио, открывался отличный вид на охваченную огнем деревню. После того как пожары прекратились, на месте бывшей деревни остались лишь церковь и дорожный указатель.

* * *

Сегодня, будучи военнопленным, я живо представляю себе эту картину и вспоминаю, что большинство из нас испытывали грусть из-за случившегося. Мы были раздосадованы коварством вчерашних союзников. Мы хорошо относились к Финляндии и ее народу, но простить вероломства не могли. Верность долгу была для нас не пустым звуком, и мы высоко ценили ее. На пряжках наших ремней была отчеканена надпись «Meine Ehre Heisst Treue» («Моя честь — моя верность»). Однако мы понимали и то сложное обстоятельство, в котором оказались финны. Отказаться от условий перемирия с русскими и встать на сторону немецких войск означало на том этапе войны утрату суверенитета финского государства. Мы, до известной степени, были в более выгодном положении. Формула безоговорочной капитуляции не оставляла

нам особого выбора. Более того, в то время мы ничего не знали о масштабах преследования евреев и истинном характере действий, направленных на их истребление. Если бы нам об этом было известно, то наша преданность фюреру обернулась бы великим предательством по отношению к Германии, потому что нас вынуждали участвовать во многих бесчеловечных акциях.

Но тогда, в ноябре 1944 года, у нас просто не было времени для подобных размышлений. Самым главным в те дни была необходимость вырваться из вражеского окружения. Мы продолжили путь на север. Неожиданно в лицо нам ударил порыв сильного ветра. Он был влажным и пах снегом.

Долгий марш в полярной ночи

Мы спим в палатке, прижавшись друг к другу, — Штрикер, посредине Генрих и я. Когда Генрих поворачивается с правого бока на левый, мы делаем то же самое. Этот ритуал совершается по несколько раз за ночь. Мы спим таким образом и эту ночь, и все предыдущие. Несмотря на то, что снаружи стоит сильный холод, нам достаточно тепло. Спим на слое еловых веток под тремя одеялами. Каждый подложил под себя куртку, вывернув ее мехом наружу. Наши сапоги расставлены вокруг небольшой печки, огонь в которой караульный поддерживает всю ночь.

Я не знаю точно, сколько сейчас времени. До подъема уже недолго. Знаю только, что рассвета как такового не будет, во всяком случае до полудня. Сезон светлого дня закончился, и в середине ноября здесь, в горах северной Лапландии, наступило время полярной ночи. Сегодня свет появится на горизонте раньше обычного, потому что перестал идти снег, а ветер наконец утих. Я больше не сплю. Осторожно поднимаюсь со своего ложа, натягиваю сапоги, надеваю куртку и выхожу на открытый воздух.

В лицо сразу ударяет холод, от мороза даже слипаются ноздри. Ветер с северо-востока несет массы холодного воздуха и очищает небо от снеговых туч. В эти минуты огромное небо усеяно яркими звездами. Кажется, будто вселенский холод коснулся лишь этой части земного шара. Наши палатки — их двадцать — каждая из которых рассчитана на шестнадцать человек, — покрыты изморозью. Мы установили их прошлой ночью на выкопанных в снегу ямах.

Со стороны полевой кухни доносится звон мисок и котлов. Этот звук мгновенно гасится снегом. Повар разводит огонь для варки кофе. Подхожу к нему и спрашиваю, какова температура воздуха. Оказывается минус 36 градусов по Цельсию. Если он прав, то это абсолютный рекорд. Более низкой температуры до сих пор не было. Неожиданно мой взгляд останавливается на непонятной заснеженной массе, подающей признаки жизни. Это сбившиеся в кучу мулы, накрытые обледенелыми одеялами. Они стоят кругом, прижимаясь друг к другу мордами. Мулы застыли в неподвижности, даже не шевелят ушами, терпеливо пережидая морозную северную ночь. Чувствую симпатию к этим многострадальным животным. Без них мы, пожалуй, пропали бы. Солдаты по праву называют наших четвероногих спутников «товарищ Мул».

На краю небольшого лагеря вижу на фоне снега темные фигуры караульных. Они не столько оберегают нас от нападения

врага, сколько от коварства враждебной человеку арктической пустыни. Прошло вот уже две недели, как мы утратили контакт с финнами. В этой глухой безлесной открытой местности им негде подстеречь нас. Судя по всему, они оставили попытки преследовать немецкие войска. Суровые арктические ветры стали нашим общим врагом. Не перестаю удивляться тому, как нашим телам удается сохранить тепло и не простыть под тонкой парусиной палаток.

Вечером мы собрали все наше снаряжение, погрузили его на повозки и навьючили на мулов. В путь выступаем в хорошем настроении. Впереди нас ждет последний отрезок долгого марша из Финляндии в Норвегию. Он составляет примерно 30 километров. Предполагается, что мы пройдем через новые укрепленные позиции немецкой армии, где, говорят, проляжет новая линия фронта. Мы знаем, что являемся последним батальоном на этом участке пути вдоль границы со Швецией. Основная часть дивизии ушла далеко вперед и, по всей видимости, уже достигла побережья, откуда морем отправится в Германию. Всего несколько дней, и мы тоже окажемся там и сядем — хочется надеяться на это — на ожидающие нас военные корабли. Слово «Скитботн» звучит для нас как сказочное заклинание. Так называется город-порт у фиорда Линген. Там заканчивается наш поход.

И все же не успевает наступить рассвет, как нас ожидает нечто действительно сказочное. Сначала это одинокая искорка на темном небе. Затем прямо на глазах она увеличивается в размерах, становится все ярче и ярче. Вскоре она излучает желтоватый свет, который делается более интенсивным и вскоре смешивается с волнами и каскадами голубого, зеленого и красного света. Невозможно оторвать взгляд от этого живописного зрелища. Оно длится довольно долго. Вскоре колонна получает приказ остановиться на отдых. Из полевой кухни приносят горячий чай и галеты. Пока мы стоим вокруг повозки с кухней, пьем чай и курим сигареты, прямо у нас на глазах краски северного сияния постепенно гаснут, и на темном небе появляются яркие точки Млечного Пути, Плеяд, созвездия Ориона и Большой Медведицы. Боймер достает губную гармошку и начинает наигрывать мелодию всем известной народной песни.

Две звездочки на небе
Сияют ярко,
Сияют ярче, чем луна.
Сияют ярко,
Сияют ярче, чем луна.

О чем же думает моя любимая?
Ведь я так далеко,
Ведь я так далеко,
Ведь я так далеко от нее.
Ведь я так далеко от нее.
И если бы не расстояние,
И если бы не расстояние,
Я не был бы так далеко от нее.

Сначала мы лишь с закрытым ртом подпеваем мелодии, но затем начинаем вслух петь все строчки песни. В эти мгновения мы мысленно переносимся домой. Одновременно с этим мы прощаемся с суровой страной, к которой успели привыкнуть, в земле которой оставили многих погибших товарищей. Мы защищали Финляндию, как свою родную страну, и несмотря ни на что будем любить ее.

Как обычно, в наше романтическое настроение очень скоро вторгается жестокая реальность. Мы идем по дороге небольшими группами, вытянувшись длинной цепью, низко натянув на лоб вязаные шапочки, чтобы защитить лицо от ледяного ветра. На руках шерстяные варежки. Вместе с нами по дороге трусят мулы, нагруженные тяжелым снаряжением и съестными припасами. За последние дни снег на дороге плотно утрамбовался сотнями сапог, копыт и автомобильных колес воинских частей, прошедших здесь до нас. Местами снег рыхлый, местами твердый, как лед, в зависимости от силы ветра. Перед нами два мула тащат повозку с полевой кухней. Сейчас наш путь пролегает по открытому пространству горного склона, умеренно вздымающегося вправо и круто опускающегося влево и вниз, к реке. Здесь дорога представляет собой сплошное ледовое покрытие и из-за снежных заносов имеет небольшой уклон влево. Мулы, тянущие кухню, боятся сделать поворот, но возница, либо из-за небрежности, либо желая рискнуть, гонит их вперед. В следующее мгновение происходит такая картина: окованные железом колеса повозки скользят по льду, сначала задние, затем передние. Затем вся повозка качается влево и летит вниз по склону, набирая скорость, и разбивается о лед реки, рассыпавшись на части. Спустившись к берегу, мы находим мертвое тело возницы, раздавленного огромным походным котлом. Изуродованных, но живых мулов приходится пристрелить. Забираем всю еду, которую удалось подобрать, прочее оставляем. Нужно двигаться дальше.

Вскоре добираемся до новой линии фронта, протянувшейся вдоль крутых горных стен. Видим постепенно возникающую из

темноты цепь заснеженных гор. Батальон останавливается на широком плато. Причины остановки никто не знает. Чтобы немного согреться, ходим из стороны в сторону, снова и снова размышляя над тем, почему батальон не идет дальше. Спустя какое-то время до нас доходит слух, что высокое начальство отдало приказ выступать дальше в поход лишь после двенадцати часов. Получается, что наша вынужденная стоянка вызвана какими-то проволочками военной бюрократии, которой наплевать на то, что целый батальон вынужден час мерзнуть на пронизывающем ветру. Неужели наш батальонный так сильно оторвался от нас и ушел далеко вперед? Будь он с нами, мы бы не стали околевать от холода, а по его приказу пошли бы вперед.

Так закончилась боевая история нашего батальона в Финляндии.

То, что последовало за этим, продолжалось два с половиной месяца, за которые мы преодолели немалый путь, добавив 700 километров к тем 900 километрам, которые прошли от наших позиций на Сеннозере. Отныне мы проходили по 30–40 километров в день, двигаясь по ночам в полной темноте, взяв лишь несколько дней отдыха где-то посредине этого долгого марша. Наш поход был полон всевозможных трудностей, мы мучились от голода, холода, жуткой умственной и физической усталости, испытывали тяжкое разочарование, а иногда и отчаяние. Как же нам удавалось с этим справляться? Честно говоря, не знаю. Конечно, в первую очередь благодаря нашей молодости. Кроме того, выносливости и упорства нам прибавляло понимание того, что мы возвращаемся домой, на родину. Я также считаю, что боевой дух и чувство долга не позволяли нам пасть духом, а убежденность в правоте нашего дела подсказывала принимать верные решения.

В памяти сохранились лишь обрывочные воспоминания о походе по ледовой пустыне. Он начался с того, что, оказавшись в Скитботне и добравшись до фиорда Линген, мы поняли, что никакие военные корабли нас не ожидают. Не останавливаясь, мы двинулись дальше вместе с потоком других немецких частей, прибывших с фронта под Мурманском, что находился на северном участке армии «Лапландия». Последняя отступала по построенной в годы войны дороге, протянувшейся вдоль северного побережья Норвегии. Нам предстояло пройти по ней немалое расстояние с севера на юг, от Скитботна до Мо-и-Рана, конечной железнодорожной станции.

Если бы не суровые зимние морозы, то мы наверняка отдавали бы должное величественной сдержанной красоте здешнего края. Однако это было совсем не то время, чтобы

безмятежно любоваться природой или вспоминать описания из книги Гамсуна «Город Зегельфосс». В северной Норвегии начиналась пора полярной ночи, которой было суждено продлиться пару месяцев. К этому времени мы уже научились различать оттенки постоянной темноты и в сумеречный полдень понимали, до какого места добрались. Иногда нам встречалась какая-нибудь деревня, несколько домиков с красными стенами на берегу моря. Ее жители, рыбаки, засунув в карманы руки и явно бездельничая, демонстративно не обращали внимания на нас, чужаков и незваных гостей. Время от времени кто-нибудь из них выходил из дома, забирал рыбу, вываленную на снег несколько дней или недель назад, и исчезал за дверью. Однажды вечером, когда мы начали очередной 30-километровый марш и проходили мимо последних домов какого-то поселка, мой взгляд упал на окно с голубыми занавесками и семью норвежцев, собравшуюся за столом на ужин. Эта картинка показалась давно забытым видением, нереальным, как рай.

Когда мы проходили мимо берега фиорда в ясную погоду и видели в море военный корабль, то начинали мысленно представлять себе жизнь на его борту: ярко освещенные, теплые и уютные каюты, моряков, чистых и опрятных после ежедневного душа. Мы также мечтали о городе Нарвике, где, как нам казалось, закончится поход и где наверняка нам удастся погрузиться на корабль, отправляющийся в Германию.

Однако большую часть времени мы не видели ничего, кроме бесконечного тумана и снега. Кстати сказать, дорога не всегда проходила берегом моря. Где-то между Бальсфьордом и Нарвиком мы трое суток пересекали горную цепь. Погода была скверной и на второй день сделалась еще хуже. За день до этого мы вошли в горную долину. В ту ночь нашим местом назначения был лагерь на перевале. Пошел снег, и через час-два мы оказались в самом центре снежной метели. Теперь дорога поднималась в гору. Она и в хорошую погоду была трудно проходимой, сейчас же в слепящей снежной пелене идти по ней было просто невозможно. Нельзя было даже разглядеть идущего впереди товарища. Однако мулы, наши верные друзья, опустив голову, упрямо двигались вперед. Мы время от времени хватали их за гриву, чтобы не сбиться с пути и не упасть, против чего они практически не возражали.

Ближе к рассвету остановки стали чаще обычного, потому что снежные заносы на нашем пути были такими сильными, что дорогу приходилось расчищать лопатами. Однажды нам довольно долго пришлось ждать, когда подтянется хвост колонны. Между тем снег продолжал идти, и дорогу уже совсем нельзя было

разглядеть. Единственное, что позволяло ориентироваться в этой снежной круговерти, это столбы, установленные вдоль дороги и отмечавшие путь к перевалу.

В конечном итоге мы завязли в гигантском снежном заносе, в котором пришлось бы долго выкапывать тропинку лопатами. Всем стало ясно, что ситуация более чем опасная. Мы пытались согреться всеми мыслимыми способами, ожидая приказа разбить лагерь или сделать что-то другое. Однако нам сильно повезло. Откуда-то спереди до нашего слуха донеслись приглушенные звуки работающего мотора. Армейский пункт на перевале прислал нам на помощь бульдозер. Вскоре дорога была расчищена и батальон благополучно проследовал дальше, радостными криками благодаря водителя спасшей нас машины.

Пост на перевале был практически безлюден. Если мы предполагали, что там нас встретят дымящиеся полевые кухни с горячей едой и теплые помещения, то глубоко ошибались. Вместо уютных помещений мы получили металлические сборные домики и набитые соломой матрацы. Внутри стены помещений покрыты толстым слоем льда. Высушить одежду негде. Еды нам не предложили. Замерзшие и усталые, мы тут же легли спать, радуясь, что смогли избежать верной смерти в снежной ловушке в долине.

Подойдя к Нарвику, мы испытали очередное разочарование. Корабля, готового переправить нас домой, нигде не было видно. Длинные колонны егерей устало, как в трансе, брели по бесконечной дороге в постоянной темноте среди льда и снега. Многие спали на ходу, цепляясь за гриву мула или за повозку. Среди них были невезучие парни, которые не успевали вписаться в поворот и просыпались в кювете. Генрих также обладал таким «искусством» и часто натыкался на спину впереди идущего товарища или круп мула. В такие ночи полного морального и физического отупения самым главным для нас была дневная цель: преодолеть лежащий впереди отрезок пути. Даже физическая боль, вызванная, например, потертостями и мозолями, которая раньше представлялась невыносимой, быстро забывалась и переставала ощущаться после десятикилометрового марша.

Еды постоянно не хватало. Основным блюдом был суп из сушеных овощей. Но разве мы могли рассчитывать на что-то большее, будучи транзитными подразделениями из различных воинских частей? Где-то между Нарвиком и Мо нам дали день отдыха. Мы со Штрикером шли по улицам деревни, когда нас привлек властный запах свежеиспеченного хлеба, доносившийся из армейской пекарни. Мы, как зачарованные, наблюдали за тем,

как сотни пышущих жаром буханок загружались на грузовик, стоявший рядом со стеной дома. Заглянув в открытую дверь и поборов собственную гордость, Штрикер приблизился к мясистому гауптшарфюреру.

— Вам случайно не нужны помощники? — спросил он.

— Нужны. Ладно, побирушки, становитесь сюда, — снисходительно ответил тот.

Мы протиснулись в узкое пространство между грузовиком и домом и почувствовали себя, как в раю. Загрузить машину оказалось несложно. Через полчаса мы пошли дальше, получив каждый по буханке горячего хлеба. Сначала мы хотели только попробовать его, отрезать ножом тонкий ломтик, а остальное приберечь на потом, но голод оказался настолько силен, что мы на месте умяли по целой буханке.

Лично для меня пиршество имело самые удручающие последствия. Мы шли всю ночь. Стоял крепкий мороз. Спустя несколько часов я испытал беспокойство в желудке. Поскольку мы двигались в хвосте колонны, я отстал и облегчился. Не успел я догнать своих товарищей, как прежние позывы заставили меня снова опорожнить кишечник. После этого я заметил, что колонна ушла вперед дальше, чем в прошлый раз. Ночь была ясная, и я не боялся потеряться. Меня колотила дрожь, голова кружилась, и я почувствовал такую слабость, что не смог встать. Я неожиданно понял, что догнать колонну мне будет очень трудно. Если я сейчас не встану, то насмерть замерзну. Огромным усилием воли я все-таки встал и поплелся вперед, дрожа и постоянно подстегивая себя ругательствами: «Иди, засранец, поторапливайся! Не останавливайся, придурок, топай вперед!» В конечном итоге я добрался до лагеря, полностью обессиленный и едва ли не на четвереньках.

— Где ты был? На тебе лица нет! Ты похож на призрак! — сказал Штрикер, увидев меня, когда я, наконец, нашел нашу палатку и опустился на набитый соломой матрац.

Помимо постоянного изнеможения мы испытывали уныние, вызванное общей обстановкой на фронте, отчего полярные ночи казались еще темнее. В дополнение к разочарованию, вызванному тем, что в Нарвике никакой посадки на корабль не будет, мы получили известие о скверном положении на фронтах Европы. В письмах, которые солдаты получали из дома, сообщалось об участившихся бомбардировках их родных городов, ухудшении бытовых условий и поставок продовольствия. Комментарии Генриха сделались мрачнее прежнего.

— Вот видишь, это же очевидно! Транспорты больше не подходят к берегам Норвегии. Вот поэтому нам и приходится все

время топать пешком. А ты знаешь, каково это тащиться вдоль фиордов! Сюда не подогнали даже какой-нибудь жалкий паром, чтобы переправить нас. Поэтому и приходится наматывать лишние километры, возвращаясь туда, где мы уже были.

— Послушай, Генрих, — отвечал я. — Все не так уж плохо. Не забывай, что мы горная пехота, а не моряки. Наше дело такое — знай себе, шагай по горам и лесам. Это вообще чудо, что мы сюда добрались. Помнишь тот день, когда мы ушли из Куусамо? Помнишь слова, которые ты произнес в тот день? Будем считать, что нам крупно повезло.

— Что ты имеешь в виду под везением? Это же отступление, неужели ты не понимаешь?! Полномасштабное отступление. Мы драпаем, вот что мы делаем. И так повсюду, куда ни посмотри. Если ты этого не замечаешь, то у тебя галлюцинации! — сердито ответил мой товарищ.

— Но, как говорится, нет худа без добра, — парировал я. — По крайней мере, линия фронта значительно уменьшится. Это улучшит нашу боевую мощь. Чем больше сужается фронт, тем лучше.

— Превосходная мысль! Когда мы вернемся в Германию, все сразу станет хорошо. Как ты думаешь, на что способна армия «Лапландия» в таких обстоятельствах? Что будут егери делать, столкнувшись с танками? Это все равно, что наступать на бронемашины с луком и стрелами!

— А ты слышал что-нибудь о «панцерфаустах»? Говорят, это действенное оружие для пехоты, особенно для горной пехоты. В любом случае, не вешать нос! Пусть начальство за нас беспокоится. Через месяц все будет в порядке.

Этот разговор был вполне созвучен нашим прошлым спорам. Хотя, честно говоря, я во многом разделял взгляды Генриха. Чем дольше продолжался поход по горам Норвегии, тем сильнее погружались мы в состояние умственного отупения. Видимо, в те тяжелые декабрьские дни 1944 года я подобно многим моим товарищам утратил все иллюзии относительно исхода войны.

И все же наш отважный батальон не превратился в банду деморализованных негодяев. Иногда мы даже пели строевые песни, правда, скорее, по инерции, а не для того, чтобы приободрить себя. Однажды ночью мы достигли Северного полярного круга, на этот раз направляясь уже на юг. Стояла ясная погода. Дорога освещалась скудным лунным светом. Мы снова удалились от моря. По обе стороны дороги тянулись заснеженные горные вершины. Когда голова колонны прошла мимо указателя Северного полярного круга, кто-то затянул песню.

Начнутся радости деньки!
Любимая, прощай!
Позволь признаться, что того
Ни капли мне не жаль.
Ведь маки алые опять
На поле расцветут!
Прощай, любимая, прощай.
Любимая, прощай!

Песня очень простая, с малым количеством строчек и неглубоким смыслом, но напоминание о грядущих «деньках радости» немного ободряет нас. Когда мы доходим до указателя, то узнаем нашего батальонного, стоящего возле столба. Он опирается на трость, но держится прямо. На груди у него блестит Рыцарский крест. Подняв руку, он салютует нам. Подойдя ближе, замечаю слезы в его глазах. Наверно, это ветер, дующий в долине, выбивает слезы.

Через два дня мы добрались до Мо.

Интерлюдия в Дании

Моя койка в каюте военного корабля — самая нижняя в ряду из четырех. Свободного пространства так мало, что приходится протискиваться, чтобы лечь на нее. Все койки заняты преимущественно солдатами нашего батальона. Где-то рядом шумно работает вентилятор, соревнуясь в громкости с двигателями, от которых вибрирует весь корабль. Мы на пути из Осло в Данию. Сегодня Сочельник, канун Рождества 1944 года.

Жую лишнюю пайку хлеба, подарок Генриха, который лежит на койке напротив. Он вымученно улыбается, перехватив мой взгляд, что-то жалобно бормочет и отворачивается. Мой товарищ тяжко страдает от морской болезни. Его изможденное лицо даже позеленело. Кажется, будто он лежит на смертном одре.

Прошло четыре дня с тех пор, как поездом нас доставили из Мо на юг Норвегии. Мы были последним батальоном нашей дивизии, вывезенным с севера. Мы пробыли один день в Осло. Из поезда мы прямиком отправились в санпропускник. Там наша одежда была подвергнута дезинфекции, а мы, наконец, побывали в бане, где вволю поплескались в горячей воде. Нам выдали новое нижнее белье, затем подстригли и довольно прилично накормили. После этого мы отправились в порт. К этому времени снова стало темно, так что города мы толком и не видели.

В бане я услышал о том, что большая часть дивизии прибыла в Осло две недели назад. Получается, что наши однополчане уже в отпуске и наверняка успеют домой к Рождеству. Если повезет, то праздник мы встретим в Дании. Мы также узнали о том, что норвежских добровольцев отправили по домам. Их миссия с самого начала ограничивалась боевыми действиями в Финляндии. «За Финляндию и честь Норвегии!» — таков был их лозунг. Свою задачу они выполнили. Удачи им. Они были хорошими товарищами и заслужили достойных проводов.

Одеваясь, я думал о том, насколько отличается характер нашей службы от службы норвежцев. Мои товарищи были недовольны тем, как нас встретили в Осло, и в бане раздавались саркастические высказывания: «Торжественный прием в санпропускнике, это что-то!», «Ну и встреча!» или «А ты чего ожидал?» Меня охватило смятение. Неужели я завидую норвежцам? Но разве у нас не было своей торжественной церемонии в ту ночь, когда мы миновали Северный полярный круг? Разве это не ознаменовало закрытие карельской страницы моей боевой биографии? В ту ночь на борту корабля наши мысли были заняты не Рождеством. Главной заботой было благополучно

добраться до Дании, поскольку безопасного путешествия нам ничто не гарантировало. Если в эту гигантскую железную коробку, в которой мы находимся, попадет торпеда вражеской подводной лодки, то мы не успеем даже выбраться на палубу. Впрочем, прочь плохие мысли! Но почему возле люков и трапов стоят моряки с пулеметами? Вид у них достаточно зловещий.

На следующее утро устанавливается ясная и холодная погода. День обещает быть прекрасным. Довольные благополучным поворотом судьбы и полные ожидания, наблюдаем за тем, как в датском порту разгружается наше снаряжение. В лучах утреннего солнца даже корабль смотрится привлекательно, кажется, будто он живой и хочет спросить: «Видите? Я смог добраться сюда!» Было забавно наблюдать за тем, как мулов подъемным краном снимают с палубы и ставят на причал. На берегу нам приходится навьючивать на них снаряжение и готовиться к отъезду. Мы занимаемся этим до полудня.

Затем мы через весь город отправляемся в казармы.

Идем цепью — 25 взводов егерей, мулы, повозки, полевые кухни. Все исключительно на конной тяге, никаких моторизованных средств передвижения. По мостовой цокают копыта и позвякивают подковы сапог. Проходим возле церкви. Звонят колокола, и наружу выходят прихожане: родители с детьми, юные белокурые девушки, мальчишки в костюмчиках с галстуками, пожилые люди, дамы в мехах и господа в черных пальто с меховыми воротниками и в котелках. Мимо нарядной толпы проходим мы — молодые фронтовики в видавшей виды военной форме, открыто несущие легкое стрелковое оружие и пулеметы, впереди командир с орденами на груди, верхом на коне.

Контраст, судя по всему, оскорбил датчан. Они отводили от нас глаза. Мы, в свою очередь, также избегали встречаться с ними взглядами и шли вперед, стараясь придать лицам безразличное выражение. Мне кажется, что при этом мои товарищи вспоминали недавние бои и пытались не утратить гордости, которая так нужна нам в эти минуты. Разве мы не воевали — вместе с другими добровольцами из различных стран Европы — за свободу стран Запада, за возможность мирно праздновать Рождество? Разве не запретили в России этот праздник большевики и разве не изгнали бы они его с территории Германии, случись Коминтерну установить в ней свою власть?

Мы также прошли через спальные районы города, где я обратил внимание на какую-то девушку в черном платье с белым передником, выгуливавшую собаку. При виде ее я вспомнил, как давно не был дома и насколько оторвался от обычной мирной

жизни. Мне в голову пришла и другая мысль. Этот чистый цивилизованный город — прекрасный образец того мира, который мы защищаем от нашествия орд большевиков. Кроме того, я тут же подумал о том, что в ходе этой борьбы мы также рискуем ожесточить свои сердца и стать кровожадными дикарями.

Вскоре после Рождества нас отправили на отдых на остров Фин, который показался нам воплощением райского сада. Ясное небо, бескрайняя гладь моря, прекрасная природа, аккуратные домики с крышами из красной черепицы и белыми наличниками — все это радует взгляд. Иногда, бродя по окрестностям, проходим мимо какой-нибудь деревушки с острым шпилем церкви. Нас никто не ограничивает в передвижениях, правда, приказано ходить только вдвоем и с оружием. В ту пору моим неизменным спутником был Штрикер. В первый же день пребывания на острове мы нашли ферму, где нас угостили свежим молоком и хлебом, щедро намазанным сливочным маслом, причем фермер отказался взять от нас плату. Там же мы познакомились с двумя девушками-блондинками, одна из которых была бойкой и пышнотелой, а вторая — худенькой, застенчивой и голубоглазой. Ее звали Анни. Штрикер, будучи деревенским парнем, охотно предлагал хозяину фермы помощь на скотном дворе, явно положив глаз на пышнотелую. Мы три дня по утрам приходили на ферму, возвращаясь в казармы лишь вечером. Когда нам на третий день предстояло уехать насовсем, мы с Анни поцеловались. Это был невинный короткий поцелуй. Наступил канун праздника Нового года, а с ним и конец нашей вольной жизни. В ожидании нового снаряжения — в том числе и пулемета MG 42 вместо прежнего MG 34 — мы должны были оставаться в казармах и готовиться к отъезду.

В ту пору девушки не сильно увлекали меня, я был еще достаточно наивен и романтичен и желал лишь отвлечься от грустных мыслей, одолевавших меня с того дня, как мы прибыли на остров. В казарме меня ждали письма, которых я не получал уже со времен пребывания в Нарвике. Первое было от Кристины, которая написала о том, что устроилась медсестрой в госпиталь в Ганновере. Это было мужественное письмо, но в нем не упоминалось о бомбежках вражеской авиации. Я знал, что в тылу теперь не менее опасно, чем на фронте. Второе письмо оказалось от матери. Оно написано в типичной для нее возвышенной, живой и добросердечной манере. В последних строках своего послания она сообщила, что Филипп два месяца тому назад погиб в бою. Его родителям сообщили о том, что их сын пал смертью храбрых при прорыве дивизии из окружения под Черкассами. Это известие

потрясло меня. В глубине души я понимал, что и Филипп, и Маннхард были прекрасными образцами военной элиты. Именно такие люди были достойны стать во главе нашего государства. Теперь их нет, и я больше не в состоянии рисовать в воображении картины прекрасного будущего. Наверно, только сейчас, когда я вспоминаю те дни, до меня доходит истинный смысл той огромной потери.

Накануне Нового года мне хочется забыть обо всем, и я напиваюсь, впрочем, не сильно, в компании Штрикера и Генриха. Помню, как мы громко распевали песни, а в полночь Бинг выпустил в небо целую очередь трассирующих пуль из новенького MG 42. Услышав речь партийного руководства, мы тут же выключили радио. Не хотелось в праздничную ночь слышать никаких высокопарных слов.

На следующий день мы берем курс на материк и 2 января поездом добираемся до места выполнения нового боевого задания, операции «Нордвинд».

Рейпертсвейлер

Поезд медленно проезжает по мосту через Рейн, приближаясь к Кельну. Несмотря на холод снаружи наш товарищ Шмидхен, уроженец этого города, приоткрывает дверь вагона, чтобы посмотреть на реку. В эту безлунную ночь и в условиях ночного затемнения на берегах не видно огней. Устремляем взгляды в кромешную тьму. Я не испытываю ничего особенного. В отличие от моих спутников прославленная река не пробуждает во мне никаких патриотических чувств. Несколько лет назад я был здесь, но мое первое впечатление от поездки в эти места по железной дороге было не слишком благоприятным. Меня тогда утомил монотонный пейзаж бесконечных виноградников на берегах Рейна и я не оценил красот здешней природы. Мне вспомнился еще один случай, когда я пересек эту реку. Это было в декабре 1939 года. Уже началась война, и мы ехали к деду встречать Рождество в городок на границе с Бельгией.

Теперь, в первые дни 1945 года я снова оказался на Рейне. В эти минуты, отправляясь на Западный фронт, я задумался об историческом значении знаменитой реки. Это был символ притязаний Германии на свои западные земли со времен Древнего Рима и до наших дней. Линия фронта уходила все дальше на запад, и война велась уже на территории самого рейха.

— Немецкая река судьбы, — сказал я Генриху. — Она не хочет выставлять себя напоказ, оставаясь в темноте. Нас точно так же держат в неведении о нашей будущей боевой задаче.

— Мы хотя бы знаем, что будем воевать на Западном фронте, а не на Восточном, — ответил мой товарищ.

— Верно, — согласился я. — Разве нам не повезло? Я и думать не желаю о возвращении на восток. И все-таки куда нас везут?

— Мне, например, все равно. Запад или восток, какая разница? — сердито произнес Генрих. — Нам все равно не удержать натиск врага.

Поезд остановился на главном городском вокзале. В приоткрытую дверь вагона мы увидели снующих по перрону людей, которые попадали в тусклый свет, отбрасываемый на землю специально затемненными фонарями.

— Если послушать тебя, — продолжил я, — то можно подумать, что наши дела совсем уж плохи. Тебе не кажется, что если сосредоточить усилия, то можно стабилизировать фронт и даже отбросить врага? Разве не так?

— Это точно, но получится, пожалуй, так, как в Нормандии,

когда мы встали у него на пути. Мой дорогой Иоганн, если бы ты иногда заглядывал в газеты, вместо того чтобы кокетничать с той юной датчанкой, ты бы лучше разбирался в сложившейся обстановке. Сосредоточение усилий, о котором ты говоришь, произошло ровно месяц назад в Арденнах. Не слишком-то оно помогло нам.

— Я знаю это, но не забывай, что Арденны — лесистая местность, непригодная для действия танковых войск, а южнее, насколько тебе известно, лесов еще больше. Сейчас все горнопехотные дивизии, прибывающие с севера, отправляют в такие места. Готовится новый мощный прорыв. Он ведь удастся нам, как ты считаешь?

— Завидую твоему оптимизму, — произнес Генрих, завершая разговор.

Поезд двинулся дальше и теперь медленно проезжал по Кельну. Шмидхен стоял возле приоткрытой двери. Мы услышали, как он простонал на кельнском диалекте.

— О, боже! Вы видите? Я даже не подозревал, что все обстоит так плохо!

Я подошел к двери и выглянул наружу. Знакомое место. Здесь раньше находился деловой квартал города. Сейчас на месте домов зияла пустота. Иногда на пустынном пространстве можно было разглядеть обломки разрушенных зданий. Кельн перестал существовать. Это было понятно даже в ночной темноте. Шмидхен потрясен увиденным, он лишился дара речи. Мы тоже не могли найти слов. Когда поезд увеличил скорость, Шмидхен рывком закрыл дверь.

Через несколько дней мы оказались на фронте. Местом действия стали Нижние Вогезы.

Мы стояли тесным кружком — мой пулеметный расчет и Генрих с несколькими своим солдатами. Все отчаянно мерзли и поэтому засунули руки в карманы курток, а на головы натянули капюшоны и плащ-палатки, чтобы укрыться от мокрого снега, порывами налетавшего на лес. Мы, как всегда, окопались, но было слишком холодно, чтобы сидеть в окопах. Чтобы согреться, мы топали ногами и старались двигаться. Остальные солдаты стояли такими же группами, заполонив весь лес. Все три егерских батальона нашего полка собрались здесь, готовясь участвовать в атаке, которая назначена на завтрашнее утро. Цель была такова — снова захватить высоты, оставленные одной из наших пехотных дивизий, что удерживала их всего один день, перейдя на позиции, которые мы занимали до этого, — холмы возле деревушки Рейпертсвейлер.

Часы, предшествующие бою, — самое неприятное время в

жизни солдата. Мысль о смерти невозможно изгнать из сознания, как и мысль о том, что везение не может быть постоянным. По-моему, такое томительное ожидание — самый худший вид фронтового опыта на войне. Оно кажется бесконечным. Рано или поздно настанет твой черед. Смерть не имеет коллективного характера, а лишь индивидуальный. В такие тяжелые минуты даже в самой гуще товарищей чувствуешь одиночество. Все молчат, лиц в темноте не видно, лишь вспыхивают огоньки зажженных сигарет.

За последние несколько дней американская артиллерия уже изрядно выкосила наши ряды. Днем на лес, в котором мы находимся, обрушился мощный огонь вражеских тяжелых орудий. Возникает такое ощущение, будто у нашего новоявленного противника поистине безграничные запасы пушек и снарядов. В тот день, когда мы высадились из поезда и отправились на новые позиции, американцы безостановочно обстреливали наши магистрали подвоза, ведущие к передовой. По пути на фронт мы видели зловещие последствия: разбитые повозки, трупы лошадей и мулов. Мы постоянно пытались укрыться от смертоносных осколков. Войдя в лес, мы вскоре увидели еще одно неприятное зрелище: развороченный взрывами блиндаж с торчащим из земли флагом Красного Креста и рядом кучу мертвых тел.

В последующие месяцы нам предстоит узнать специфический способ применения американцами артиллерии. Они не посылают в бой пехоту, пока не убедятся в том, что вражеские позиции не уничтожены артиллерийскими залпами. Артобстрел длится порой несколько часов подряд. На данном этапе войны мы никак не могли себе позволить подобную роскошь.

Наш 12-й горно-пехотный полк войск СС принимал участие в операции «Нордвинд» еще начиная с Сочельника. Когда мы добрались до позиций, стало известно, что он понес серьезные потери в первом бою под Вингеном. Полк якобы прорвался в тылы американцев, взял много пленных и глубоко внедрился на территорию Эльзаса. Это были хорошие известия, поднявшие наш боевой дух. Однако были и плохие новости — через несколько дней полк был вынужден отступить, а соседний полк потерял много солдат убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

До сих пор я видел новых противников лишь в бинокль. В первый день на передовой мы отбили затеянную ими разведку боем, в результате чего американцы понесли ощутимые потери. Не успел закончиться бой, как они отправили машины скорой помощи и врачей прямо на поле боя для спасения своих раненых. Я не мог поверить своим глазам. Что это за война такая? На Восточном фронте я не видел ничего подобного, однако здесь, на

Западе, похоже, действовали какие-то другие правила войны, признаваемые обеими сторонами. Вдали я заметил американских офицеров, кативших по полю в компактных маленьких автомашинах, — совсем как на маневрах! Первое же боевое столкновение с американцами — или «ами», как мы стали называть их, — укрепило нас во мнении, что их не стоит рассматривать как заклятых врагов.

И все же первая настоящая схватка с ними в конечном итоге обернулась великими мучениями, которые мы были обречены испытать.

— Черт побери! — неожиданно взорвался Генрих. — Зачем нам торчать здесь на ногах целую ночь и мокнуть под этим мерзким дождем? Давайте установим палатку, немного обсушимся и попробуем заснуть!

Бинг и Штрикер отправились за ветками, а мы с Генрихом принялись соединять четыре треугольных куска парусины. Остальные последовали нашему примеру и стали готовиться к ночлегу, однако палатки разбивать не стали, ограничившись установкой навеса. Чуть позже мы вчетвером забрались в палатку. Уют оказался достаточно умозрительным, но все-таки это было лучше, чем оставаться всю ночь под открытым небом. Мне никак не удавалось унять дрожь, и я долго не мог уснуть, чувствуя, как влага просачивается через парусиновые стенки нашего ненадежного убежища.

Должно быть, я спал совсем мало, потому что лишь на рассвете обнаружил, что снег с дождем сменился настоящим густым снегом. Мы сложили палатку, собрали снаряжение, надели обтянутые белой тканью каски и приготовились к отправке на передовую. Пришлось ждать несколько часов. По какой-то непонятной причине атаку отложили до полудня.

Когда артиллерия начала огневую подготовку, мы устремились вниз по склону холма. Сопротивление врага оказалось слабым, немногочисленные американские передовые посты были быстро уничтожены. Главные силы противника находились на поросших лесом склонах холмов. Как только мы оказались у подножия одного из них, по нам открыли огонь из минометов и гаубиц. Пехотные роты продолжили наступление к вершине холма и скрылись в лесу, где встретили ожесточенное сопротивление врага. Бой с применением стрелкового оружия принял самый серьезный характер.

Мой взвод окопался у подножия холма и приготовился принять бой. Генрих, захватив пулемет, уже поднялся выше по склону. Огонь американской артиллерии был точен и беспощаден. Снаряды, взрывавшиеся вокруг нас, поднимали вверх

тучи снега, оставляя огромные воронки развороченной бурой земли. Наши товарищи из пехотных рот, находившиеся в лесу, приняли на себя главный удар атаки. В перерывах между залпами мы прислушивались, стараясь определить, где они находятся и куда успели переместиться. После полудня, уже ближе к вечеру, я решил, что наши парни оказались возле вершины холма. Нам оставалось только гадать, сколько времени они сумеют там продержаться под нескончаемым огнем минометов и стрелкового оружия, который вели американцы с господствующей высоты.

К нашему великому облегчению в бой наконец вступила наша артиллерия — дали знать о себе наши «небельверферы» (ракеты, запускавшиеся из 210 мм пятиствольных пусковых установок или из 150 мм шестиствольных пусковых установок. — Прим. автора.). Ракеты с жутким свистом и на сумасшедшей скорости полетели на позиции американцев. Мы оказались в самой гуще полномасштабного сражения.

Погода ухудшилась. Температура упала ниже нуля. Началась снежная метель, придававшая полю боя какой-то зловещий вид. Вскоре настала наша очередь. Нам приказали действовать совместно с пехотной ротой и, двигаясь диагонально по склону, занять высоту. Как оказалось, целью был вражеский тыл. Мы не знали, где проходит в данный момент линия фронта, однако было очевидно, что основная масса противника отступила к вершинам холмов. Мы двинулись в нужном направлении под прикрытием звуков боя. Было невозможно понять, продолжается ли наше наступление или американцы уже развернули контратаку, которую вынуждены отбивать егери. Однако не оставалось никаких сомнений в том, что враг никак не хочет сдаваться.

Лишь сумасшедшее везение спасло нас, и мы не стали жертвами своего собственного маневра, заключавшегося в окружении американских позиций на господствующей высоте. Мы уже начали смыкать кольцо вокруг нее, когда в нас едва не угодил наш собственный «небельверфер». Залп заставил нас броситься в снег, и мы лежали так несколько секунд, перепуганные до смерти, когда несколько взрывов прогрохотали метрах в тридцати от нас.

В конце концов, под прикрытием темноты и не замеченные врагом, мы добрались до тылов американских войск пехотного батальона, как нам стало известно позднее. Наша позиция находилась на переднем крутом склоне, откуда можно было спуститься к тропе, ведущей ко дну оврага и седловине между двумя холмами. Мы установили пулемет под каменным выступом и тут же принялись окапываться, вгрызаясь в мерзлую землю.

На рассвете снег прекратился, а температура упала еще ниже.

На какое-то время над полем боя повисает тишина. Изучая в бинокль окружающую местность, прихожу к выводу, что наша позиция господствует над предполагаемой магистралью подвоза к расположению батальона американской армии. Внимательно разглядываю дно оврага. Внизу слева замечаю небольшой мост. Чуть выше тропы, насколько мне известно, залегли в засаде егери с противотанковыми ружьями «панцерфауст». Они, судя по всему, хорошо замаскировались, во всяком случае я их не вижу.

Снизу, со стороны седловины, неожиданно доносится звук мотора какого-то транспортного средства, стремительно приближающегося к нам. В поле зрения появляется серо-зеленая махина танка. Медленно поворачивается башня. В следующую секунду Бинг открывает огонь. Трассирующие пули ударяются о броню и отскакивают от нее. Они не способны причинить никакого вреда танку. Через пару минут он окажется прямо напротив нас. Этого нельзя допустить. Ба-бах! В танк ударяет огненный шар. Бронемашина останавливается и сползает с дороги. Кто-то из наших, затаившихся в снегу с противотанковым ружьем, сбил его. Танкисты выскакивают наружу, но тут же попадают под огонь немецких автоматчиков, выскакивающих из снега. При виде этого нас охватывает восторг. Мы никогда еще не видели, как подбивают танк. Однако радоваться рано. Все понимают, насколько уязвимы для новых боевых машин противника, после того как они выедут из оврага и начнут подъем по склону горы, если солдаты с «панцерфаустами» вовремя не остановят их. Американцы скоро начнут массированную атаку, чтобы спасти свой засевший на вершине батальон. Они начинают с заградительного огня. Это был самый жуткий артобстрел из всех, что мне раньше приходилось испытать. Он длится примерно полтора часа. Осколки градом осыпают нас. На позиции нашего полка выпущено, должно быть, несколько десятков тысяч снарядов. Где же американцы смогли найти столько орудий, чтобы обстреливать такой маленький участок фронта? Наш пулеметный расчет был относительно надежно защищен, находясь под каменной глыбой, однако огонь был настолько плотен, что мы не особенно рассчитывали остаться в живых.

Я не знаю, что происходит вокруг, вижу лишь то, что позволяет мне мое ограниченное поле обзора. Закончив обстрел, американцы выпускают на нас два танка. Один из них появляется на повороте тропы. Он тут же начинает стрельбу. Видимо, обстрел из автоматического оружия не смог помешать его движению. В конечном итоге, под прикрытием орудийного огня из-за поворота появляются американские пехотинцы и устремляются вперед. Открываем по ним огонь с довольного

большого расстояния и почти наугад, но они упрямо двигаются вперед и вскоре попадают под наш более точный огонь и останавливаются неподалеку от моста. После этого они исчезают в низине, пытаясь найти там укрытие от пулеметных очередей.

После артиллерийского обстрела к нам прибывает вестовой, чтобы узнать обстановку. Похоже, все наши солдаты, занявшие позиции на склоне, живы и невредимы, главным образом потому, что удачно рассеялись по окружающему пространству. Вестовой рассказывает нам, что в пехотных ротах потери очень высоки. Убит Шапер. Прямым попаданием снаряда его разорвало на куски. Я не сразу почувствовал горечь утраты. С Шапером я сошелся довольно близко, и мне жаль этого славного человека. Вместе мы прошли долгий путь от Киестинки и до Эльзаса. Между тем из оврага открывают огонь американские орудия, и начинается атака вражеской пехоты. Если ее не остановить, то тонкое кольцо нашей обороны разомкнётся и противник устремится на выручку своему батальону, который нам все еще удается блокировать. Над нашими головами взлетают ракеты, выпущенные из «небельверферов». Первая пролетает мимо цели, вторая и третья уничтожают два вражеских орудия. Вскоре атака американской пехоты захлебывается. Передовой вражеский взвод остается невидимым, он прячется где-то возле моста, опасаясь выйти из укрытия. Мы предположили, что среди них много раненых.

* * *

Позади нас кипел бой. Наихудшим местом была вершина холма, где, по словам вестового, окруженный нами и теснимый батальон американцев вынужден сомкнуть периметр. Не вызывало никаких сомнений то, что противник отчаянно пытается вырваться из окружения при поддержке своих гаубиц, которые безостановочно ведут огонь по нашим позициям. Слыша непрекращающиеся взрывы, я подумал о том, что Генрих сейчас находится в смертельной опасности. Мы боялись даже представить себе, какие потери в эти минуты могут нести наши однополчане. В дни боев в северной Карелии нас никогда так сильно не обстреливали из орудий.

Чуть позже канонада стихает, и над истерзанным клочком земли, на котором мы находимся, повисает тишина. Похоже, что нам все-таки удалось удержать позиции. Напряжение немного спадает, и мы ощущаем невероятную усталость. Нехватка еды, сна, невыносимый холод последних тридцати часов читаются на

наших лицах. Нашим усталым телам возвращается малая толика сил. Помимо надежды на то, что все скоро кончится, это происходит благодаря сигаретам, которые способны даже заглушить голод. Но, как бы то ни было, нельзя забывать и о служебных обязанностях. Хотим мы того или нет, но необходимо не спускать глаз с вражеского взвода, попавшего в ловушку возле моста. Кроме того, нам нужно углубить, укрепить и получше замаскировать огневую точку. Справившись с этими делами, мы находим время для короткого отдыха, стоя в окопах и изредка погружаясь в минутный сон.

Во второй половине дня американцы предприняли очередную попытку прорваться к высоте. Длилась атака всего каких-нибудь полчаса, однако смогла многое поведать нам о нашем новом противнике. На этот раз мы увидели, как «ами» бегут по дороге под прикрытием двух грохочущих танков — рев моторов оповестил нас об их приближении задолго до того, как те показались из-за поворота. Пулеметчик на первом танке беспрестанно поливал нас огнем. Впрочем, нечто подобное мы и ожидали. Если враг сумеет без потерь преодолеть мост, мы, на своем голом склоне, вряд ли сможем дать им достойный отпор. Наши пули лишь слегка поцарапают им броню, в то время как они в упор расстреляют нас, как только мы рискнем открыть по ним огонь.

Горная дорога, однако, оказалась крутой, особенно ближе к мосту; земля там промерзла как камень. Неудивительно, что, как только американцы подползли к мосту, первый танк занесло. Он описал поворот и сполз в сторону, подставив тем самым правый бок под прицел наших ребят, которые сидели в засаде на мосту. В следующее мгновение прогрохотал первый выстрел. Повалил дым. Люк башни открылся, и экипаж подбитого танка вылез наружу. Танкисты явно были ранены и попытались укрыться за второй бронемашиной. Путь второму танку перегораживал первый, а ему, в свою очередь, наши солдаты, вооруженные противотанковыми ружьями. В какой-то момент обе стороны замешкались. Затем, неожиданно, люк второго танка открылся и из него выпрыгнул один-единственный человек. В бинокль мне показалось, что это офицер. Невзирая на опасность, какой американец себя подставлял, он поспешил в лощину, где, как в западне, сидел взвод пехоты, помог раненным дойти до танка и погрузил одного за другим на броню. Мы же, не сделав ни единого выстрела, следили, затаив дыхание за этой удивительной спасательной операцией. Затем офицер снова забрался в танк. Бронемашина развернулась и рванула назад. Те из нас, кто стали свидетелями этой сцены, будь то с близкого расстояния или с

большого, инстинктивно чувствовали, что открой кто-то из нас огонь, это не сделало бы нам чести на фоне беспримерного мужества безвестного американского офицера-танкиста. (Этим офицером был носивший в ту пору звание подполковника армии США Феликс Л. Спаркс, командир 3-го батальона 157-го пехотного полка, той самой военной части, которая участвовала в бою против батальона автора этой книги. Спаркс был представлен к высокой награде, ордену, однако получил в конечном итоге лишь Серебряную звезду. — Прим. редактора.)

С наступлением ночи мы по-прежнему оставались в незавидном положении. Голод не способствует поднятию боевого духа. Среди солдат уже начался ропот недовольства. Штрикер подбородком указал на дорогу внизу.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, хотя, похоже, уже знал ответ.

— Думаю, неплохо бы взглянуть на танк вблизи. Что скажешь?

— Давай, если хочешь. Даю тебе полчаса. Только смотри, не угоди под пули наших ребят.

И он принялся осторожно спускаться вниз, к подбитому накануне танку.

Назад Штрикер вернулся вовремя, как раз подоспел к раздаче более чем скромных призов — печенья и сигарет, которыми мы разжились у нашего врага.

События последующих двух дней помню смутно. Думаю, причиной тому мороз, голод, недосыпание и постоянно жившая на задворках сознания мысль о том, выберемся ли мы вообще отсюда живыми. Природа, вернее, погодные условия, а также наше собственное физическое и психическое состояние — вот что было нашим врагом номер один, пока мы находились на этом склоне. Погода ухудшилась, сражение же не прекращалось. Американцы не стали предпринимать очередной попытки вырваться из окружения, однако снова и снова то тут, то там возникала перестрелка — значит, кто-то пытался прорваться изнутри или снаружи периметра. Американская артиллерия продолжала вести обстрел наших позиций на горе, а наши минометы без конца обрушивали залпы на вершину. Вскоре снова пошел снег, а когда к нему прибавился ветер, то снегопад превратился в метель, которая полностью заволокла и без того заснеженные горы. Помню, как я стоял в окопчике рядом с нашей огневой точкой — к ногам подступает ледяная вода, вздрагиваю и просыпаюсь от сна, в который сам не заметил, как провалился. Рядом — угрюмые профили Бинга и Штрикера, почти каменные лица под касками, на которые сверху натянуты капюшоны курток.

Мы все в снегу.

Никогда не забуду мои тайные мысли в те напряженные минуты. Мысли про то, дано ли нам пережить эту ночь, обещания самому себе, что если все-таки переживу, то никогда в жизни ни на что не пожалуюсь, была бы крыша над головой, теплый очаг и сытый желудок. Я подумал, а не стать ли мне фермером, по крайней мере, еда на столе у меня всегда будет. Скажу честно, раньше подобные мысли меня никогда не посещали.

Американский батальон отступил на пятый день, после того как наш полк перешел в наступление. В тот день противник предпринял последнюю попытку прорваться на наши позиции, однако безуспешно, и понес большие потери. В тот день попытки прорвать нашу линию обороны извне уже прекратились. Американцы сдались во второй половине дня, ближе к вечеру, по просьбе нашего командующего полком и нашего батальонного, которые возглавляли бой у вершины. Вражеские потери были ужасны. Из первоначальных пяти рот, лишь примерно 450 человек сдались в плен, да и то только потому, что были ранены. Они отошли от своих позиций ближе к нашему тыловому эшелону с тем, чтобы, к нашему великому сожалению, лишить нас возможности лучше рассмотреть нашего галантного противника. Уверен, наши товарищи на той стороне горы выстроились в шеренги, образовав нечто вроде почетного караула, когда между ними проходила колонна пленных американцев. Их офицеры, два с половиной десятка человек, получили приглашения в наш полковой штаб, где им были возданы соответствующие почести. Немцы действительно именно так обращались с пленными американцами. После бесед примерно со ста участниками тех боев (главным образом американцами) было установлено, что подполковник армии США в отставке Хью Фостер оставил документальные свидетельства о необычных обстоятельствах сдачи в плен американских солдат и офицеров и поведения и начальства 11-го горно-пехотного полка войск СС при капитуляции. Немцы не только поздравили ошеломленных вражеских солдат, отметив их мужество, но и действительно устроили для них нечто вроде почетного строя и поделились едой. Позднее американские офицеры отдельно высоко отметили поведение Герхарда Франца, командующего 256-й фолькс-гренадерской дивизией, которой временно была придана военная часть автора этой книги. Многие пленные разных званий удостоились похвалы этого старшего офицера, стоявшего в своем штабном автомобиле, когда их отправили в тыл в качестве военнопленных. (Вышеописанный бой подробно описан в выходящей в издательстве «Aberjona Press» книге полковника

Фостера.) Если верить слухам, все они получили по жестянке какао — щедрый жест со стороны нашего командира, хотя не скажу, что наши солдаты были этому рады, потому что продовольствия не хватало нам самим.

Днем мы получили возможность ближе приглядеться друг к другу. Первым делом мы рассмеялись, глядя на пятидневную щетину, которой успели зарасти наши бледные, осунувшиеся лица. Лично мне было больно видеть моих товарищей такими изможденными. Сколько это еще протянется, спрашивал я себя? Возвращаясь, мы пошли напрямую через гребень горы. Мы шагали по самой середине поля боя, вокруг нас среди деревьев лежали мертвые тела — большинство поодиночке, другие уложенные ровными рядами теми, кому повезло остаться в живых. Даже под снегом было нетрудно различить эти штабеля бездыханных человеческих тел.

Штаб батальона располагался за последним поворотом дороги, что вела на север. Мы прошли мимо загона для мулов, устроенного посреди елового леска. И пока мы шагали мимо, погонщики смотрели на нас так, словно мы восстали из мертвых. По их словам, в тылу наши потери были гораздо меньше потерь противника, но лишь в сравнении с ними. К величайшему моему облегчению, я нашел Генриха живым и здоровым. А вот его напарник по огневой точке погиб, получив пулю в шею, когда благодаря мужеству их пулеметного расчета американцы были вынуждены остановиться буквально в тридцати метрах от наших окопов. Шальная эта пуля разорвала ему сонную артерию, и он тотчас умер. Погиб также один из южных тирольцев. Более того, я узнал, что убит еще один командир взвода из 12-й роты. Днем врач осмотрел мои ноги. Мне крупно повезло, сказал он, я отморозил себе лишь два пальца.

Наш полк сделал свое дело — американцы были вынуждены отступить.

На следующий день мы двинулись на юг, что означало постоянные перестрелки на поросших лесом склонах холмов и зачистку территории. Для нас это было совершенно новым делом. Мирное население отсюда эвакуировано не было, и мы вновь несли войну жителям горных деревушек. При нашем приближении они закрывали ставни, а их отношение к нам можно прочесть на лицах. Нет, нам здесь не были рады.

В одной крошечной деревушке мы встретили сопротивление со стороны американцев, однако его быстро удалось сломать. Мы обнаружили следы их пребывания, которые показались нам верхом изобилия — курево и конфеты. Но нашлось и кое-что еще. Именно здесь вверенный мне взвод разжился тяжелым

американским пулеметом вместе с треногой, боеприпасами и прочим. Мы подумали, что рано или поздно противник начнет массированное контрнаступление, и лишний пулемет нам не помешает. В общем, мы прихватили его с собой. Штрикер получил «повышение» — был назначен вторым пулеметчиком при этой машине.

К ночи мы достигли деревушки у подножия горы. Разведка донесла, что американцы еще полностью не отступили. По крайней мере, арьергард их военной части еще был здесь. Бой был коротким. Мы обогнули деревню, расположенную в глубокой долине, и тем самым блокировали противнику путь к отступлению. После чего довольно легко захватили их самих вместе с техникой. Со всех сторон раздавались короткие автоматные очереди — это наши солдаты повели наступление со всех сторон. Танки замерли на месте. Согласно сводкам, ни одна из сторон потерь не понесла. А вот «улов» оказался богатым, в том числе десятки ящиков апельсинов — роскошь, какой мы не видели уже многие годы. Как вы понимаете, все это существенно приподняло наш боевой дух.

На зачистку деревни ушла еще пара часов, после чего наступило затишье. Основные подразделения американцев не выказывали желания вызволять своих попавших в беду товарищей, хотя наверняка знали, что с ними произошло.

Мы устроили огневую точку к югу от деревни, рядом с нашими противотанковыми орудиями. Главным пулеметчиком сделали Бинга. Я уже заметил, что он постоянно молчит. Бинг — эльзасец, и где-то на равнине, что простиралась перед нами, был его дом.

— Наверно, странно возвращаться домой при таких обстоятельствах? Кстати, а где твой родной город? — поинтересовался я у него.

— Километрах в двадцати пяти отсюда, на полпути до Страсбурга. Небольшая деревня, — негромко ответил он.

Я попытался его взбодрить.

— В хорошее воскресенье можно доехать на велосипеде.

Он ничего не сказал.

— Может, в ясный день увидишь ее с вершины горы?

— Пожалуй, — коротко ответил мой товарищ.

Я понял, что говорю с ним не тем тоном. Более того, что я знал про Эльзас? Приграничный район, отнятый у нас по Версальскому договору, предмет распрей между Францией и Германией вот уже несколько веков.

— Если не ошибаюсь, это по-прежнему французская территория, — подошел я с другой стороны.

— Верно.

— Твоя семья чисто немецкая или франко-немецкая?

— Нет, мы немцы, и мой родной язык немецкий, — ответил он.

— Но по-французски ты тоже говоришь? — уточнил я.

— Можно подумать, ты сам этого не знаешь, — раздраженно ответил он.

Мне тотчас вспомнилось, как он пел французскую песню в нашем блиндаже к востоку от Киестинки. Боймер еще аккомпанировал ему на губной гармошке, что делал крайне редко, когда бывал пьян, и то после долгих уговоров:

Чтобы положить конец службе,
Я уехал в Тонкин,
Прекрасную страну.
Настоящий рай, полный изящных женщин.
Они прекрасны, они преданы вам,
И я стал мужем изящных женщин
В стране под названием Мелаоли.

И так далее в том же роде.

Мне всегда не давал покоя вопрос, где он выучил эту песню, в конце концов, это ведь солдатская песенка.

— Как бы то ни было, — добавил Бинг после короткой паузы, — я не для того вступил в войска СС, чтобы доказать, что я истинный немец. Если ты это, конечно, имел в виду.

— Нет-нет, не это. Ты меня неправильно понял, — запротестовал я. — Просто пытаюсь представить себя на твоем месте, как я сражаюсь, чтобы вернуть отнятую родину, которая уже давно в руках у чужой страны.

— Чужой или не чужой, какая разница? Границы не так уж и важны. Раньше я думал, что Европа должна объединиться против большевиков, но все вышло совсем не так. И теперь я чувствую себя втянутым в гражданскую войну. С каждым днем я понимаю происходящее все хуже и хуже, и это сводит с ума, — грустно признался Бинг.

— Ну ты скажешь, в гражданскую войну! — непроизвольно вырвалось у меня. — Мы ведь, если не ошибаюсь, воюем с американцами!

— С моей точки зрения, не велика разница. Кстати, ты знаешь, кто наш противник у Кольмара? — неожиданно спросил он.

— Понятия не имею, — честно признался я.

— Я сам недавно узнал: французские войска под

командованием генерала Леклерка.

— И что из этого? — Скажу честно, я не понял, к чему он клонит. — Горстка французиков! Можно подумать, нам есть смысл их бояться.

Бинг ответил не сразу. Когда же я посмотрел на него, то увидел, что взгляд его устремлен поверх пулемета куда-то вдаль.

— Я думал, ты знаешь, — произнес он, в конце концов. — Стоит мне попасть в плен живым, как меня на месте расстреляют как предателя.

Больше мы с ним не разговаривали на эту тему. Бинг погиб через два месяца. Он был из числа тысяч подобных ему добровольцев в борьбе с большевизмом и в конечном итоге стал жертвой собственного идеализма. Они все стали жертвами. Не думаю, что их идеализм умер вместе с ними, их мечта о том, что в один прекрасный день Европа станет единым домом, в которой границы, как выразился Бинг, ничего не значат.

Утром, когда нас сменили, мы пошли прогуляться по деревенской улочке — замерзшие до мозга костей, голодные, усталые как собаки. Мы еще не отошли после Рейпертсвейлера. Боже, когда в последний раз у нас была возможность выспаться, причем под крышей, а не под открытым небом? Сегодня такая крыша была нам обещана — местная церковь. День стоял морозный и солнечный. По пути мы подошли к походной кухне, которая каким-то образом умудрилась ночью проследовать за нами. У нас был кофе, настоящий, не эрзац, печенье и апельсины, все, как вы понимаете, отбитое у американцев.

Церковь стояла на небольшом возвышении. К дверям вела лестница. Подойдя ближе, мы увидели, что перед ней сгрудились американские военнопленные, и наш офицер обсуждал с шарфюрером, что с ними делать. Наш полк двигался дальше, поэтому отправлять их в тыл нам было не с руки. Оставить их стоять на морозе, после того как они провели под открытым небом всю ночь, — тоже не слишком гуманно. Собственно говоря, церковь предназначалась нам. И тогда было принято простое решение: и мы сами, и пленные американцы вместе заночуем на церковном полу. Мы вошли внутрь, и, как только устроились на ночлег, оказалось, что пленные легли между нами. Так мы и провели всю ночь — немецкие солдаты вперемежку с американскими на деревянных досках пола.

Я долго не мог уснуть, зная, что рядом со мной мои первые американские пленные. Тот, что лежал слева от меня, был белым, тот что справа — худой и смуглый. Я спросил у них вещи, которые мне самому теперь кажутся наивными: зачем им понадобилось ехать за тридевять земель в Европу, чтобы

сражаться с нами? Не лучше было бы нам объединить силы, чтобы сообща дать отпор русским? Разве не в наших общих интересах уничтожить большевизм? Но они были скромные ребята и не слишком разговорчивые. Да и мой английский оставлял желать лучшего, кроме того, мне впервые стало ясно, что тот язык, на котором говорят американцы, это не тот английский, который учат в школе.

Бинг вежливо попросил меня закрыть рот. Вскоре мы уже все спали, по крайней мере все немцы. У двери застыл наш часовой, а сквозь цветные стекла витражей мирно светило солнце.

Лампаден

В последние дни февраля 1945 года мы покинули наш сектор в Нижних Вогезах. В задачи наших передовых частей входило не допустить возвращения американцев на потерянные ими позиции рядом с немецкой границей. Операцию «Нордвинд», «Северный ветер», пришлось отменить, потому что немецкие войска, которые на новый год вошли в северный Эльзас и восточную часть Лотарингии с севера и востока, оказались слишком слабы, чтобы закрепить свой успех. В конечном итоге операция так и не смогла достичь главной цели — отбить Эльзас и ее столицу Страсбург и тем самым отрезать французов от американских частей.

Встретив в этом секторе ожесточенное сопротивление и не оставляя надежды развернуть массированное наступление, американцы стремились нанести нам как можно больший урон, в то время как сами всячески пытались избежать потерь. После отступления из Рейпертсвейлера их и наши передовые части старались держаться друг от друга на почтительном расстоянии. Обе стороны предпринимали разведывательные вылазки. В нашем случае в состав разведотряда обычно входил Генрих и еще несколько человек, в том числе и я; судя по количеству взятых «языков» — Генрих даже получил Железный крест плюс недельный отпуск — наши действия имели успех. От взятых в плен «языков» наше командование узнало, что американцы пока не собираются возобновлять наступление, которое они приостановили в середине декабря. Вместо этого они обрушили на нас всю мощь своей артиллерии, с каждой новой неделей усиливая обстрел наших позиций. Время от времени до нас доходили известия о тяжелых потерях, особенно в тыловых эшелонах. Случалось, что при попадании в блиндаж крупнокалиберного снаряда в одночасье погибал целый взвод, и мы с горечью понимали, что наша собственная артиллерия не в состоянии дать достойный отпор, учитывая перевес противника в воздухе. В общем, мы держались как могли, зная, что никакой крупномасштабной операции не предвидится, чувствуя, как боевой дух потихоньку оставляет нас. Настало время оставить позиции.

Мы передали их другому подразделению, а сами провели несколько дней в тылу, пока шло переформирование. Стоит ли говорить, что мы столкнулись с суровой действительностью, причем не только на нашем фронте, а вообще. Выйдя из лесов и двигаясь по открытым дорогам, мы увидели, что «Германская крепость», как называла страну пропаганда, лишилась своей

крыши и теперь была открыта бомбардировкам союзников. Днем, за исключением плохой погоды, мы лежали, затаившись, на тот случай, если их самолеты налетят, словно рой оводов. Передвигаться в светлое время суток стало практически невозможно.

Однажды мы услышали по радио о том, что случилось с Дрезденом: американская авиация нанесла по городу невиданный по жестокости удар. Подробности не разглашались. Более того, Красная Армия вошла в границы рейха и теперь ее части стояли к западу от Одера. Здесь, на Западном фронте, чуть севернее, американцы уже успели закрепиться на двух плацдармах на восточном берегу Саара и теперь продвигались к Страсбургу.

На этом этапе войны, когда натиск противника заметно ужесточился, стало со всей очевидностью ясно, что мы бессильны что-либо сделать. Оглядываясь назад, в прошлое, можно сказать, что исход войны легко было предугадать с самого начала, однако до этого момента мы были убеждены, что верховное командование сумеет организовать эффективную оборону границ рейха и что в один прекрасный день война, так или иначе, завершится. Даже если дойдет до самого худшего, руководство страны знает, когда лучше пойти на уступки врагу с тем, чтобы избежать тотальной катастрофы и ненужной гибели людей. Мы же слушали радио и не слышали ничего, кроме призывов к народу Германии сохранять стойкость и мужество и упования на провидение. Как ни странно, но эти призывы не оставляли нас равнодушными. Разве сейчас не тот момент, чтобы войска СС показали свою несгибаемую верность рейху? И в то же самое время в душе каждого из нас с каждым часом нарастало ощущение обреченности.

Примерно тогда же я узнал, что Кристины больше нет. Письмо, которое я написал ей из Дании, вернулось нераспечатанным вместе с другим, от ее подруги. В начале января Кристина погибла во время воздушного налета, когда дежурила у себя в ганноверском госпитале. Так что в мрачной атмосфере тех дней это известие явилось для меня очередным ударом, причем уже личным, который, однако, был частью общей картины событий тех дней. Как мне было больно! И эта боль вкупе с другими страданиями проникала в самые глубины сердца.

Пережить это потрясение мне помог Генрих. Кладя письмо назад в конверт, я поймал на себе его вопросительный взгляд и все ему рассказал. Спустя какое-то время я вышел из нашей хибарки, чтобы побыть одному, но он увязался вслед за мной и вскоре уже шагал рядом.

— Я понимаю, тебе тяжело, — сказал он. — Но поверь, все

пройдет.

— Сам знаю. Просто мне не дает покоя вопрос, осталось ли на этой земле хоть что-то, что стоило бы всех этих жертв? — ответил я, оставляя при себе мои самые сокровенные чувства. — Ведь не ради же себя самой ведется эта война. Мне казалось, она нужна для того, чтобы защитить тех, кто нам близок и дорог, защитить какую-то часть нашей собственной жизни. Разве я не прав? Но теперь все это гибнет. Тогда, скажи, к чему эти страдания?

— Понимаю, — сочувственно произнес он. — Не переживай, это лишь минутная слабость. Три недели назад я тоже пережил свой черный час, когда мне дали неделю отпуска, вот только ехать мне было некуда, потому что Кенигсберг находился в осаде. Бывали и другие темные моменты, ты уж поверь мне. Я, например, до сих пор не знаю, где мои родители. Но мы не можем позволить себе поддаваться переживаниям. Легче от этого все равно не станет.

— Но как можно не думать, зачем все это? — возразил я.

— Принять как должное, что несчастья и беды — часть нашей жизни, что они происходят с нами постоянно и мы мало что можем с этим поделать, — продолжил он свои размышления. — Пойми, если задуматься, мы практически лишены возможности определять ход собственной жизни. Большинство вещей происходят сами собой. То, что мы пришли сюда добровольцами, — одно из редких исключений. Но уже в следующий миг ты — часть системы и лишен права выбора. Так что волей-неволей приходится смириться с тем, что происходит, и достойно играть свою роль. Зачем переживать из-за того, что нам не дано изменить?

— Да, но думать об этом не перестанешь.

— Я разве сказал, что ты должен перестать? Наоборот, чтобы делать выводы, нужно думать. И если ты не в состоянии изменить ход событий, значит, прими их как должное.

— Нет, это не по мне. Я так не могу.

— А я говорю, что сможешь.

— Может, и смог бы, но захочу ли?

— Вот увидишь, ты лишь станешь крепче духом. Как только ты сделаешь для себя этот вывод, твоя голова освободится для куда более важных вещей, нежели никому не нужные переживания.

— Например?

— Твой долг.

— Знаешь, я только и делаю, что пытаюсь понять, в чем же собственно состоит мой долг в данной ситуации.

— Ну если тебе не нравится слово «долг», назови это верностью родине. Неужели мы сражались в Лапландии, на Волге и в Африке лишь затем, чтобы тотчас бросить оружие, как только враг нарушил границы рейха?

Голос его звучал негромко и спокойно, а все сказанное им было очередным приглашением в мир стоицизма, в котором, я это точно знал, он чувствовал себя как дома. К тому же мой товарищ был прав. Разве мы не приносили присягу и не поклялись быть самими стойкими из стойких? То был его момент. Была в нем некая безмятежность. Чтобы перевесить страх потери, надежда ему больше не требовалась.

Через несколько дней нас перебросили на новый участок фронта, севернее и западнее прежнего. Лишь позднее выяснилось, что наша дивизия, действовавшая в соответствии с распоряжениями ставки фюрера, должна была развернуть наступление через реку Рувер, к югу от Трира. Сначала нас должны были перебросить туда на грузовиках, но сам бросок производил впечатление скорее бесцельной езды, чем части спланированной операции. Ехали ночью, отдыхали днем, в каких-то неизвестных нам местах, и мы, простые солдаты, вскоре потеряли представление о том, где находимся. Мы колесили по извилистым дорогам посреди поросших лесом гор, иногда проезжали мимо виноградников на склонах крутых холмов над речными долинами, но был ли это Мозель или Саар, мы не знали. Короче говоря, мы блуждали в потемках. Деревушки на холмах, все еще обитаемые, казалось, поворачивались к нам спиной, когда мы ночью проезжали сквозь них, словно не желали пускать к себе войну. Наконец наши скитания завершились в городке под названием Херместейль. Отсюда мы пешим маршем двинулись на запад.

Наступление было назначено на четыре утра 7 марта. Мы приготовились как будто для учений. Мы не стали брать с собой все пулеметы, а также иное тяжелое снаряжение. Пулемет Генриха и мои были объединены в один взвод, причем командиром был назначен Генрих. Ожидая, когда, наконец, двинемся с места, мы стояли молча и пытались согреться. Температура снова упала ниже нуля, и все вокруг покрывал тонкий слой снега. Ночью стояла кромешная тьма, не считая огоньков сигарет, нельзя было даже разглядеть того, кто стоит рядом с тобой. Неожиданно все в строю зашевелились. Мимо, задевая солдат полами шинели, прошагал офицер и что-то негромко сказал. В темноте тускло блеснул Рыцарский крест. Провести смотр явился сам командир батальона. Было приятно осознавать, что он будет где-то рядом, когда мы ударим по врагу

с тыла. А именно так и планировалось — нанести удар по тыловым позициям американцев южнее Трира.

Мы зашагали колонной по одному и быстро перешли пешеходный мостик, который соорудили для нас наши саперы, после чего двинулись по пересеченной местности. Я понятия не имел, ни где будут пролегать наши позиции, ни как мы до них доберемся. Думаю, это знал лишь тот, кто шел в голове колонны. А чтобы не заблудиться в кромешной тьме, каждый из нас был веревкой привязан к впереди идущему.

Сначала наш путь пролегал параллельно долине, а затем уходил вверх к главной цели: дороге, что тянулась вдоль гребня холма с севера на юг. Именно по ней происходило тыловое снабжение американской армии. Мы шли часа полтора, часто делая остановки, чтобы сориентироваться на местности. Пройдя примерно полпути, мы двинулись параллельно горному хребту, а затем остановились. Нас пока никто не заметил. Вокруг было тихо. Вскоре к нам на ощупь подошел командир нашего отряда и приказал рыть окопы на склоне пологого холма, что уходил вниз, к деревне. Однако в темноте было невозможно подыскать нужное место для огневой точки. Ведь мы стояли посреди открытого всем ветрам поля, а земля к тому же промерзла.

— Послушайте, — сказал я, — это какая-то ошибка.

Неужели вы хотите, чтобы мы установили пулемет прямо на землю? И вообще, что мы здесь забыли?

— Обеспечить прикрытие наших солдат со стороны деревни, — ответил командир отряда. — Кстати, к вашему сведению, у американцев там есть несколько танков.

— Что вы хотите сказать? Что мы должны держать противотанковую оборону, имея лишь одни пулеметы?

— Я тут ни при чем. Таков приказ. Мы должны удерживать наши позиции, пока не поступят новые распоряжения. А что касается танков, то не волнуйтесь. Выход из деревни охраняет противотанковый взвод. Если что, они возьмут танки на себя. В любом случае их не будет больше двух-трех.

— Но ведь здесь даже не выкопаешь окоп. Земля промерзла как камень.

— У нас в запасе до восхода солнца еще несколько часов. Думаю, нам этого времени хватит. Если не можете копать лопатами, скажите своим солдатам, чтобы рыли землю ногтями. Мне все равно как, главное, чтобы никакого шума.

— А почему бы нам, пока темно и танки не вышли из укрытий, не перейти в наступление? — спросил я, но наш командир уже растворился в темноте. Я же остался стоять в растерянности.

— Похоже, нас ждет фиаско, — заметил Генрих, пытаясь снять лопаткой верхний слой земли. — Какой смысл устанавливать здесь огневую точку? Если что-то и нужно делать, так поскорее выбраться отсюда.

Я пересказал ему слова командира.

— Дерьмо! Полное дерьмо! — вот все, что он сказал в ответ, продолжая копать. Я пошел проверить, чем заняты остальные солдаты нашего взвода.

Не обращая внимания на шум, все судорожно работали лопатками, и, в конце концов, сумели вырыть неглубокие укрытия. Мы с Генрихом умудрились даже соорудить небольшую амбразуру, однако на настоящую огневую точку это было мало похоже. Кстати, в темноте я потерял свой автомат. Копая землю, я положил его в сторонку, а вот найти уже не смог. Так что, ожидая приближения неприятеля, я стоял на четвереньках, ощупывая землю вокруг себя, и сыпал проклятиями. Скажу честно, я уже запаниковал, когда моя рука, наконец, нащупала заветный металл. Со стороны деревни доносился постоянный гул — по всей видимости, это ревели моторами американские танки.

Рассвело примерно через час. Неожиданно позади нас, примерно в двух километрах выше по холму, раздались автоматные очереди, взрывы, выстрелы из винтовок. Судя по всему, наш батальон столкнулся на дороге с врагом. Затем в самых разных местах ожили пулеметы, сначала справа, затем слева. Через считаные секунды нам на подмогу пришла наша артиллерия. Не успели мы и глазом моргнуть, как в тылу у американцев завязалось самое настоящее сражение.

На нашем склоне и ниже, в деревне, ничто даже не шевельнулось. В нас же нарастало напряжение. В какой-то момент мы еще лелеяли надежду, что получим приказ, пока не поздно атаковать деревню. Мы были готовы на любые, самые безрассудные действия, лишь бы поскорее убраться с этого поля. Увы, наши надежды не оправдались. Потому что снизу уже доносился гул танковых моторов — взревев, они оживали один за другим. Нет, их там было не два, и не три, а гораздо больше. Было слышно, как они ездят вокруг, как готовятся к бою. Нам оставалось только уповать на то, что наши ребята с «печными трубами», как мы называли противотанковые орудия, дадут им достойный отпор. («Офенроре», или в буквальном переводе «печная труба» — немецкий ответ базукам, стоявшим на вооружении армии США. Это противотанковое ружье стреляло большей, чем у «панцефауста» гранатой и имело большую дальность стрельбы. — Прим. автора.)

В серой предрассветной мгле у основания холма медленно

появились «шерманы». Наши противотанковые орудия, на которые мы возлагали такие надежды, молчали. Что там у них случилось? Или их перебросили на другие позиции? Танки медленно, но упрямо ползли вверх по склону — один, второй, третий, всего шесть или семь, точно не помню. Сначала мы увидели ведущий танк. Люк был открыт, и стрелок поливал пулеметным огнем наши укрытия. Расстояние до него было не так уж велико, и мы вполне могли бы открыть огонь, но, пользуясь железными гигантами как прикрытием, следом шла американская пехота. Наши солдаты, занимавшие позиции ниже нас на холме, не оказали никакого сопротивления. Впрочем, были ли они, эти солдаты? И что вообще они могли сделать, не имея противотанковых орудий?

Первый танк упорно полз вперед, пулемет все так же поливал нас свинцовым дождем. Нет, сколько такое можно терпеть?! Генрих взял его на прицел. Что нам еще оставалось? Мы открыли огонь, всего пара очередей, никаких трассирующих пуль. Пулеметчик тотчас нырнул в башню и захлопнул люк, бросил пулемет одиноко вращаться туда-сюда. Танк остановился, проехал какое-то расстояние, затем снова остановился. Его примеру последовали остальные бронемашины. Американская пехота залегла на землю. Двигаясь вперед и слегка наискосок, вражеский танк обнаружил нашу огневую точку. Боевая машина тотчас развернулась на гусеницах и двинулась прямо на нас. Остальные тоже возобновили движение, рассредоточившись по всему склону. Люки на башнях всех до единого танков были закрыты. Их экипажи взялись за дело — методично и безжалостно, они принялись уничтожать, один за другим, наши окопчики на склоне холма.

Ведущий танк, который оказался чуть впереди остальных, двигаясь к нашему окопу, замер на месте и направил на нас орудийный ствол. Он смотрел прямо на нас, однако всего какой-то доли секунды нам хватило, чтобы успеть спрятаться в нашем неглубоком окопчике, потому что уже в следующий миг прогрохотал выстрел. На наше счастье, американец промахнулся. Но и мы больше не стреляли. С нас хватило уже этого оглушающего грохота, хватило того, как содрогнулась земля. Прижав головы к земле, мы лежали и ждали, когда же прогремит второй выстрел. Генрих сделался бледен, как полотно, глаза его были широко раскрыты, в них застыл ужас. Думаю, та же самая картина предстала и его взгляду. Второй выстрел взметнул землю позади нас, не причинив, однако, нам самим никакого вреда.

Короткая пауза. Мы все так же неподвижно лежали на дне окопчика. Мимо нас, двигаясь вверх по склону, прогрохотали

другие танки. Бинг был ранен — мы слышали, как он закричал: «Моя нога! Моя нога!» Затем прогремел третий выстрел. Предполагалось, что это будет прямое попадание, но, увы, американец вновь промазал! Даже не верилось. Или это он играет с нами в кошки-мышки? Неужели это намеренно растянутая казнь? Что-то вроде преднамеренного истязания? Что бы это ни было, нам казалось, что живыми нам из этого боя не выйти. Потому что в следующий раз он вряд ли промахнется.

И верно, экипаж «шермана» решил предпринять еще одну попытку. Прогремел еще один оглушительный залп, от которого содрогнулась земля, а наши тела обмякли, словно тряпичные. На этот раз — недолет. Снаряд разорвался прямо перед амбразурой. Пулемет подбросило в воздух, а на нас сверху посыпались комья земли. Больше он в нас не стрелял.

Все это время я отдавал себе отчет в том, что происходит. Обстрел прекратился. До нас донеслись взволнованные крики солдат, наступавших вслед за танком. Все кончено, подумал я. Каким-то чудом мы остались живы, даже не получив и царапины, — спасибо сдавшим нервишкам американского танкиста-стрелка. Мы подняли руки вверх и медленно встали из нашего окопа. Американские солдаты двигались на нас — медленно, но, как мне показалось, нервно, то и дело беря нас на прицел своих винтовок. Затем я услышал, как в окопе позади меня простонал Бинг, и обернулся. Он лежал на земле, пытаясь найти укрытие. Одна его нога как-то странно дергалась, и из нее хлестала кровь.

— Вставай, Бинг! — крикнул я ему. — Все кончилось.

Но он вместо того, чтобы поднять руки вверх, схватился за винтовку, наверно, для того, чтобы встать. И это было его ошибкой — в следующее мгновение один из американцев метнул в его окоп ручную гранату. Мы бросились на землю. В следующее мгновение прогремел взрыв.

Я все еще пребывал в состоянии шока и стоял на коленях, когда кто-то резко дернул мою каску вверх. Ремень больно впился в шею, едва не придушив меня, но затем, слава богу, оторвался. Это был мой первый и весьма болезненный опыт в качестве военнопленного — таким, как я, каски не положены. Нас выстроили и быстро обыскали на предмет оружия. Мы осмотрелись: такой печальной картины еще ни разу не представало нашему взору. Куда ни кинь взгляд, повсюду мертвые тела — и никого из живых. Бинга разорвало на части. Штрикер тоже был мертв. Был также убит и один парень из пополнения. Далее в окопах наши солдаты лежали неподвижно, в неудобном положении, как могут лежать только мертвые.

Какое-то время мы смотрели на это жуткое зрелище, пока один из пехотинцев не получил приказ увести нас. Неожиданно наша артиллерия начала обстрел деревни. Откуда-то издали, со стороны дороги, до нас донесся грохот боя. Он продолжался еще два дня. Но к нам он уже не имел никакого отношения. Растерянные, мы старались осознать, что случилось с нами самими. Затем нас отвели вниз по склону в деревню.

Когда мы в нее вошли, оказалось, что название ее — Лампаден.

Оболганные

И снова октябрь. Прошел почти год с того момента, как я взялся за перо, чтобы описать мою добровольную службу под знаком «черного эдельвейса». Полагаю, что рассказ о моих товарищах, об их победах и поражениях, о маленьких радостях и великих страданиях, идеализме и самопожертвовании даст истинное представление об их кратких жизнях, которые сегодня нередко становятся объектом презрения и насмешек. И вот теперь, когда мой рассказ почти подошел к концу, я испытываю огромное облегчение, ибо выполнил свой долг.

Кстати, в начале этого месяца после десятимесячного процесса, международный военный трибунал вынес вердикт: считать войска СС как часть Альгемайне СС преступной организацией. Значит, они все-таки своего добились! И теперь, согласно закону победителей, добровольцы превратились в шайку бандитов, а их мертвые умерли с позором, им не положены воинские почести. Даже те, кто все время провел в боях, считаются повинными в преступлениях, которые имели место где-то за линией фронта, преступлениях, в которые многие из тех, кому довелось выйти живым из огня сражений, отказываются верить. Тем не менее, если верить суду, эти преступления — общеизвестный факт, и преступные задачи этой организации якобы не являлись ни для кого секретом, в том числе и для тех, кто вступил в нее добровольно. Таким образом, добровольцы несут ответственность за все содеянное. К таким выводам пришел международный военный трибунал.

Вердикт трибунала лишает нас нашей чести, а это то последнее, чего можно лишить поверженного противника. «Ehre verloren — alles verloren» (Если потеряна честь, потеряно все). Как будто им мало нашей безоговорочной капитуляции. Нет, для полноты победы им нужно было нас унизить.

Как военнопленный, я по-прежнему работаю с капитаном Гербертом, мы с ним ежедневно общаемся. До сих пор он никак не прокомментировал вердикт международного военного трибунала. Я ощущаю сочувствие с его стороны и благодарен ему за это, хотя у меня нет желания возобновить наши формальные дискуссии — дискуссии, от которых никакого толка, ну разве другой человек выслушает ваши жалобы на жизнь. Вряд ли я услышу от него слова несогласия с вердиктом. Для него это что-то вроде «Roma locuta, causa finite» — «Рим сказал, дело закрыто».

Кроме того, есть и другие вещи, например, мои собственные сомнения, которые не позволяют мне уверовать в собственную

непогрешимость. Если массовые убийства и другие преступления против человечности все-таки имели место и если они на совести преступников, которые носили нашу военную форму, то кому я должен в первую очередь предъявлять обвинения, организации или суду? Стоит ли удивляться, что серебряные руны в глазах многих превратились в олицетворение бесчеловечной жестокости? Стоит ли удивляться, что сила этого олицетворения заслонила собой все остальное? И оправдание, пусть даже лишь для боевых подразделений, невозможно. И не было ли в первую очередь предательства со стороны маленького человечка в толстых круглых очках, который маскировался среди дыма сражений, однако никогда не мог надеяться пусть даже на крупицу славы тех, кто проливал кровь на передовой? Думаю, теперь очевидно, что частью его замысла было запятнать простых солдат скверной расового фанатизма.

Was ist aus uns geworden? — Что с нами стало?

Были ли мы запятнаны расовым фанатизмом тех, кто стоял у власти, превратились ли мы в инструмент бесчеловечного политического режима? Судя по тому, что я сейчас читаю в немецких газетах, широкая общественность отнеслась к вердикту одобрительно, если не с удовлетворением. И что стало в целом с нашим народом? Слушая разговоры моих товарищей-военнопленных, я прихожу к выводу, что для них самое главное — их личное будущее. В лучшем случае — безразличие, которое проистекает из общей усталости; свою роль сыграли и те чудовищные откровения, которые стали известны, пока шел процесс. Борьба за искоренение большевизма, защита родины и рейха — во имя чего собственно и приносились бессчетные жертвы — похоже, никого больше не интересуют. А может, все это не более чем дело рук пропагандистов, а интересы простого народа здесь ни при чем?

Даже с точки зрения границ страны, я не понимаю, что с нами стало. Восточная Пруссия, Силезия, Судеты — все эти провинции нами утеряны, а наши соотечественники, которые проживали там, согнаны с родной земли, и, похоже, что навсегда. Эти районы больше не считаются частью Германии. Распространяя свою власть все дальше на запад, советский режим проник практически в самое сердце страны, добравшись до самого Гарца — той области, откуда вышел первый император Священной Римской империи, включая Блессгейм и большую часть Брауншвейга. Не является ли эта оккупация частью дальнейшего расчленения Германии? И что собственно стояло за понятием «рейх»? Было ли это лишь эпизодом немецкой истории, как я недавно прочел в передовице одной из газет? Что осталось

после его крушения, с чего бы мы могли начать строительство нашего общего будущего? В ходе войны Германия подчинила себе многие старые страны, однако оставила большинство из них в прежних границах. Но есть ли сейчас страна, которая могла бы называться «Германией»? Лично я такой страны не знаю.

Привычный мир рухнул. Брезжит заря нового мира — мира, в котором наши ценности дискредитированы, мира, где нас из-за нашего прошлого будут встречать с нескрываемой ненавистью или в лучшем случае сдержанно. Что ж, согласимся, на то есть причины. Куда главнее для нас теперь — наше будущее и то, что мы намерены с ним делать. Это и есть та территория, где нам придется доказывать, что мы такие на самом деле, территория новых возможностей. Остается лишь надеяться, что нас не лишат этого шанса.

И вместе с тем никто не в силах отобрать у нас верность нашим мертвым. Наш святой долг — защитить их доброе имя, защитить светлую память о них. Они, как и другие павшие в той войне или замученные по вине расового фанатизма, должны служить вечным предостережением, чтобы эта трагедия не повторилась вновь. Однако есть и нечто другое, о чем следует постоянно помнить. Пусть цели, во имя которых они отдали жизни, преступны, а символы, под которыми они шли в бой, — это символы зла, однако их беспредельная самоотверженность, их верность стране, их готовность защитить ценой собственной крови — все это не может не вызывать уважения. Это дух юности, без которого не может существовать ни одна страна.

Эпилог

Сражение при Лампадене бушевало еще два дня, тяжелые потери понесли обе стороны. Затем два наши полка, вернее, то, что от них осталось, пытались пробиться назад, к своим.

А еще через десять дней возле деревни Пфаффенхек, недалеко от Битбурга, на холмах между Рейном и Мозелем, пал и наш батальон вместе с большей частью 11-го горно-пехотного полка СС. Измотанные боями до изнеможения, лишенные возможности применить тяжелое вооружение, поскольку для него кончилось горючее и его пришлось бросить, наши солдаты предприняли последнюю, отчаянную атаку на противника с плацдарма к востоку от Мозеля. Под смертоносным артобстрелом они отошли к деревне, где и заняли позиции. На следующее утро неприятель напал на них с тыла. Пришлось организовать оборону по всем четырем направлениям. Американская артиллерия поливала их огнем своих орудий, не зная передышки. Человеческие потери росли с каждым часом. В этом бою, сражаясь бок о бок со своими солдатами, погиб командир батальона.

Битва при Пфаффенхеке стала последним испытанием для нашего полка. Это было жестокое сражение, где кровь лилась рекой; огромные потери понесли и мы, и противник. Американцы потеряли пять танков и позднее говорили, что ничего страшнее им не пришлось испытать за всю военную кампанию. И все же их вторжение в границы рейха не удалось остановить. Мы задержали их всего на три дня. Более того, мы даже не смогли собрать своих мертвых, а их было около двухсот. Их похоронили жители деревни, а позднее посреди березовой и еловой рощицы устроили кладбище, где свой вечный покой обрел и наш командир.

Местность, на которой состоялась битва при Рейпертсвейлере и где многие из нас нашли свой конец, теперь относится к зоне молчания. Ее существование — утешение для нас, ветеранов, независимо от причин, по которым она была создана.

Колокола Куусамо откопали из земли через пятнадцать лет с помощью саперов, участвовавших в их спасении. Деревня, временно оккупированная русскими, была сожжена дотла, когда туда вернулись ее жители. Колокола теперь звонят в новой церкви, отстроенной уже после войны. Старые бронзовые подсвечники удалось спасти, и их снова можно увидеть в стенах храма.

После войны дядя Петер вернулся в Швецию, где работал на шведском заводе. Он и его семья получили шведское гражданство и сегодня представляют шведскую ветвь семьи Фосс. Тетя Эдда

провела полтора года в британском лагере для перемещенных лиц, откуда вернулась несломленной, исполненной боевого духа. Генриха в 1945 году передали французским властям, и он три года отработал на ферме. Сейчас он живет в Берлине. Наш санитар Петер выучился на врача и уехал из Германии в Соединенные Штаты. Там он познакомился с девушкой-немкой, и вся семья, в том числе четверо их детей, стали американскими гражданами. Умер он несколько лет назад.

Что касается меня самого, то меня выпустили на свободу накануне Рождества 1946 года. По возвращении в Харденбург я нашел родных, правда, в довольно стесненных обстоятельствах. Как только стало известно, что англичане собираются уйти, чтобы передать район русским, моя мать и сестра покинули Бленгейм, имея при себе лишь немного личных вещей. Мой отец освободился из лагеря для военнопленных в Италии. Ник вернулся из госпиталя, где выздоравливал после легкого ранения, полученного им в 1945 году. Вернулся домой и мой младший брат. Моя бабушка приняла у себя родственников из Силезии, всего двенадцать человек беженцев. Их согнали с насиженных мест, которые теперь отходили к полякам. Неудивительно, что дом, в котором раньше жили моя бабушка и тетки, был забит под самую крышу. Мне пришлось поселиться в летнем домике. Пищи и топлива едва хватало. Мы питались свеклой с полей и куриным комбикормом, а также воровали в лесу дрова. В нашей семье никто не жаловался на жизнь — ни мои родители, ни мы, представители младшего поколения. Ведь мы прошли через куда более страшные испытания и потому были полны надежды. Лично я считал, что мне незаслуженно повезло — в отличие от моих боевых товарищей я дожил до двадцати одного года. Это чувство не оставляет меня до сих пор.

Несмотря на пятилетний перерыв я решил продолжить образование. Все временные удостоверения об окончании школы, выданные в последние годы войны, были объявлены недействительными, и те, кто попал в эту возрастную группу, для того чтобы иметь право поступить в университет, были вынуждены повторить последний год обучения в школе. В Херденбергской школе мне не были рады. Директор, пострадавший при предыдущем режиме, открыто заявил, что меня как бывшего солдата войск СС выпустили на свободу слишком рано. Но все равно я пошел туда учиться, окончил выпускной класс, познакомился с девушкой, беженкой из Прибалтики, с которой до сих пор счастлив в браке.

Каждый год в ноябре, на День поминовения, ветераны нашей дивизии вместе с жителями деревни собираются на кладбище

Пфаффенхека воздать дань уважения нашим павшим товарищам. В этих торжествах принимают участие подразделения бундесвера, а иногда офицеры и ветераны американской армии. Движение за мир, нападки со стороны прессы, акции протеста — с годами все это заметно усилилось. Даже генерал, командующий военного округа, решил идти в ногу со временем и в один прекрасный день заявил, что не позволит новобранцам принимать участие в торжествах, на которых присутствуют ветераны войск СС. Затем генерал поднялся выше по служебной лестнице, солдаты бундесвера вернулись, а пресса нашла себе новые темы.

Мы, ветераны, смотрим на все это спокойно. Мы непоколебимы в нашей вере.